

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

Председатель редакционного совета:

К.А. Чуйченко, Министр юстиции
Российской Федерации (г. Москва)

Члены редакционного совета:

Н.К. Атабекова, кандидат юридических наук,
кандидат филологических наук, доцент,
проректор по науке и инновациям
Международного университета Кыргызской
Республики (Киргизия);

Д.С. Жуйков, заместитель Министра юстиции
Российской Федерации (г. Москва);

М.Н. Илюшина, доктор юридических
наук, профессор, заведующая кафедрой
гражданского и предпринимательского права
ВГУЮ (РПА Минюста России), Заслуженный
юрист РФ (г. Москва);

В.И. Красиков, доктор философских наук,
профессор, главный научный сотрудник
центра научных исследований ВГУЮ
(РПА Минюста России) (г. Москва);

А.В. Малько, доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры государственно-
правовых дисциплин Поволжского института
(филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России),
Заслуженный деятель науки РФ (г. Саратов);

Ц. Сьюань, кандидат филологических наук,
доцент, начальник секретариата Центра
обмена и сотрудничества при Комиссии по
юридическим услугам для ШОС (Шанхайского
политико-юридического университета) (Китай);

А.И. Усов, доктор юридических наук, профессор,
первый заместитель директора, курирующий
научно-методическую и образовательную
деятельность Российского федерального центра
судебной экспертизы при Министерстве
юстиции РФ (г. Москва);

П.С. Яни, доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и криминологии юридического факультета
МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва);

В.В. Ярков, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой
гражданского процесса Уральского
государственного юридического университета
им. В.Ф. Яковлева (г. Екатеринбург);

Б.В. Яцеленко, доктор юридических наук,
профессор, заведующий кафедрой уголовного
права и криминологии ВГУЮ (РПА Минюста
России), Заслуженный юрист РФ (г. Москва)

СОСТАВ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Председатель редакционной коллегии: доктор юридических
наук, профессор, председатель Следственного комитета РФ,
генерал юстиции РФ, Заслуженный юрист РФ
А.И. Бастрыкин (г. Москва)

Главный редактор: член редакционной коллегии, кандидат
юридических наук, доцент, ректор ВГУЮ (РПА Минюста России)
О.И. Александрова (г. Москва)

Заместитель главного редактора: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, проректор по научной
работе, заведующий кафедрой гражданского процесса, публично-
правовой деятельности и организации службы судебных приставов
ВГУЮ (РПА Минюста России) **В.А. Гуреев** (г. Москва)

Ответственный секретарь: член редакционной коллегии,
доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой
административного, финансового и информационного права ВГУЮ
(РПА Минюста России) **З.М. Казачкова** (г. Москва)

Члены редакционной коллегии:

Д.А. Авдеев, кандидат юридических наук, доцент (г. Тюмень);

М.Б. Аверин, кандидат юридических наук, кандидат
исторических наук, доцент (г. Москва);

А.С. Автономов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Н. Бабенко, доктор исторических наук, профессор (г. Москва);

Н.В. Бандурина, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Э.В. Богмацера, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

С.В. Борисов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

И.И. Зенкин, кандидат юридических наук, доцент (г. Москва);

О.В. Исаенкова, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

А.Я. Козинцев, доктор юридических наук, кандидат исторических
наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.Б. Козлова, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

В.Ф. Лапшин, доктор юридических наук, доцент (г. Ханты-Мансийск);

А.Н. Лёвушкин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

С.В. Максимов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Б.И. Нефедов, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

В.Ю. Панченко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.А. Подольный, доктор юридических наук, доцент (г. Саранск);

А.Г. Репьев, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Б.В. Сангаджиев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

А.Ю. Соколов, доктор юридических наук, профессор (г. Саратов);

З.Б. Соктоев, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Ю.Г. Торбин, доктор юридических наук, профессор (г. Москва);

Е.В. Трофимов, доктор юридических наук, доцент (г. Санкт-Петербург);

Е.В. Фоменко, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

К.В. Черкасов, доктор юридических наук, доцент (г. Москва);

Н.Г. Якубова, кандидат юридических наук (г. Москва)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL

Chairman of the Editorial Council:

K.A. Chuichenko, Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

Members of the Editorial Board:

N.K. Atabekova, PhD in Law, PhD in Philology,
Vice-Rector for Science and Innovations
of International University of the Kyrgyz Republic
(Kyrgyzstan);

M.N. Ilyushina, Doctor of Law, Professor, Head
of the Department of Civil and Business Law
of All-Russian State University of Justice, Honored
Lawyer of the Russian Federation (Moscow);

V.I. Krasikov, Doctor of Philosophy, Professor, Chief
Researcher of the Center for Scientific Research
of All-Russian State University of Justice (Moscow);

A.V. Malko, Doctor of Law, Professor of the
Department of State and Legal Disciplines of the
Volga Region Institute (Branch) of All-Russian State
University of Justice, Honored Worker of Science
of the Russian Federation (Saratov);

C. Siyuan, PhD in Philology, Head of the Secretariat
of the Center for Exchange and Cooperation under
the Commission on Legal Services for the SCO
(Shanghai University of Politics and Law) (China);

A.I. Usov, Doctor of Law, Professor, First Deputy
Director in Charge of Scientific, Methodological
and Educational Activities of the Russian Federal
Center for Forensic Science Under the Ministry
of Justice of the Russian Federation (Moscow);

P.S. Yani, Doctor of Law, Professor of the
Department of Criminal Law and Criminology
of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow
State University (Moscow);

V.V. Yarkov, Doctor of Law, Professor, Head of the
Department of Civil Procedure of V.F. Yakovlev
Ural State Law University (Yekaterinburg);

B.V. Yatselenko, Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of Criminal Law and
Criminology of All-Russian State University
of Justice, Honored Lawyer of the Russian
Federation (Moscow);

D.S. Zhuikov, Deputy Minister of Justice
of the Russian Federation (Moscow)

THE COMPOSITION OF THE EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Board: Doctor of Law, Professor,
Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation,
General of Justice of the Russian Federation, Honored Lawyer
of the Russian Federation **A.I. Bastrykin** (Moscow)

Chief Editor: Member of the Editorial Board, PhD in Law,
Rector of All-Russian State University of Justice
O.I. Alexandrova (Moscow)

Deputy Chief Editor: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Vice-Rector for Scientific Work, Head of the Department
of Civil Procedure, Public Law Activity and Organization of the Bailiff
Service of All-Russian State University of Justice **V.A. Gureev** (Moscow)

Executive Secretary: Member of the Editorial Board, Doctor of Law,
Professor, Head of the Department of Administrative, Financial and
Information Law of All-Russian State University of Justice
Z.M. Kazachkova (Moscow)

Members of the Editorial Board:

D.A. Avdeev, PhD in Law (Tyumen);

M.B. Averin, PhD in Law, PhD in History (Moscow);

A.S. Avtonomov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.N. Babenko, Doctor of Historical Sciences, Professor (Moscow);

N.V. Bandurina, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Bogmatsera, PhD in Law (Moscow);

S.V. Borisov, Doctor of Law (Moscow);

K.V. Cherkasov, Doctor of Law (Moscow);

E.V. Fomenko, Doctor of Law (Moscow);

O.V. Isaenkova, Doctor of Law, Professor (Saratov);

A.Ya. Kodintsev, Doctor of Law, Candidate of Historical Sciences (St. Petersburg);

E.B. Kozlova, Doctor of Law (Moscow);

V.F. Lapshin, Doctor of Law (Khanty-Mansiysk);

A.N. Levushkin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

S.V. Maksimov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

B.I. Nefedov, Doctor of Law, Professor (Moscow);

V.Yu. Panchenko, Doctor of Law (Moscow);

N.A. Podolny, Doctor of Law (Saransk);

A.G. Repyev, Doctor of Law (Moscow);

B.V. Sangadzhiev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law, Professor (Saratov);

Z.B. Soktoev, Doctor of Law, Professor (Moscow);

Yu.G. Torbin, Doctor of Law, Professor (Moscow);

E.V. Trofimov, Doctor of Law (St. Petersburg);

N.G. Yakubova, PhD in Law (Moscow);

I.I. Zenkin, PhD in Law (Moscow)

Учредитель и издатель:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)»

© Вестник Российской правовой академии, 2026

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации № 77-15470 от 20 мая 2003 г.

Номер подготовлен при информационной поддержке справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

Журнал включен в Перечень рецензируемых изданий Высшей аттестационной комиссии (ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, соискание ученой степени доктора наук по следующим научным

специальностям: 5.1.1 «Теоретико-исторические правовые науки», 5.1.2 «Публично-правовые (государственно-правовые) науки», 5.1.3 «Частноправовые (цивилистические) науки», 5.1.4 «Уголовно-правовые», 5.1.5 «Международно-правовые науки».

Опубликованные статьи выражают мнение авторов, которое может не совпадать с точкой зрения редакции журнала. Редакция оставляет за собой право на внесение изменений и сокращений. Полная и частичная перепечатка материалов возможна с письменного разрешения редакции.

Published articles express the authors' opinion, which may not coincide with the point of view of the editorial office of the journal. The editors reserve the right to make changes and abbreviations. Full and partial reprinting of materials is possible with the written permission of the editorial office.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА. ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

Бабенко В. Н.

Вооруженный конфликт между Россией и Украиной как результат ошибок,
допущенных Советским государством..... 10

Крушанова Л. А.

Органы прокуратуры на Дальнем Востоке СССР
в послевоенное десятилетие..... 18

Никитин П. В., Верина Д. А.

«Государство будущего» Карла Баллода:
прототип социального государства или утопия..... 34

ПУБЛИЧНОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ

Кокорев А. Н.

Обоснованный риск в административно-деликтном законодательстве..... 43

Лютаревич-Гефтер Ю. А.

Эксперимент по апробации новых правил осуществления
иностранными гражданами трудовой деятельности..... 56

Мохов А. А., Кирсанова Е. В.

Законодательство о пространственном развитии России:
проблемы и перспективы 64

Саттаров В. Д.

Государственный контроль в информационном пространстве:
юридический анализ 77

Слепухин Ю. А.

Добросовестность и ее проявление в работе судебного
пристава-исполнителя при исполнении служебных обязанностей 88

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

Четвергов Д. С.

Применение технологии распределенного реестра
в контексте принципов регистрации имущественных прав.....97

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ: ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО, ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Артамонов А. Н., Филимонова Е. А.

О деятельности по совершенствованию методов борьбы
с экстремизмом в современных геополитических условиях 113

Волосова Н. Ю., Торбин Ю. Г.

О дискуссионных вопросах участия переводчика в уголовном
судопроизводстве через призму современных технологий 124

Лавринов В. В., Пасикова Т. А.

Проблемные вопросы расследования мошенничества,
совершаемого в сфере международного частного права 137

Пашин В. М., Лещов М. А.

Проблемы профессиональной подготовки сотрудников подразделений
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел
в условиях глобальной цифровизации и пути их решения..... 152

Ситникова М. П.

Экстремистская деятельность молодежи: проблемы квалификации
публичных призывов (уголовно-правовой аспект) 164

Филиппов С. А.

О разграничении понятий «адаптивная физическая культура»,
«адаптивный спорт» в законодательстве Российской Федерации 179

ОКАЗАНИЕ БЕСПЛАТНОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ
И ПРАВОВОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ. ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ.
РЕКОМЕНДАЦИИ ПРАКТИКУЮЩИХ ЮРИСТОВ

Лекомцева Ю. Б.

Самолечение, ответственное самолечение и проблемы
нивелирования правовых рисков 193

ТРУДЫ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Булгакова Л. С., Карташева В. А.

Правовой статус автономных технических средств
в административном праве..... 203

Корзун А. В.

Акты международных спортивных федераций (ассоциаций)
как компонент регламентации профессиональной деятельности
спортсмена-автогонщика 213

Корнилова Е. В.

Состязательность в гражданском процессе России
в свете Судебной реформы 1864 г. 228

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ, ПЕРСОНАЛИИ

Певцова Е. А., Федорченко А. А., Панченко В. Ю.

Выдающийся исследователь правосознания, правовой культуры
и профессиональной деятельности юристов: памяти
доктора юридических наук, профессора
Николая Яковлевича Соколова..... 237

CONTENT

PHILOSOPHY OF LAW. LEGAL POLICY. THEORY AND HISTORY OF LAW AND STATE

Vasily N. Babenko
The Armed Conflict Between Russia and Ukraine
as a Result of Mistakes Made by the Soviet State 11

Larisa A. Krushanova
Prosecutor’s Office Bodies in the USSR Far East
in the Post-War Decade..... 19

Pavel V. Nikitin, Daria A. Verina
Karl Ballod’s “The State of the Future”:
Prototype of a Social State or Utopia35

PUBLIC AND INTERNATIONAL LAW: THEORY AND PRACTICE OF APPLICATION

Alexander N. Kokorev
Justified Risk in Administrative and Tort Law44

Yulia A. Lyutarevich-Gefter
Experiment on Testing New Rules for Foreign Citizens
to Carry Out Labor Activities57

Alexander A. Mokhov, Ekaterina V. Kirsanova
Legislation on the Spatial Development of Russia:
Problems and Prospects65

Vitaly D. Sattarov
The State Control in the Information Space:
A Legal Analysis78

Yuri A. Slepukhin
Integrity and its Manifestation in the Work of a Bailiff
in the Performance of Official Duties89

ACTUAL ISSUES OF PRIVATE LAW

Dmitrii S. Chetvergov

Application of Distributed Registry Technology
in the Context of the Principles of Registration of Property Rights98

CRIMINAL LEGAL SCIENCES: LEGISLATION, THEORY AND PRACTICE

Aleksey N. Artamonov, Elena A. Filimonova

On Activities to Improve Methods of Combating Extremism
in Modern Geopolitical Conditions..... 114

Nonna Yu. Volosova, Yuri G. Torbin

On the Controversial Issues of Interpreter's Participation
in Criminal Proceedings Through the Prism of Modern Technologies..... 125

Vyacheslav V. Lavrinov, Tatyana A. Pasikova

Problematic Issues in Investigating Fraud in the Field
of International Private Law 138

Vadim M. Pashin, Maxim A. Leshchov

Problems of Professional Training of Employees
of Operational Investigative Activities of Law Enforcement Agencies
in the Context of Global Digitalization and Ways to Solve Them..... 153

Marina P. Sitnikova

Extremist Activity of Youth: Problems of Qualification of Public Appeals
(Criminal Law Aspect) 165

Sergey A. Filippov

On Delimiting the Concepts of Adaptive Physical Culture
and Adaptive Sports in the Legislation of the Russian Federation 180

PROVISION OF FREE LEGAL AID AND LEGAL EDUCATION OF THE POPULATION.
LEGAL EDUCATION. RECOMMENDATIONS OF PRACTICING LAWYERS

Yulia B. Lekomtseva

Self-Medication, Responsible Self-Medication and Problems
of Leveling Legal Risks..... 194

PROCEEDINGS OF YOUNG SCIENTISTS

Luisa S. Bulgakova, Victoria A. Kartasheva

The Legal Status of Autonomous Technical Facilities in Administrative Law 204

Alexandra V. Korzun

Acts of International Sports Federations (Associations)
as a Component of Regulation of a Professional Racing Driver's Activity 214

Ekaterina V. Kornilova

Competitiveness in Russian Civil Procedure in the Light
of the Judicial Reform of 1864..... 229

REVIEWS, PERSONALITIES

Elena A. Pevtsova, Alexey A. Fedorchenko, Vladislav Yu. Panchenko

Outstanding Researcher of Legal Consciousness, Legal Culture
and Professional Activity of Lawyers: In Memory of Doctor of Law,
Professor Nikolai Yakovlevich Sokolov..... 238

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-10-17>

ВООРУЖЕННЫЙ КОНФЛИКТ МЕЖДУ РОССИЕЙ И УКРАИНОЙ КАК РЕЗУЛЬТАТ ОШИБОК, ДОПУЩЕННЫХ СОВЕТСКИМ ГОСУДАРСТВОМ

Василий Николаевич Бабенко

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

vasbabenko1@mail.ru

Аннотация

Актуальность настоящей статьи заключается в том, что в условиях продолжающегося конфликта между Россией и Украиной возникает необходимость понять ошибки, допущенные Советским государством, которые привели к конфронтации двух стран в постсоветский период. Именно вопросы украинизации 1920-х–1930-х гг., незаконная передача Крыма Украине в 1954 г. и амнистия украинских националистов в 1955 г. заложили после распада СССР основы для активизации и развития праворадикальных и националистических сил в стране, которые и спровоцировали государственный переворот 2014 г. на Украине.

Ключевые слова: Россия; Украина; специальная военная операция; украинизация 1920-х–1930-х гг. в СССР; передача Крыма Украине в 1954 г.; амнистия украинских националистов и бандеровцев в 1955 г.

Для цитирования: Бабенко В. Н. Вооруженный конфликт между Россией и Украиной как результат ошибок, допущенных Советским государством // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 10–17. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-10-17>

Research Article

THE ARMED CONFLICT BETWEEN RUSSIA AND UKRAINE AS A RESULT OF MISTAKES MADE BY THE SOVIET STATE

Vasily N. Babenko

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
vasbabenko1@mail.ru

Abstract

The relevance of this article lies in the fact that in the context of the ongoing conflict between Russia and Ukraine, there is a need to understand the mistakes made by the Soviet state, which led to the confrontation between the two countries in the post-Soviet period. It was the issues of Ukrainization in the 1920s and 1930s, the illegal transfer of Crimea to Ukraine in 1954, and the amnesty of Ukrainian nationalists in 1955 that laid the foundations for the activation and development of right-wing radical and nationalist forces in the country after the collapse of the USSR, which provoked the 2014 coup in Ukraine.

Keywords: Russia; Ukraine; special military operation; Ukrainization of the 1920s–1930s in the USSR; transfer of Crimea to Ukraine in 1954; amnesty of Ukrainian nationalists and Banderites in 1955.

For citation: Babenko V. N. The Armed Conflict Between Russia and Ukraine as a Result of Mistakes Made by the Soviet State. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 10–17. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-10-17>

Введение

Рассматривая русских и украинцев как один народ и единое целое, президент РФ В. В. Путин подчеркивал, что «стену, возникшую в последние годы между Россией и Украиной, между частями, по сути, одного исторического и духовного пространства, воспринимаю как общую беду, как трагедию». По его словам, «это прежде всего последствия наших собственных ошибок, допущенных в разные периоды. Но и результат целенаправленной работы тех сил, которые всегда стремились к подрыву нашего единства» [1]. Некоторым ошибкам уделяется особое внимание в данной статье. К ним следует отнести вопросы украинизации 1920-х–1930-х гг., передачи в 1954 г. Крыма Украине и амнистии украинских националис-

тов и бандеровцев в 1955 г., которые оказали большое влияние на общественно-политическое развитие Украины в постсоветский период. Обострение политической ситуации в стране и вмешательство государств НАТО в ее внутренние дела привели к государственному перевороту в 2014 г. в Киеве, а затем к гражданской войне на Донбассе и к началу в феврале 2022 г. специальной военной операции.

1. Украинизация 1920-х–1930-х гг. как разновидность большевистской практики национально-государственного строительства

В 1920-е–1930-е гг. в СССР начала проводиться так называемая коренизация, представлявшая собой одно из направлений национальной политики Советского государства, главной целью которой было преодоление противоречий между центральной властью и нерусским населением Советского Союза. Основные направления коренизации соответствовали четырем признакам определения нации, на которые И. В. Сталин часто указывал в своих выступлениях. К ним относились: 1) общность территории; 2) общность языка; 3) общность экономической жизни; 4) общность психического склада, для которой были характерны специфические особенности национальной культуры.

В рамках политики коренизации в союзных республиках рекомендовалось выдвигать на руководящие партийные и административные должности местные национальные кадры. Данная политика провозглашала поддержку и развитие национальных культур со стороны союзного центра. Тем не менее многие партийные и административные работники не знали языка местного населения и нередко игнорировали его традиции и культуру. В конечном счете политика коренизации в связи с массовыми политическими репрессиями, развернувшимися в 1930-е гг., и началом кампании «борьбы с буржуазным национализмом» стала сворачиваться и в 1937–1939 гг. фактически завершилась.

На Украине данная политика получила название «украинизация». После того, как в апреле 1923 г. XII съезд РКП(б) провозгласил коренизацию важнейшей задачей партии для решения национального вопроса, на VII конференции КП(б) Украины было объявлено о начале политики украинизации. В связи с этим ВУЦИК и СНК Украинской ССР приняли решение о необходимости завершить украинизацию государственных органов и предприятий до 1 января 1926 г. Согласно этому решению все сотрудники государственных учреждений, а также рабочие и служащие предприятий под угрозой увольнения должны были выучить украинский язык. Украинизации подверглись также высшие учебные заведения, школы, театры, газеты и т.д. В целом политика украинизации проводилась в системе государственного управления, в сфере науки, просвещения и культуры, а также в частях Красной Армии, дислоцированных на территории Украины.

Следует отметить, что в конце 1920-х гг. на Украине развернулись политические процессы. В первую очередь были репрессированы члены Союза освобождения Украины, обвинявшиеся в принадлежности к тайной националистической организации. Всего по данному делу было арестовано 45 человек, которые после применения к ним пыток признали себя виновными. В 1931 г. был организован процесс против так называемого Украинского национального центра, 50 членов

которого были репрессированы. В 1933 г. рассматривалось дело члена Политбюро ЦК КП(б) Украины Н. А. Скрыпника, который с 1927 г. возглавлял народный комиссариат просвещения Украины. Его обвинили в националистическом уклоне, в результате чего он не выдержал гонений и покончил жизнь самоубийством. В 1933 г. рассматривалось также дело Украинской военной организации, в рамках которого были предъявлены обвинения академикам В. Яворскому, С. Рудницкому и В. Юринцу, профессору М. Волобуеву, а также другим известным театральным деятелям и писателям. В целом политические процессы на Украине продолжались фактически до 1941 г., в результате них было выявлено около 100 различных националистических организаций и групп.

Важно отметить, что украинизация коснулась и украинского населения, проживавшего за пределами Украинской ССР. В советскую Украину не вошла значительная часть территорий, на которых проживали украинцы. Они находились в составе трех стран – Польши, Румынии и Чехословакии. «Украинцы в Польше проживали, – как указывает Е. Борисенок, – на территории Восточной Галиции и Западной Волины», площадь которых достигала 130 тыс. кв. км, где проживало 10 млн украинцев, составлявших около 30% населения Польши [2, с. 97].

В Буковине и части Бессарабии, входивших в состав Румынии, проживало 580 тыс. человек, а в Чехословакии – 525 тыс. человек [2, с. 97]. В целом политика Польши, Румынии и Чехословакии в отношении украинского населения существенно отличалась от национальной политики, проводившейся в СССР. Для многих украинцев, проживавших за пределами УССР, «к середине 1920-х гг. стало очевидно, что созданная большевиками Украинская ССР была единственным государственным образованием и могла сыграть в будущем важную роль в судьбе украинского народа» [2, с. 99].

Следует заметить, что украинизация имела неоднозначные последствия. Она проводилась партийным руководством республики, которое должно было учитывать процесс укрепления централизации СССР «в связи с усилением интернациональных начал в деле построения социализма – переходом к единому планированию и курсу на индустриализацию». Это, в свою очередь, «потребовало широкого использования русского языка в практике деловых отношений между центральными органами СССР и республиканской властью на местах» [3, с. 320].

В целом советская украинизация, очевидно, была ориентирована в 1930-е гг. на улучшение отношения сельского населения и национальной интеллигенции к советской власти. Однако в действительности она способствовала росту национализма и его радикализации. Об этом свидетельствуют статистические данные. Так, в 1917 г. в Киеве проживали 55% русских, 19% евреев и 20% украинцев, а в 2006 г. только 14% киевлян называли себя русскими. «Видимо, такие кардинальные изменения – это результат, – подчеркивает С. И. Плакий, – не только объективных процессов, но и большевистской политики украинизации и, естественно, постсоветских усилий националистов» [4, с. 226]. В связи с этим возникает вопрос: почему Белорусская ССР, находясь в такой же ситуации, как Украинская ССР, после распада СССР не пошла по пути националистического развития и отказа от взаимовыгодного сотрудничества с Россией, которое привело к созданию Союзного

государства? Очевидно, руководство Российской Федерации и Республики Беларусь в постсоветский период проявило мудрость и юридическую ответственность за судьбы своих народов.

2. Политические и правовые последствия передачи в 1954 г. Крыма Украине

В 1954 г. по инициативе Н. С. Хрущева Крым был передан из состава РСФСР в состав УССР. Это решение аргументировалось общностью экономики, территориальной близостью, тесными хозяйственными и культурными связями, сложившимися между Крымской областью и Украинской ССР. Процесс оформления самой передачи Крыма Украине включал несколько этапов: 1) 25 января 1954 г. произошло заседание Президиума ЦК КПСС, на котором эта инициатива была одобрена; руководителям РСФСР и УССР рекомендовалось подготовить соответствующие документы; 2) 5 февраля 1954 г. Президиум Верховного Совета РСФСР принял решение о передаче Крымской области в состав Украинской ССР; 3) 13 февраля 1954 г. на заседании Президиума Верховного Совета УССР было одобрено постановление о включении Крыма в состав Украины; 4) 19 февраля 1954 г. Президиум Верховного Совета СССР утвердил решение Президиума Верховного Совета РСФСР о передаче Крымской области в состав Украинской ССР; 5) 26 апреля 1954 г. Верховный Совет СССР принял окончательное решение о передаче Крыма в юрисдикцию Украины. Насколько можно считать правомерной данную процедуру? Казалось бы, были пройдены все инстанции, и передача Крыма Украине была оформлена юридически верно. Однако в ст. 18 Конституции СССР 1936 г. указывалось, что изменения территории любой союзной республики допускались только с ее согласия. Тем не менее в ст. 33 Конституции РСФСР 1937 г. отмечалось, что Президиум Верховного Совета республики не имел полномочий по изменению ее территориальных границ. Поэтому решение Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. являлось незаконным.

Как следует из ст. 49 Конституции СССР 1936 г., ст. 33 Конституции РСФСР 1937 г. и ст. 30 Конституции УССР 1937 г., вопросы передачи территорий и изменения границ республик не относятся к полномочиям Президиумов Верховных Советов, а исключительно к компетенции Верховных Советов СССР и союзных республик. В связи с этим Т. Л. Козлов отмечает, что «обе республики, и Советский Союз в целом, легитимность этого решения не оспаривали. Последующее «мирное» пребывание Крыма в составе Украинской Советской Социалистической Республики вплоть до 1991 г. подтверждало передачу Крымской области, как минимум, де-факто» [5].

В результате передачи Крыма в состав УССР возник целый ряд политических проблем. Несмотря на территориальную близость Крыма и Украины, необходимо было учитывать и то, что полуостров, помимо русских и украинцев, населяли и крымские татары, значительная часть которых была депортирована в 1944 г. за поддержку гитлеровской Германии в годы Великой Отечественной войны. «Это обстоятельство со временем чрезвычайно обострило политическую ситуацию в Крыму, которую используют и используют, – как отмечает украинский правовед П. П. Музыченко, – различные политические силы России и Украины» [6, с. 481].

Таким образом, отсутствие в государственном механизме СССР юридически выверенных норм по вопросам территориальных изменений в составе союзных республик привело после распада Советского Союза к возникновению межнациональных конфликтов. Присоединение Крыма к России в 2014 г. восстановило справедливость и исправило ошибки, допущенные советским законодателем в 1954 г. «Упреки в том, что проведенный в 2014 г. референдум народов и наций, населяющих Крым, о статусе полуострова противоречит международному праву, можно считать, – подчеркивает Т. Л. Козлов, – безосновательными, поскольку принципы Организации Объединенных Наций относительно государственного суверенитета основываются на суверенитете народов и наций» [5].

3. Амнистия украинских националистов в 1955 г. и ее влияние на общественно-политическое развитие Украины

В первой половине 1950-х гг. по инициативе Н. С. Хрущева были подготовлены и приняты постановление Президиума ЦК КПСС от 26 мая 1953 г. «О политическом и хозяйственном состоянии западных областей Украинской ССР» и указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» [7].

В первом документе предлагалось прекратить практику выдвижения на руководящую партийную и советскую работу в западных областях Украины работников из других областей Украинской ССР и других республик СССР. Рекомендовалось также бережно относиться к местной интеллигенции и выдвигать ее представителей на руководящие должности в партийных, советских, научных, учебных и культурных учреждениях.

Второй документ предписывал освободить из тюрем и других исправительных учреждений лиц, осужденных на срок до 10 лет лишения свободы, включая за пособничество врагу и другие преступления, совершенные в годы Великой Отечественной войны. Кроме того, в нем предлагалось наполовину сократить наказания лиц, осужденных на срок свыше 10 лет, и освободить из мест заключения осужденных за службу в немецкой армии, полиции и специальных немецких формированиях. В результате принятия данного Указа на Украину из-за рубежа и мест заключения вернулись около 170 тыс. националистов и их пособников, которые получили право работать в партийных, советских и других учреждениях. В целом представители ОУН и УПА фактически легитимно получили возможность претворять в жизнь основные принципы идеологии украинского национализма в советской Украине.

Заключение

Давать оценку амнистии 1955 г. достаточно сложно. Ее пытались оправдывать и актом милосердия советского руководства, и необходимостью улучшения отношений СССР с ФРГ, повышения международного авторитета Советского Союза и т.п. «Мюнхенский институт по изучению СССР и Восточной Европы в 1970 г. подготовил доклад, согласно которому не менее трети украинских националистов и членов их

семей, реабилитированных во второй половине 1950-х годов, стали, – указывает С. И. Плакий, – руководителями высшего и среднего звена советских и партийных органов в западной, центральной и юго-западной частях Украины» [4, с. 223]. Мне самому пришлось стать свидетелем того, как подростки, дети бандеровцев и националистов, встречали в августе 1968 г. воинские части Советской Армии, направлявшиеся к советско-чехословацкой границе, забрасывая их камнями, называя наших военнослужащих оккупантами, «москалями» и угрожая расправой.

Таким образом, история продемонстрировала, что идеи неонацизма при поддержке США и западноевропейских стран смогли в полной мере реализовать себя на украинской почве. В конечном счете это привело в 2014 г. к государственному перевороту на Украине, гражданской войне на Донбассе и к началу специальной военной операции России. К сожалению, ошибки, допущенные советскими властями, а также российским и украинским руководством в постсоветский период, сыграли свою негативную роль в развитии отношений между Россией и Украиной.

Пристатейный библиографический список

1. Путин В. В. Об историческом единстве русских и украинцев // Президент России : сайт. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Борисенко Е. Ю. Феномен советской украинизации. 1920–1930-е годы. М. : Европа, 2006.
3. История Украины. VI–XXI вв. К. ; М. : Кучково поле, 2018.
4. Плакий С. И. Украина от Руси до «анти-России». М. : Икар, 2022.
5. Козлов Т. Л. Правовые решения 1954 г. о передаче Крыма Украинской ССР и проблема международного признания его вхождения в состав России // Перспективы. 2019. № 2 (18).
6. Музыченко П. П. История государства и права Украины : учебное пособие. Киев : Знання, 2006.
7. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 г. «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» // СПС «Гарант».

References

1. Putin V. V. On the Historical Unity of Russians and Ukrainians. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (date of the application: 20.11.2025). (In Russ.)
2. Borisenok E. Iu. The Phenomenon of Soviet Ukrainization. 1920–1930s. Moscow: Evropa, 2006. (In Russ.)
3. History of Ukraine. 6th–21st Centuries. Kiev; Moscow: Kuchkovo Pole, 2018.
4. Plaksii S. I. Ukraine from Rus to “Anti-Russia”. Moscow: Ikar, 2022. (In Russ.)
5. Kozlov T. L. Legal Decisions of 1954 on the Transfer of Crimea to the Ukrainian SSR and the Problem of International Recognition of its Inclusion into Russia. *Perspectives*, 2019, no. 2 (18). (In Russ.)

6. *Muzychenko P. P.* History of the State and Law of Ukraine: Textbook. Kyiv: Znannya, 2006. (In Russ.)

7. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 17, 1955 "On the Amnesty of Soviet Citizens Who Collaborated with the Occupiers During the Great Patriotic War of 1941–1945" (SPS "Garant"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Н. Бабенко – доктор исторических наук, профессор.

Information about the author:

V. N. Babenko – Doctor of History, Professor.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 21.11.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-18-33>

ОРГАНЫ ПРОКУРАТУРЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ СССР В ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕСЯТИЛИТИЕ

Лариса Александровна Крушанова

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
129090, Россия, г. Москва, ул. Мещанская, д. 9/14, стр. 1

larrie@list.ru

Аннотация

Статья посвящена работе прокуратуры в Дальневосточном регионе в послевоенное десятилетие. Целью выступает анализ деятельности дальневосточных органов прокуратуры через призму повседневной деятельности их сотрудников. Методологию исследования составили историко-правовой, сравнительно-правовой, структурно-функциональный методы, дополненные элементами антропологической теории и теории повседневности. Научная новизна работы характеризуется впервые проведенным комплексным анализом органов прокуратуры на Дальнем Востоке в 1945–1953 гг. Автор пришел к выводу, что вклад органов прокуратуры в перечисленных направлениях деятельности в сфере надзора за соблюдением советской законности был весомым. Совместно проводимые с правоохранительными, партийными, советскими органами и общественными организациями мероприятия способствовали разработке мер по борьбе с наиболее распространенными правонарушениями и преступлениями.

Ключевые слова: прокуратура; законность; прокурорский надзор; преступность; Дальний Восток.

Для цитирования: Крушанова Л. А. Органы прокуратуры на Дальнем Востоке СССР в послевоенное десятилетие // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 18–33. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-18-33>

Research Article

PROSECUTOR'S OFFICE BODIES IN THE USSR FAR EAST IN THE POST-WAR DECADE

Larisa A. Krushanova

Moscow Financial and Industrial University "Synergy", 9/14, Bldg. 1
Meshchanskaia St., Moscow, 129090, Russia
larrie@list.ru

Abstract

The article is devoted to the work of the prosecutor's office in the Far Eastern region in the post-war decade. Objective: to analyze the activities of the Far Eastern prosecutor's offices through the daily activities of its employees. The research methodology consisted of historical and legal, comparative legal, structural and functional methods, supplemented by elements of anthropological theory and the theory of everyday life. The scientific novelty of the work is characterized by the first comprehensive analysis of the prosecutor's office in the Far East in 1945–1953. The author came to the conclusion that the contribution of the bodies to the prosecutor's office in the listed areas of activity in the sphere of supervision of compliance with Soviet legality was significant. The events held jointly with law enforcement, party and Soviet bodies and public organizations contributed to the development of measures to combat the most common offenses and crimes.

Keywords: prosecutor's office; legality; prosecutorial supervision; crime; Far East.

For citation: *Krushanova L. A. Prosecutor's Office Bodies in the USSR Far East in the Post-War Decade. Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 18–33. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-18-33>

Введение

Органы прокуратуры в системе органов власти играют важную роль. Задуманные Петром I изначально как орган контроля – «око государево», в сфере надзора за законностью прокуратура и в наши дни сохраняет свою значимость. Трансформация институтов государства и общества, постоянно растущий бюрократический аппарат обуславливают необходимость регулярного проведения реформ аппарата управления, контроля за исполнением законности всеми акторами общественных отношений. В настоящее время в России создан мощный надзорный механизм, в который входят соответствующие структуры исполнительной власти, с одной стороны, и общественные организации, добровольно взявшие на себя обязанности

выявлять нарушения закона, совершаемые представителями государственных, негосударственных и коммерческих организаций, – с другой. Однако каждая из сторон для решения поставленных задач ограничена в выборе средств.

В этом отношении возможности прокуратуры достаточно широки. Действующим законодательством на прокуратуру возлагается «надзор за соблюдением Конституции Российской Федерации и исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями», а также выполнение иных функций (ст. 1 Федерального закона от 17 января 1992 г. № 2202-І «О прокуратуре Российской Федерации»).

Понимание современных процессов эволюции правоохранительных органов, причин и курса реформ правоохранительных структур невозможно без обращения к прошлому. Пройденный исторический путь развития государства и общества позволяет сделать выводы о тех ошибках, которые уже были, и не допустить их повторения. С этой точки зрения обращение к ретроспективе дает возможность обобщить имеющийся опыт, продолжая опираться на его положительные стороны и отказываясь от негативных, приведших к нарушениям прав и законных интересов личности.

Россия, будучи достаточно большим государством, характеризуется региональным разнообразием. Поэтому анализ историко-правового прошлого органов прокуратуры был бы неполным, если исключить региональные аспекты. В качестве территории изучения был выбран российский Дальний Восток (без Республики Саха (Якутия)). Исходя из этого целью исследования мы определили роль дальневосточных органов прокуратуры в охране законности в послевоенные годы.

Степень изученности. В отечественной историографии достаточно много научных исследований посвящено органам прокуратуры. Внимание авторов научных работ акцентировалось на таких аспектах, как становление органов прокуратуры, правовое регулирование деятельности прокурорских работников, роль и место органов прокуратуры в системе государственных органов власти, деятельность органов прокуратуры в контексте их функций – надзорной, контролирующей, правотворческой, правозащитной. Часть работ посвящена организационно-правовым исследованиям – делопроизводственной, информационной, механизму реализации функций и полномочий органов прокуратуры.

При достаточно большом количестве работ общероссийской тематики остается констатировать крайне слабую разработанность темы, посвященной становлению и деятельности дальневосточных органов прокуратуры. В настоящее время опубликованы отрывки работ, посвященных истории и современности прокуратур отдельных краев и областей Дальнего Востока, преимущественно публицистического характера, размещенные на официальных сайтах региональных прокуратур.

Методологию исследования составили историко-правовой, сравнительно-правовой, структурно-функциональный и институциональный методы, дополненные элементами антропологической теории и теории повседневности.

Научная новизна работы состоит в том, что впервые дан комплексный анализ роли дальневосточных краевых, областных и окружных прокуратур в борьбе с преступностью в 1945–1953 гг.

1. Организация и структура органов прокуратуры Дальнего Востока

Особенности развития Дальневосточного региона в значительной степени обусловлены его размерами. Это макрорегион, который в составе России занимает 36% территории государства (вместе с Якутией), но при этом и по настоящее время остается слабо заселенным. В состав Дальнего Востока входят Камчатский край, включающий Корякский автономный округ, Приморский и Хабаровский края, Амурскую, Магаданскую, Сахалинскую области, Еврейскую автономную область и Чукотский автономный округ.

Названные субъекты региона имеют статус приграничных. Так, Хабаровский край, Амурская область и Еврейская автономная область (ЕАО) имеют общую сухопутную границу с Китаем. Приморский край, кроме того, что граничит с Китаем, имеет общую границу с Корейской Народной Демократической Республикой (КНДР). У Сахалина общая морская граница с Японией, у Магаданской области и Чукотки – с США.

Находясь далеко от театра военных действий, территории Дальнего Востока не подверглись таким разрушениям, как оккупированные в годы войны территории центральных областей России, Украины и Белоруссии. Исключением стала южная часть острова Сахалин, который по итогам Русско-японской войны с 1905 по 1945 г. входил в состав Японии. Наиболее масштабные изменения в послевоенные годы проходили на этой территории.

После окончания Второй мировой войны, завершившейся на Дальнем Востоке капитуляцией Японии, руководство страны поставило задачу максимально быстрой интеграции Сахалина в состав СССР. Первым шагом было создание советских органов власти, в том числе прокуратуры. 2 февраля 1946 г. была образована Южно-Сахалинская область. В мае 1946 г. начала работу прокуратура Южно-Сахалинской области, которую возглавил А. А. Кисов-Курбатов [1].

В послевоенный период прокуратуры дальневосточных краев и областей возглавляли: в Приморском крае – С. Н. Однаков (1940–1946 гг.), в период с 1946 по 1950 г. – М. П. Голубев, Н. В. Кобяков и Н. В. Болдырев [2]. Должность прокурора Хабаровского края занимали Г. А. Черных (1943–1950 гг.), И. Д. Власов (1950–1953 гг.) [3]. В Еврейской автономной области областными прокурорами были Я. М. Раскин (1948–1950 гг.), И. С. Канторович (1950–1955 гг.) [4].

В рассматриваемый период были образованы новые прокуратуры. Так, до объединения Сахалинской и Южно-Сахалинской областей в единую область, с 1945 по январь 1947 г. на острове действовало два аппарата областных прокуратур. После объединения Сахалинской и Южно-Сахалинской областей приказом Генерального прокурора Союза ССР от 2 июня 1947 г. № 58, на основании указа Президиума Верховного Совета Союза ССР от 2 января 1947 г. и распоряжения Прокурора РСФСР от 14 января 1947 г. № 198 «Об образовании прокуратуры Сахалинской области», прокуратура Сахалинской области и прокуратура Южно-Сахалинской области были объединены в единую Сахалинскую областную прокуратуру с местонахождением в г. Южно-Сахалинске. Общая штатная численность работников аппарата прокуратуры на тот момент составляла 99 человек. Штатная численность работников городских и районных прокуратур была установлена в количестве 163 человек [1].

Поиск оптимального количества районных прокуратур шел и на Камчатке. В 1947 г. была образована прокуратура Соболевского района, в 1950 г. – Елизовская городская прокуратура. В ноябре 1955 г. приказом Генерального прокурора СССР прокуратуры Быстринского, Алеутского и Тигильского районов Камчатской области были упразднены; вместо них остались самостоятельные участки близлежащих районных прокуратур [5].

В 1953 г. в рамках административно-территориальных реформ, на основании приказа Генерального прокурора СССР от 25 декабря 1953 г. № 1434-Л, была организована прокуратура Магаданской области с утвержденным штатом аппарата в 30 человек, в том числе 17 оперативных работников и 13 технических. Возглавил прокуратуру области А. А. Беляев [6].

Послевоенное развитие дальневосточных краев и областей предопределило структуру органов районных, городских, краевых и областных прокуратур. В организационном плане она строилась по централизованному принципу. Высшей инстанцией была Прокуратура СССР, получившая в 1946 г. статус Генеральной, а прокурор СССР – соответственно, Генерального. Далее по нисходящей шло подчинение от районной прокуратуры к городской, если административно-территориальное деление города включало районы. Городские/районные прокуратуры подчинялись краевым/областным прокуратурам. И уже последние – Генеральной прокуратуре РСФСР. Кроме территориальных прокуратур, в систему органов прокуратуры входили военная и транспортная прокуратуры.

Послевоенная система организации органов прокуратуры на Дальнем Востоке имела свои особенности. Если для прокуратуры Приморского края вышестоящей была Генеральная прокуратура РСФСР, то для прокуратур Амурской, Камчатской, Магаданской, Сахалинской областей, Еврейской автономной области, Корякского и Чукотского автономных округов вышестоящей прокуратурой была Прокуратура Хабаровского края, что было обусловлено административно-территориальным делением региона. Выделение перечисленных областей и национальных округов произошло в 1948 г. С этого времени и для этих территорий вышестоящей прокуратурой стала Генеральная прокуратура РСФСР.

Кадровый состав. На качество работы дальневосточных прокуратур влияло общее состояние кадрового обеспечения органов городских и районных прокуратур. Одной из ключевых проблем тех лет был кадровый дефицит, наиболее острым он был на Сахалине. Ввиду того, что территория только что вошла в состав СССР, местные кадры отсутствовали. Штат областной, городских и районных прокуратур комплектовался из приезжих, командированных из разных краев и областей страны на два-три года, а также за счет мобилизации на эту работу офицеров и местных активистов-общественников [Прокуратура Сахалинской области].

На остальных территориях Дальнего Востока кадровая проблема с точки зрения обеспечения практически отсутствовала. Например, на начало первого квартала 1945 г. по штату в Прокуратуре Приморского края должно было быть: один прокурор края, два заместителя прокурора края, семь начальников отделов, 13 прокуроров отдела, три старших следователя и шесть помощников прокурора по спецделам. По факту вакантным было только одно место – прокурора уголовно-судебного отдела. Однако к концу квартала штат был полностью укомплектован.

Менее благополучно обстояли дела с обеспечением прокуратур оперативными работниками. Недокомплект кадров составлял трех специалистов, в том числе в спецотделе, отделе по надзору за местами заключения и в отделе по надзору за органами Рабоче-крестьянской милиции. Причиной кадрового дефицита стало образование в марте 1945 года прокуратуры г. Ворошилова (ныне г. Уссурийск), куда перешли сотрудники указанных отделов.

Практически не было свободных мест и в районных прокуратурах Приморья, о чем свидетельствуют следующие цифры: на начало 1945 г., согласно штатному расписанию, была утверждена штатная численность в 37 специалистов, а по факту трудилось 36; помощников прокуроров – 42 (по факту – 41 человек). Штат следователей районных прокуратур был укомплектован полностью (47 человек из 47 штатных единиц) [7, л. 5].

Стабильность кадров влияет на качество работы прокурорских работников. Наибольшее количество нарушений было выявлено во втором полугодии 1946 г. В ходе проверок Южно-Сахалинской городской, Холмской городской и районной, Долинской городской, Анивской и Лесогорской районных прокуратур были установлены факты злоупотреблений, халатность должностных лиц, нарушение морально-этических норм, что не способствовало формированию положительного образа работника прокуратуры. Например, «прокурор Анивского района, юрист 2 класса Л. неправильно построил взаимоотношения с местными органами власти, занялся склокой, следствием не руководил, в результате чего следователь С., пользуясь попустительством прокурора Л., совершил ряд злоупотреблений, за что Л. с работы снят, а С. привлечен к уголовной ответственности... Не выполнен приказ Прокурора Союза № 57 от 1 марта 1945 года об укомплектовании аппарата Облпрокуратуры работниками по статистике» [8, л. 1].

Негативные последствия, отразившиеся на общих результатах работы прокуратуры, имели место в Долинской городской прокуратуре, где «прокурор С. работой не руководил, в результате оказалась большая запущенность и полная несправляемость с возложенной на него работой городского прокурора, в силу чего С. переведен на прокурорскую работу в район с меньшим объемом работы» [8, л. 1].

В годы войны руководство страны озаботилось повышением престижа прокуратуры. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 г. «Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры», по аналогии с возвращением званий и погонов в Армию, вводились классные чины: действительный государственный советник юстиции, государственный советник юстиции 1-го, 2-го и 3-го классов, старший советник юстиции, советник юстиции и младший советник юстиции, юрист 1-го, 2-го и 3-го классов и младший юрист, утвержденные в Положении о классных чинах работников органов Прокуратуры СССР [9]. Одновременно вводилась форменная одежда [10].

Значимость таких мероприятий имела ряд последствий. Так, в условиях жесткого дефицита гражданской продукции, в том числе одежды и обуви, введение формы являлось способом, с одной стороны, избавить работников от необходимости самостоятельно обеспечивать себя одеждой и обувью, таким образом давая возможность достойно выглядеть и снизить затраты семейного бюджета на эти цели.

С другой стороны, подчеркивалась профессиональная принадлежность гражданина, одетого в форму, к тем или иным государственным органам.

На законодательном уровне вводилась личная ответственность прокурорских следователей за общее состояние преступности на закрепляемых участках, что нашло отражение в приказе Генерального прокурора СССР от 18 июля 1949 г. «О введении участковой системы работы следователей» [11].

Следующим шагом в повышении престижа работы в прокуратуре стало повышение образовательного уровня прокурорских работников. В связи с этим было принято постановление ЦК ВКП(б) от 5 октября 1946 г. «О расширении и улучшении юридического образования в стране»: прокурорские работники второго звена, а также прокуроры первичного звена в крупных городах и районах к концу 1950 г. должны были иметь высшее юридическое образование, а все остальные прокурорско-следственные работники – как минимум среднее юридическое образование.

Для послевоенных лет проблема низкого профессионально-образовательного уровня была характерна для народного хозяйства в целом. Данная ситуация не была исключением и в органах прокуратуры Дальнего Востока. Например, из числа работавших в 1945 г. в отделе по надзору за органами милиции Хабаровского края высшее образование имел только начальник отдела, юрист 1-го класса В. Г. Николаев (1915 г.р., член ВКП(б) с 1943 г.). Он окончил Ленинградский юридический институт. В органы прокуратуры он пришел работать в 1944 г. Неоконченное высшее образование было у прокурора отдела П. К. Овчинникова (1922 г.р., член ВКП(б) с 1945 г.), поступившего на службу в органы прокуратуры в 1945 г. Среднее (непрофессиональное) образование имелось у начальника отдела в ЕАО В. И. Шмагуна (1923 г.р., член ВЛКСМ с 1943 г.), работавшего в органах прокуратуры с сентября 1943 г. В Нижне-Амурской области (ныне находится в составе Хабаровского края) у юриста 1-го класса Г. С. Хоменко (1911 г.р., член ВКП(б) с 1941 г.), со средним образованием, к моменту проведения проверки имелся пятилетний стаж работы в прокуратуре.

Обращает на себя внимание, что к моменту проведения проверки прокурорские работники находились в достаточно молодом возрасте. Только В. Г. Николаев достиг 30-летия, остальным же было по 22-23 года. Можем высказать предположение, что П. К. Овчинников завершил получение высшего образования, а В. И. Шмагун получил как минимум среднее юридическое образование.

Что касается работников, пришедших в органы прокуратуры в довоенный период, то их уровень образования в личных документах учета кадров характеризовался как «низшее». В частности, это касалось прокурора отдела Нижне-Амурской области Н. А. Анчукова, прокурора отдела Нижне-Амурской области Т. П. Дудова и Е. Н. Петрушкова* [12, л. 2].

Отличительной чертой сотрудников, пришедших на службу в органы прокуратуры в послевоенное пятилетие, было наличие у них профессионального юридического образования. Например, И. Ф. Бурик и С. Е. Горбиков окончили Хабаров-

* Н. А. Анчуков (1909 г.р., юрист 1-го класса, член ВКП(б) с 1930 г.) в органах прокуратуры с 1938 г.; Т. П. Дудов (1896 г.р., мл. советник юстиции, член ВКП(б) с 1941 г.) в органах прокуратуры с 1935 г.; Е. Н. Петрушков (1899 г.р., член ВКП(б) с 1920 г.) в органах прокуратуры Амурской области работал с января 1944 г.

скую юридическую двухгодичную школу, в которую поступили после увольнения из Советской Армии. После окончания Горьковской юридической школы в 1948 г. на работу в прокуратуру Амурской области поступил А. П. Соколовский [13].

Низкий уровень профессионального образования был и у работников областной прокуратуры Камчатки. В первом полугодии 1946 г. из 15 следователей у троих были трехмесячные курсы, остальные 12 следователей юридического образования не имели. Почти 50% состава следователей прокуратуры (семь человек) имели стаж работы в органах до двух лет, остальные восемь человек – свыше двух лет [14, л. 8об].

Справедливости ради следует отметить, что повышением престижа и профессионального образования государство озаботилось в отношении работников не только прокуратуры, но и суда и милиции, что непосредственно было связано с обеспечением законности. Так, в упомянутом Постановлении ЦК ВКП(б) «О расширении и улучшении юридического образования в стране» признавалось состояние юридического образования неудовлетворительным. А качественное юридическое образование и постоянное повышение квалификации юристов, по мнению авторов Постановления (и мы с ними согласны), должно было способствовать укреплению социалистической законности.

Недостаток профессиональных знаний в области следственной работы или оперативно-разыскной деятельности сами работники прокуратуры восполняли самообразованием. Некоторые из них конспектировали лекции по гражданскому, уголовному, колхозному праву, а также по уголовному процессу, в том числе по технике проведения допросов потерпевших, подозреваемых и свидетелей.

В 1945 г. при прокуратурах Чукотского автономного округа были созданы юридические кружки, на занятиях которых изучались инструкции о порядке возбуждения и расследования дел о криминальных абортах, об обмеривании и обвешивании потребителей, об изъятии и хранении вещественных доказательств и др. Из вышестоящих прокуратур направлялись пособия для следователей по следственной практике. Полученные знания проверялись путем сдачи зачетов с занесением результатов в зачетные листы [14, л. 10].

2. Основная деятельность органов прокуратуры

Представление о законности в послевоенное время приобрело характерное для своего времени понимание. Актуальными направлениями стали надзор за соблюдением законов государственными органами и учреждениями всех уровней; надзор за соблюдением прав военнослужащих и членов их семей, прав воинов, демобилизованных из рядов армии; защита прав граждан, в том числе недопущение бюрократического отношения к рассмотрению жалоб и заявлений.

С окончанием войны и действий чрезвычайных условий были расширены полномочия аппарата в сфере соблюдения советской законности. Конституционное закрепление получила надзорная деятельность, в том числе за исполнением, правильным и единообразным применением законов органами власти, хозяйственными учреждениями, общественными и частными лицами, органами правопорядка, пенитенциарными учреждениями [15]. В системе органов прокуратуры функцио-

нировали отделы общего надзора, следственного, гражданско-судебного, уголовно-судебного надзора, надзора за органами милиции и надзора за деятельностью исправительно-трудовых учреждений [11].

Борьба с послевоенной преступностью в повседневной работе сотрудников прокуратур была одним из значимых направлений в вопросах соблюдения законности. Ей принадлежала координация деятельности различных органов по борьбе с преступностью. В 1928 г. этому ведомству было передано следствие (впоследствии, при уточнении юрисдикции, частично возвращенное органам внутренних дел и иным ведомствам) [16]. Фактически она выполняла функцию анализа состояния преступности в стране, основанную на статданных, полученных из милиции и судов, в том числе о количестве зарегистрированных и раскрытых преступлений, численности привлеченных к уголовной ответственности лиц и переданных в суд.

В ходе совместных совещаний, проводившихся на областном, районном и городском уровнях с участием представителей милиции, судов, партийных и советских органов, общественных организаций, где заслушивались информационные доклады о состоянии борьбы с преступлениями, координировались действия различных ведомств по борьбе с правонарушениями, обсуждались необходимые меры, направленные на повышение эффективности борьбы с различными видами наиболее распространенных преступлений, их предупреждение, ликвидацию вскрытых в процессе работы прокурорско-судебных органов серьезных недостатков в работе тех или иных государственных учреждений, ведомств и предприятий, способствовавших или облегчавших совершение преступлений [11].

Совещания были достаточно частым явлением. Например, во второй половине 1945 г. в Приморской краевой прокуратуре было проведено 12 оперативных совещаний [7, л. 140], на которых обнародовались результаты прокурорских проверок за исполнением законности на местах. Анализ выявленных нарушений обусловил выход в свет приказа Генпрокурора СССР от 17 июля 1946 г. «Об усилении общего надзора за точным исполнением законов» [11].

В послевоенные годы прокуратура стала тем органом, куда граждане обращались за защитой своих прав как к последней инстанции. Благодаря действиям органов прокуратуры граждане могли не только реализовать, но и защитить свои права. Массовость обращений свидетельствовала о высоком уровне доверия к этому государственному органу. Например, в первые послевоенные месяцы в Приморском крае в органы поступило 3888 жалоб, в том числе по трудовым вопросам – 630, жилищным – 477, налогам и поставкам – 95, о льготах семьям фронтовиков – 245, по указу от 8 июля 1944 г. – 23, на приговоры судов – 129, решения судов – 71 [7, л. 144]. В Хабаровском крае в первой половине 1946 г. органы прокуратуры приняли 18 700 устных жалоб, из них 6082 – в Амурской области, 1750 – в ЕАО [17, л. 7].

В 1946 г. в органы Сахалинской облпрокуратуры поступило 1014 жалоб, из них на нарушение трудовых прав – 346, жилищных прав и неисполнение алиментных обязательств – 77, о нарушении прав на льготы для военнослужащих и их семей – 76, прочих – 173 [8, л. 1].

Причиной обращения граждан в органы прокуратуры были вопросы, связанные со сроками рассмотрения заявлений, обращений и жалоб граждан в органах власти.

Труднорешаемость или невозможность решения текущей проблемы граждан формировали своеобразную модель «решения» чиновниками органов власти – волокиту. Это регулярно признавалось во внутренних документах. В частности, в письме Генерального прокурора СССР Г. Н. Сафонова от 15 июля 1948 г., адресованном всем следователям и районным прокурорам, отмечалась необходимость «решительно покончить с волокитой» [11]. В числе причин волокиты называлось «безответственное отношение работников, производящих расследование, к своим обязанностям...» [8, л. 1], – писали в своих отчетах ревизоры республиканской прокуратуры.

Однако анализ данных о сроках разрешения жалоб свидетельствует в пользу того, что волокита их рассмотрения не была частным явлением. Так, во второй половине 1945 г. в Приморском крае из 3888 жалоб в течение одного месяца было рассмотрено 2472 (63,5%) жалобы. Особое внимание уделялось жалобам военнослужащих, срок рассмотрения которых был более сжатым и составлял до 15 дней. При этом в семидневный срок работники прокуратуры рассмотрели 767 (19,7% от общего количества поступивших жалоб), в течение 15 дней – 292 жалобы (7,5% соответственно) [7, л. 144].

В функции работников органов прокуратуры входило их участие в расследовании уголовных дел и судебных заседаниях. Например, в Сахалинской области в первой половине 1946 г. прокуроры участвовали в допросах по 143 делам, в том числе по делам о хищениях и разбазаривании социалистической собственности, бандитизме, хулиганстве, кражах личного имущества, спекуляции и др. В рамках рассмотрения уголовных дел в судах с их участием слушалось 63,3% дел [8, л. 47-49, 55].

В Хабаровском крае из 2350 уголовных дел в допросах обвиняемых и свидетелей прокуроры участвовали по 796 делам (26,5%). По 623 делам (19,2%) давались письменные указания. В материалах проверок тех лет такие показатели участия прокуроров характеризовались как крайне низкие [17, л. 45об].

В письме от 15 июля 1948 г., которое уже упоминалось выше, Генеральный прокурор СССР Г. Н. Сафонов писал о волоките в работе следователей: «Дела продолжительное время находились без движения, следственные действия своевременно не проводятся. Ходатайства о продлении сроков расследования в ряде случаев не истребуются» [8, л. 1]. Стоит отметить, что волокита как «метод» работы была характерна не только для прокурорских работников, но и для милиции.

В 1946 г. Четвертым отделом милиции г. Хабаровска было возбуждено уголовное дело по обвинению Щ. в краже вещей у гр. Ф. Дело лежало без движения девять дней, затем было допрошено несколько свидетелей, после чего оно лежало без движения еще шесть дней. Спустя полтора месяца после возбуждения уголовного дела Щ. был арестован, через 15 дней ему предъявлено обвинение, через семь дней к нему применяется ст. 206 УПК РСФСР 1922 г., и в тот же день составляется обвинительное заключение, хотя по смыслу статьи в отношении Щ. следствие должно было быть прекращено. Ходатайство о продлении срока расследования также не возбуждалось [8, л. 1].

В целом же нарушение сроков расследования было распространенной практикой для тех лет, но не выходящей за грань разумного, о чем свидетельствуют данные Таблицы 1.

Таблица 1. Продолжительность расследования уголовных дел в Хабаровском крае* во втором полугодии 1945 г. (кол-во (%))

		До 10 дней	До 1 мес.	До 2 мес.	Свыше 2 мес.
1	Амурская область	259 (35,7%)	344 (47,5%)	81 (11,3%)	41 (5,5%)
2	ЕАО	50 (30%)	91 (53,8%)	22 (13%)	6 (3,2%)
3	Сахалинская область	80 (37%)	103 (47,6%)	20 (9,2%)	13 (6,2%)
4	Нанайский АО	46 (30,7%)	80 (53,3%)	17 (11,3%)	7 (4,7%)
5	Камчатская область	62 (34,4%)	95 (52,7%)	12 (0,6%)	11 (6,3%)
6	В целом по Хабаровскому краю	808 (33,4%)	1252 (51,8%)	231 (9,9 %)	124 (4,9%)

* в границах 1945 г.

Таблица составлена автором на основе: [8, л. 1].

Анализ таблицы свидетельствует о том, что в целом по Хабаровскому краю во второй половине 1945 г. более 85% дел рассматривались в срок от 10 дней до одного месяца. В целом в рамках отведенных сроков расследование не превышало двух месяцев по 95% уголовных дел. Наилучшие результаты были у следователей прокуратур ЕАО – 3,2%. Наименее слабые показатели фиксировались на Сахалине (6,2%) и Камчатке (6,3%).

Призыв о недопустимости волокиты относился в первую очередь к следователям, проводившим расследование уголовных дел более двух месяцев, и прокурорским работникам, своевременно не выявившим некачественную работу первых. Итогом такой работы становилось возвращение судом большого количества дел на доследование [11]. Например, во втором полугодии 1945 г. в Сахалинской и Камчатской областях суд на стадии подготовительного судебного заседания отправил на доследование 64 дела (1,5% от общего объема рассмотренных дел), в первом полугодии 1946 г. – 72 (1,9% от общего объема рассмотренных дел) [7, л. 40]. Поэтому, глядя на эти цифры с высоты сегодняшнего дня, можно констатировать, что замечание Генерального прокурора о некачественной работе следователей прокуратуры было обоснованным.

В числе причин возвращения на доследование или прекращения уголовных дел нередко отмечалось отсутствие состава преступления. В ходе проверки прокурорами Хабаровского края в 1946 г. работы милиции за 1945 г. было выявлено несколько случаев незаконного привлечения к уголовной ответственности. Например, в г. Комсомольске-на-Амуре 2 декабря 1945 г. сотрудники милиции возбудили уголовное дело по обвинению К. по ст. 107 УК РСФСР (спекуляция) на том основании, что у его жены во время проверки автобуса были обнаружены вещи, привезенные из Маньчжурии. Как оказалось, эти вещи К. приобрел для личного пользования, а не для последующей перепродажи с целью наживы.

Уголовное дело было возбуждено в отношении А. К., 1928 г. рождения, по ст. 192, п. «а», ч. 2 УК РСФСР 1926 г. по обвинению в том, что он нарушил подписку о выезде из г. Хабаровска. Эта подписка была отобрана у него как у лица, не имевшего определенного места жительства, но имевшего, по мнению органов милиции, несколько приводов по подозрению в кражах и не занимавшегося общественно полезным трудом. В ходе судебного разбирательства было установлено, что у А. К. имелись паспорт и военный билет, он проживал в Хабаровске по Слободской улице и к уголовной ответственности не привлекался. На момент привлечения к уголовной ответственности он действительно не работал, так как уже имел на руках повестку о призыве на воинскую службу в Красную Армию [7, л. 7].

Умение правильно квалифицировать преступление в работе следователя является одним из важных показателей его квалификации, поскольку от этого зависит правомерность привлечения лиц к уголовной ответственности. В 1945 г. в милицию поступило сообщение о том, что заведующая магазином Ювелирторга г. Куйбышевка Восточная (ныне – г. Белогорск Амурской области) С. растрчивает вверенные ей по должности ценности. Без надлежащей проверки этого сигнала в отношении завмагом следователь возбудил уголовное дело. Однако в ходе расследования был установлен факт недостачи в сумме 165 руб., а не хищения. В итоге дело было прекращено [7, л. 7].

В Хабаровском крае в течение 1945 г. только по районам непосредственного подчинения, из рассмотренных в порядке надзора 208 жалоб, по 54 делам прокуратуры принесли протесты на вынесение незаконных приговоров, которые не были своевременно выявлены и не опротестованы в судебном порядке. В первом полугодии 1946 г. проведена проверка по 138 делам, из них в отношении 54 дел приняты протесты [7, л. 47].

Рассматривая надзорную деятельность прокуратуры, нельзя обойти вниманием направление, связанное с надзором за законностью задержания граждан в порядке ст. 100 УПК РСФСР 1922 г. и содержания в камерах предварительного заключения. В первом полугодии 1946 г. в Хабаровском крае было проведено 405 проверок, которые позволили выявить задержание 2113 человек. Из них к уголовной ответственности привлекли 1822 человека, частично освобождены (по разрешению вопросов, послуживших основанием для задержания) – 291 человек. В камерах предварительного заключения без санкции прокурора свыше одних суток содержалось 55 человек, незаконно задержанных – 27 человек. Из последних в Амурской области – четыре человека, в Сахалинской области – четыре человека, в Южно-Сахалинской области – 13 человек, в районах непосредственного подчинения – шесть человек.

Что касается численности содержащихся без санкции прокурора свыше суток, то в Амурской области содержалось 13 человек, в Сахалинской области – 14 человек, в Южно-Сахалинской области – 23 человека, в районах непосредственного подчинения – пять человек. Лиц, которых незаконно задержали или которые находились в камерах предварительного заключения свыше одних суток в ЕАО и Нижне-Амурской области, прокурорский надзор не выявил [17, л. 46].

С приходом к власти Н. С. Хрущева реформы правоохранительной системы 1953–1955 гг. для органов прокуратуры ознаменовались двумя противоречивыми тенденциями.

Первая: принятие указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. Положения о прокурорском надзоре в СССР, закреплявшего за прокуратурой право и обязанность надзора за точным исполнением законов, имело своей задачей укрепление в СССР социалистической законности и охрану от всяких посягательств на конституционный и экономический строй, политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и охраняемые законом интересы граждан СССР, гарантированные Конституцией СССР и конституциями союзных и автономных республик, а также на права и охраняемые законом интересы государственных учреждений, предприятий, колхозов, кооперативных и иных общественных организаций [18]. Тем самым усиливалась роль прокуратуры как важного института государства в вопросах охраны законности.

Вторая: в соответствии с указом Президиума Верховного Совета СССР от 12 июля 1954 г. с работников прокуратур «сняли» погоны [19]. Это можно трактовать, с одной стороны, как понижение их статуса как представителей государственной власти, с другой – как окончательное признание руководством страны факта преодоления последствий войны, одним из проявлений которого был культ личности.

Заключение

Организация и структура органов прокуратуры Дальнего Востока были обусловлены спецификой административно-территориального деления региона. Вхождение до 1948 г. в состав Хабаровского края Амурской, Камчатской, Сахалинской областей и Еврейской автономной области предопределило подчиненность областных прокуратур Прокуратуре Хабаровского края. С выделением из состава Хабаровского края перечисленных территорий произошло изменение подчиненности региональных прокуратур Генеральной прокуратуре РСФСР.

В послевоенное десятилетие особое внимание уделялось кадровому составу дальневосточных прокуратур. В частности, принятые меры по повышению образовательного уровня и личной ответственности прокурорских работников внесли значительный вклад в обеспечение социалистической законности, поскольку работники прокуратуры участвовали в надзорной деятельности за исполнением законов правоохранительными и исполнительными органами, а также пенитенциарными учреждениями.

Пристатейный библиографический список

1. Прокуратура Сахалинской области (1947) // Сахалинская областная универсальная научная библиотека : сайт. URL: <https://calendar.libsakh.ru/event/932/> (дата обращения: 14.07.2025).
2. Об истории Прокуратуры Приморского края // Дальнегорский муниципальный округ : сайт. URL: <https://dalnegorsk-mo.ru/govinfo/govinfo prosecutors/media/2023/10/30/ob-istorii-prokuraturyi-primorskogo-kрая/> (дата обращения: 17.07.2025).
3. Пысина Г. Страницы истории Прокуратуры Хабаровского края // URL: <https://xn--80aadbp2bvljgfs0cyf.xn--p1ai/page/1319986> (дата обращения: 17.07.2025).

4. Прокуратура Еврейской автономной области // Циклопедия : сайт. URL: <https://cyclowiki.org/wiki/> (дата обращения: 17.07.2025).
5. Камчатской прокуратуре 96 лет // poluostrov-kamchatka.ru : сайт. URL: <https://poluostrov-kamchatka.ru/pknews/news/222340.html> (дата обращения: 17.07.2025).
6. История Прокуратуры Магаданской области // URL: https://fteretefirs.ucoz.ru/news/istorija_prokuratury_magadanskoj_oblasti/2013-08-09-207 (дата обращения: 17.07.2025).
7. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-461. Оп. 8. Д. 815.
8. ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 1134.
9. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 16 сентября 1943 г. «Об установлении классных чинов для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Постановление СНК СССР от 16 сентября 1943 г. № 1002 «О введении форменной одежды для прокурорско-следственных работников органов прокуратуры СССР» // СПС «КонсультантПлюс».
11. *Шеуджен Н. А., Яблонский И. В.* Организационно-правовые основы деятельности советской прокуратуры в борьбе с преступностью в послевоенные годы // *Общество и право*. 2016. № 3.
12. ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 898.
13. Прокуроры – участники войны // URL: <http://www.xn----8sba1bmibfjcbdb6ag0j.xn--p1ai/muzey/muzey-istorii-prokurory-uchastniki-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (дата обращения: 19.07.2025).
14. ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 1086.
15. *Скобина Е. А., Шастина М. А.* История советской прокуратуры с 1922 по 1991 годы // *Молодой ученый*. 2017. № 8 (142).
16. *Упоров И. В.* Организационно-правовые основы функционирования советской прокуратуры в правоохранительной сфере (1945 – середина 1950-х годов) // *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*. 2024. Вып. 3-9.
17. ГАРФ. Ф. А-461. Оп. 8. Д. 1067.
18. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. «Об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Указ Президиум Верховного Совета СССР от 12 июля 1954 г. «Об отмене персональных званий и знаков различия для работников гражданских министерств и ведомств» // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Sakhalin Oblast Prosecutor's Office (1947). URL: <https://calendar.libsakh.ru/event/932/> (date of the application: 14.07.2025). (In Russ.)
2. On the History of the Primorsky Krai Prosecutor's Office. URL: <https://dalnegorsk-mo.ru/govinfo/govinfo prosecutors/media/2023/10/30/ob-istorii-prokuraturyi-primorskogo-kraya/> (date of the application: 17.07.2025). (In Russ.)
3. *Pysina G.* Pages of the History of the Khabarovsk Krai Prosecutor's Office. URL: <https://xn--80aadbp2bvljgfs0cyf.xn--p1ai/page/1319986> (date of the application: 17.07.2025). (In Russ.)

4. Prosecutor's Office of the Jewish Autonomous Region. URL: <https://cyclowiki.org/wiki/> (date of the application: 17.07.2025). (In Russ.)
5. The Kamchatka Prosecutor's Office Is 96 Years Old. URL: <https://poluostrov-kamchatka.ru/pknews/news/222340.html> (date of the application: 17.07.2025). (In Russ.)
6. History of the Magadan Region Prosecutor's Office. URL: https://fteretefirs.ucoz.ru/news/istorija_prokuratury_magadanskoj_oblasti/2013-08-09-207 (date of the application: 17.07.2025). (In Russ.)
7. State Archives of the Russian Federation (SARF). F. A-461. Op. 8. D. 815. (In Russ.)
8. SARF. F. A-461. Op. 8. D. 1134. (In Russ.)
9. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of September 16, 1943 "On the Establishment of Class Ranks for Prosecutor-Investigative Employees of the Prosecutor's Office" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. Resolution of the Council of People's Commissars of the USSR of September 16, 1943 No. 1002 "On the Introduction of Uniforms for Prosecutor-Investigative Employees of the USSR Prosecutor's Office" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. *Sheudzhen N. A., Iablonskii I. V.* Organizational and Legal Foundations of the Activities of the Soviet Prosecutor's Office in the Fight Against Crime in the Post-War Years. *Society and Law*, 2016, no. 3. (In Russ.)
12. SARF. F. A-461. Op. 8. D. 898. (In Russ.)
13. Prosecutors – War Participants. URL: <http://www.xn----8sba1bmibfjcbdb6ag0j.xn--p1ai/muzey/muzey-istorii-prokurory-uchastniki-velikoy-otechestvennoy-voyny/> (date of the application: 19.07.2025). (In Russ.)
14. SARF. F. A-461. Op. 8. D. 1086. (In Russ.)
15. *Skobina E. A., Shastina M. A.* History of the Soviet Prosecutor's Office from 1922 to 1991. *Young Scientist*, 2017, no. 8 (142). (In Russ.)
16. *Uporov I. V.* Organizational and Legal Foundations of the Soviet Prosecutor's Office in Law Enforcement (1945 – Mid-1950s). *International Journal of Humanitarian and Natural Sciences*, 2024, iss. 3–9. (In Russ.)
17. SARF. F. A-461. Op. 8. D. 1067. (In Russ.)
18. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of May 24, 1955 "On Approval of the Regulation on Prosecutor's Supervision in the USSR" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
19. Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 12, 1954 "On the Abolition of Personal Ranks and Insignia for Employees of Civilian Ministries and Departments" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Л. А. Крушанова – кандидат исторических наук.

Information about the author:

L. A. Krushanova – PhD in History.

Статья поступила в редакцию 19.07.2025; одобрена после рецензирования 05.09.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 19.07.2025; approved after reviewing 05.09.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-34-42>

«ГОСУДАРСТВО БУДУЩЕГО» КАРЛА БАЛЛОДА: ПРОТОТИП СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ИЛИ УТОПИЯ

Павел Владиславович Никитин¹

Дарья Алексеевна Верина²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ nikitinp2007@yandex.ru

² golden.price@bk.ru

Аннотация

В статье представлен альтернативный подход К. Баллода к концепции социального государства, рассматривающий его ключевые категории как измеримые показатели – сквозь призму математических расчетов и статистических выкладок. Цель работы – определение степени утопичности идей К. Баллода и возможности их реализации в условиях современной России. Методологическую основу исследования составили как общенаучные, так и частнонаучные методы. В заключение авторы констатируют факт утопичности большинства идей К. Баллода. Вместе с тем они отмечают ряд предложений, сохраняющих свою актуальность: централизованная организация экономики, электрификация народного хозяйства, целенаправленное внедрение достижений науки и техники, развитие предпринимательской инициативы.

Ключевые слова: социальное государство; К. Баллод; Атлантикус; К. Каутский; А. Менгер; план ГОЭРЛО; электрификация России; сельское хозяйство; промышленность.

Для цитирования: Никитин П. В., Верина Д. А. «Государство будущего» Карла Баллода: прототип социального государства или утопия // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 34–42. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-34-42>

Research Article

KARL BALLOD'S "THE STATE OF THE FUTURE": PROTOTYPE OF A SOCIAL STATE OR UTOPIA

Pavel V. Nikitin¹

Daria A. Verina²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

¹ nikitinp2007@yandex.ru

² golden.price@bk.ru

Abstract

The article presents an alternative approach of K. Ballod's ideas to the concept of the welfare state, considering its key categories as measurable indicators through the prism of mathematical calculations and statistical calculations. The aim of the work is to determine the degree of utopianism of K. Ballod's ideas and the possibility of their implementation in modern Russia. The methodological basis of the study consists of both general scientific and specific scientific methods. In conclusion, the authors state that most of K. Ballod's ideas are utopian. At the same time, they note a number of proposals that remain relevant: centralised organisation of the economy, electrification of the national economy, targeted introduction of scientific and technological achievements, and development of entrepreneurial initiative.

Keywords: welfare state; K. Ballod; Atlanticus; K. Kautsky; A. Menger; GOERLO plan; electrification of Russia; agriculture; industry.

For citation: Nikitin P. V., Verina D. A. Karl Ballod's "The State of the Future": Prototype of a Social State or Utopia. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 34–42. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-34-42>

Введение

В классическом понимании социальное государство – это такое государство, основной функцией которого является поддержание равновесия в обществе, а также обеспечение условий для всестороннего развития каждого индивида. В рамках этой теоретической парадигмы выделяются принципы этатизма, свободы, равенства, частной собственности, социальной и политической стабильности [1, p. 174]. Эти же принципы провозглашаются в действующей Конституции РФ. В соответс-

твии с ч. 1 ст. 7 «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [2].

Наряду с этим «либерально-демократическим» видением в истории есть примеры отличных от этого подходов к созданию социально справедливого общества с альтернативными телеологическими установками.

1. Дискуссия о природе социального государства в трудах К. Баллода

В этом контексте особую ценность представляют воззрения К. Баллода, он же Атлантикус, известного экономиста XIX–XX вв., ставшие предтечей государственного плана электрификации страны ГОЭРЛО и ушедшей в небытие Общегосударственной автоматизированной системы учета и обработки информации (ОГАС) – проектов, на которых, по сути, базируется национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации».

Отталкиваясь от научных позиций, он размышляет о будущем при помощи статистических и математических методов, что, собственно говоря, неудивительно, учитывая специфику его рода деятельности – еще с университетской скамьи он был увлечен статистикой; его нестандартный взгляд на построение социального государства, хоть первоначально и опирался на определение, данное Ф. Энгельсом и другими марксистами, ушел дальше в развитии [3, с. 9], приобретая черты детально разработанного, но во многом идеалистического проекта по системному преобразованию общества.

Именно эта сфокусированность на преобразовании общества, а также общая идейная платформа обуславливают необходимость сравнения точки зрения К. Баллода с точкой зрения В. И. Ленина как ведущего теоретика, открыто деклариовавшего социалистические принципы и взявшего курс на их радикальную практическую имплементацию. При их сопоставлении сразу бросаются в глаза расхождения: если В. И. Ленин воспринимал социальное государство как сугубо переходный период перед воцарением коммунизма, инструмент для осуществления классового господства или угнетения [4, с. 204], то в основе исследований К. Баллода лежала центральная идея повысить уровень благосостояния народа и размер дохода рабочего и в несколько раз сократить рабочее время за счет «надлежащей организации производства, под условием использования всех возможных технических усовершенствований» [5, с. 31].

В этом он придерживался менгеровской логики: оба делали ставку на эволюционные, а не революционные изменения строя, исходя из реальных потребностей людей, а не идеологии. А. Менгер акцентировал внимание на субъективной ценности и предельной полезности, настаивая на «трезвых юридических понятиях» [6, с. 22], а К. Баллод – на конкретных улучшениях условий труда.

Эти и другие соображения были изложены им в его монографии 1898 г. «Государство будущего: производство и потребление в социальном государстве» (далее также – «Государство будущего») на примере Германии. Уже во введении он ставит цели достижения построения социального государства. Среди них: изменение аграрной программы, выражающееся либо в отказе от перехода земли в собс-

твенность государства, что трудновыполнимо без равномерного ее распределения, либо в увеличении покупательной силы городского населения; поднятие народного просвещения («школьное обучение можно продолжить для мальчиков до 17–18 лет, для девушек до 15–16 лет, после этого они могут либо прямо поступить в ряды рабочих, или же подвергнуться строгому конкурсному экзамену, назначенному для выбора наиболее способных и одаренных для подготовки к высшим профессиям»); устранение факторов, вызывающих преступность: бедность, нищета, невежество, бесприютность и беспризорность детей – как следствие, сокращение количества совершаемых преступлений и рецидивов.

На экономических аспектах «государства будущего» К. Баллод не замыкается, затрагивая и внеэкономические ценности. Однако в этой части его рассуждений прослеживается некоторая противоречивость. С одной стороны, он утверждает, что религия и «пресловутая свободная любовь» «не имеют существенной связи с социальной проблемой». С другой стороны, вслед за К. Каутским он агитирует за сохранение института брака в традиционных формах и порицает отделение церкви от государства, настаивая на том, что христианство «в высшей степени социалистично» [7, с. 32; 8, с. 37].

Тем самым К. Баллод уподобляет социализм понятию «социальное государство», смешивая разные по своей сути явления – общественно-экономическую формацию и форму политики, – что идет вразрез с его собственной концепцией. Это ставит под сомнение достоверность и отсутствие «произвольных допущений и утопических¹ построений» [5, с. 32], на которые так смело указывает А. С. Галушка. Ведь если в терминологии, касающейся объекта исследования, присутствует такого рода неопределенность, это не может не влиять на восприятие всей совокупности предложений К. Баллода.

Примечательно, что он подвергался критике и ранее: в социал-демократической печати «*Vorwärts*», где его книгу окрестили «настолько же мало научной, как и сочинение теолога о жизни после смерти» [3, с. 23], и в выступлениях несогласных из собственного лагеря (Э. Бернштейна, М. В. Бернацкого и др.), обосновывавших свою позицию политическим оппортунизмом К. Баллода и его склонностью к государственному социализму. «Один компромисс влечет за собой другие: Атлантикус сохраняет постоянное войско, обильно содержит богачей, разрешает в их пользу сверхурочный труд государственных рабочих, не прочь повоевать с Англией из-за колониальных владений...», – подчеркивал М. В. Бернацкий [7, с. 10]. Тем не менее это не помешало К. Каутскому дать положительную оценку и рекомендовать издателю «*Neue Zeit*» выпустить «Государство будущего» отдельной брошюрой. Причина такой поддержки отчасти кроется в близости идей К. Баллода к его собственным взглядам. Как и К. Баллод, К. Каутский полагал, что целью социализма представляется организация производства [9, с. 134].

¹ В данном случае имеется в виду утопия в социально-философском измерении, под которой понимаются мечтания, проекты и учения о коренном преобразовании общества на социалистических началах, не опирающиеся на знание законов общественного развития и его движущих сил.

2. Сельское хозяйство и промышленность

Анализируя сами предложения, стоит обратить внимание, что К. Баллод исходит из оценки естественных производительных сил экономики и начинает экономическое моделирование с реорганизации структуры сельского хозяйства. Так называемым двигателем прогресса он отмечает «осуществление социалистических требований», позволяющих не только сократить рабочее время, но и обеспечить для населения условия жизни, ранее доступные только богачам [7, с. 34].

В своих расчетах он апеллирует к исследованиям таких авторов, как У. Годвин, А. Бебель, П. А. Кропоткин, К. Каутский, Ш. Фурье, Г. Лош и др., воззрения которых в известной степени обладают утопическим характером. В частности, К. Баллод соглашается с К. Каутским по поводу превосходства крупного сельского хозяйства и солидарен с ним в вопросе о необходимости нейтрализации мелких крестьян [9, с. 133].

Ключевым в его модели становится установление протекционистской политики в отношении продовольствия и сырья: «...все пищевые продукты, так же как и волокнистые вещества для тканей и одежд, должны производиться в сельском хозяйстве», при этом само государство видится ему замкнутой системой [7, с. 43]. Недостающие ресурсы, по мнению К. Баллода, должны обеспечиваться за счет колоний (Камеруна, Новой Гвинеи, Узамбары и др.), а предметы роскоши, мебели, книгоиздательство и печатание газет – предоставить частной инициативе. В качестве иллюстрации он приводит Германию, в которую из других стран поставляют хлеб и мясо, а также хлопок, шерсть и лен. Как указывает К. Каутский в предисловии к «Государству будущего», «социал-демократия должна относиться к политике заморских завоеваний не враждебно, а одобрительно» [7, с. 16]. Тем более что «энергичного сопротивления со стороны туземного населения не приходится опасаться» [8, с. 17].

Вместе с тем К. Баллод допускает использование принудительного труда коренного населения в колониях, настаивая, однако, что его не стоит уподоблять рабству и по продолжительности он не должен превышать обязательную трудовую повинность белых. Причем управление такими плантациями надлежит передавать сугубо европейским должностным лицам. Конечная цель, как считает К. Баллод, состоит в «удвоении, утроении количества более ценных пищевых продуктов, как, например, мяса, масла, сахара, пива» [7, с. 49]. И хоть он напрямую не употребляет термин «право на существование», но его позиция тесно перекликается с концепцией А. Менгера. Согласно ей в первую очередь следует удовлетворять насущнейшие потребности всех и лишь затем – утонченные потребности высших слоев [6, с. 9].

Эта цель станет достижимой, когда социальное государство будет соответствовать следующим требованиям: 1) увеличение состава и числа высших профессий (в понимании К. Баллода к ним относятся управляющие сельскохозяйственными предприятиями, должностные лица в администрации, техники, ученые, преподаватели и врачи); 2) назначение более высокого оклада за труд в этих профессиях; 3) учреждение академий художеств; 4) установление предельного пенсионного возраста – не больше 55 лет – и по его достижении выдача участка земли прибли-

зительно в $\frac{1}{4}$ гектара в наследственное владение; 5) строительство специальных помещений для рабочих.

На последнем пункте К. Баллод останавливается более подробно, раскрывая его в главе, посвященной совершенствованию сферы промышленности. Однако нельзя сказать, что она имеет существенное значение для изучения, поскольку озвучиваемые в ней предложения далеки от реальности. Приведем пример: К. Баллод призывает снабдить заводы и фабрики последними новейшими приспособлениями, для чего, как он полагает, нужно либо переконструировать, либо даже полностью уничтожить большую часть промышленных заведений. Важность этого он объясняет стремлением к поднятию статистики проводимых опытов и создаваемых изобретений, но не учитывает ни финансовых, ни технических ограничений, сопутствующих этому процессу [7, с. 84]. Или же возьмем его предложение о назначении особых премий за перевыполнение плана. По мнению К. Баллода, благодаря им рабочие будут замотивированы «больше производить, так как таким путем сократят срок обязательной работы» [7, с. 85]. Действительно, материальное стимулирование какое-то время способно приносить результаты, но в долгосрочной перспективе поощрение подобной конкуренции повлечет за собой негативные последствия. Во-первых, это вызовет пересмотр норм выработки в сторону повышения и, следовательно, уменьшение реальной заработной платы. А во-вторых, снизится качество продукции.

Впрочем, сам К. Баллод в завершении работы высказывает опасения по поводу возможности исполнения перечисленных мер по построению социального государства, считая их скорее программой желаемых изменений, нежели прямым руководством к действию. Он пишет: «...оно (исследование) могло дать только приблизительное изображение будущего производства. Надо будет предпринять еще целый ряд специальных опытов для того, чтобы установить данные для точно обоснованных выводов» [7, с. 156]. В монографии «Марксизм как теория наивысшей производительности?» он даже допускает мысль, что его расчеты касательно сбережения труда могут быть излишне оптимистичными и что велика вероятность понижения его интенсивности по психологическим соображениям [3, с. 23].

3. Попытка воплощения идей К. Баллода в Советской России

В 1920 г. в Москве выходит значительно доработанное издание книги «Государство будущего: производство и потребление в социальном государстве», послужившей основой для плана ГОЭРЛО. Об этом свидетельствуют статьи В. И. Ленина «О едином хозяйственном плане» и Г. М. Кржижановского «К десятилетию ГОЭЛРО». Сам план ГОЭРЛО содержит раздел под названием «Германский проект профессора К. Баллода».

В нем дается краткий пересказ идей К. Баллода о превращении социалистической Германии в «счастливую страну всеобщего довольства и благополучия» [10, с. 7] за несколько лет и предпринимается попытка адаптировать положения его монографии под реалии нэповской России. Подчеркнем, что речь идет именно об адаптации положений – полное заимствование ввиду зачаточного и весьма руинированного затянувшимся периодом социалистической обороны состояния

капиталистического хозяйства и неустойчивости революционной деятельности было бы неосуществимым. Составление такого же плана, несомненно, «было бы обречено на безнадежное крушение» [10, с. 8].

В обновленной версии «Государства будущего» К. Баллода делается акцент на системе образования, призванной подготовить следующее поколение специалистов и чиновников. До 17 лет молодые люди осваивают единую программу расширенных народных школ. По достижении этого возраста каждый из них на пять лет вступает в армию труда, организованную по принципу регулярных трудовых колонн. Главная задача армии – «сохранение, а по возможности и повышение интенсивности труда» [11, с. 19]. От ее реализации зависит предотвращение падения производительности, которое чревато всеобщей нищетой. Для этого предусматриваются как специальные комитеты, так и механизмы взаимного контроля, базирующиеся на чувстве чести. К 23 годам обязательная трудовая повинность заканчивается, и государство предоставляет гражданам «простор индивидуальной жизни» и пенсион для удовлетворения культурных потребностей. При этом, если в первом издании сочинения К. Баллод настаивал на отмене обязательной трудовой повинности для детей прежних зажиточных родителей, получающих государственную ренту и подготовляющихся к академической деятельности, то во втором издании никаких исключений не делает [11, с. 20]. В остальной части текста он придерживается той же мысли, что и прежде.

Сравнивая труды К. Баллода и план ГОЭРЛО, можно провести некоторые параллели. Во-первых, как К. Баллод, так и авторы плана ГОЭРЛО преследовали одну и ту же цель – достичь наибольших результатов, а именно максимальной производительности всякой хозяйственной деятельности, при наименьших усилиях посредством электрификации. Во-вторых, наблюдаются пересечения относительно инициатив в области сельского хозяйства и промышленности – и там, и там они выделены в самостоятельные блоки. Такие совпадения неслучайны: как упоминал Г. М. Кржижановский в статье «К десятилетию ГОЭРЛО», сотрудники ГОЭРЛО «взяли из богатого технико-экономического арсенала Баллода все, что могли и должны были взять» [5, с. 33].

Тем не менее их разработка проходила при совершенно разных исторических и экономических условиях. И если К. Баллод мог «руководствоваться случайными соотношениями объективной обстановки, вверяться инстинкту народных масс и произволу» [10, с. 10], то участники ГОЭРЛО, столкнувшись с перешедшими по наследству от капиталистического общества установками крайне устаревшего типа, работавшими с весьма малым коэффициентом полезного действия, такой роскоши не имели. Эти различия в конечном счете предопределили судьбу обоих проектов: план ГОЭРЛО был воплощен в жизнь, тогда как идеи К. Баллода так и повисли в воздухе, не найдя слабых отголосков даже в научно-технической прессе Германии.

Заключение

Исходя из проведенного анализа можно заключить следующее: несмотря на то, что немногочисленные исследователи работ К. Баллода стремятся выставить

его концепцию социального государства как жизнеспособную, по нашему убеждению, она лишена достаточной объективной доказательственной базы, и потому ее нельзя применять. Безусловно, следует взять на вооружение отдельные его предложения, такие как централизованная организация экономики, электрификация народного хозяйства, целенаправленное внедрение достижений науки и техники, предпринимательская инициатива. Все остальное – сокращение рабочего времени, эксплуатация колоний, система образования и т.д. – является утопичным. «Государство будущего» должно остаться важной вехой на пути к современной цифровой трансформации, но ни в коем случае не становиться панацеей.

Пристатейный библиографический список

1. Stein L. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs: Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Leipzig : Wigand, 1848.
2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. Баллод К. Марксизм как теория наивысшей производительности? / пер с нем. рукописи Я. Э. Либермана. СПб. : Тип. об-ва «Общественная польза», 1907.
4. Ленин В. И. Государство и революция. Полное собрание сочинений : в 56 т. Т. 33. 5-е изд. М. : Политиздат, 1969.
5. Галушка А. С., Ниязметов А. К., Окулов М. О. К русскому экономическому чуду. М. : Наше завтра, 2021.
6. Менгер А. Новое учение о государстве. СПб. : Б. и., 1909.
7. Баллод К. Государство будущего: производство и потребление в социальном государстве. СПб., 1906.
8. Каутский К. Национальное государство, империалистское государство и союз государств. М. : Дело, 1917.
9. Каутский К. Социальная революция / пер. с нем. Н. Карпова. Женева : Тип. Лиги, 1903.
10. План электрификации РСФСР: введение к докладу к 8-му Съезду Советов Государственной Комиссии. М. : Гос. тех. изд-во, 1920.
11. Баллод К. Государство будущего: производство и потребление в социальном государстве. М. : Изд. Всерос. Центр. союза потреб. о-в, 1920.

References

1. Stein L. Der Socialismus und Communismus des heutigen Frankreichs: Ein Beitrag zur Zeitgeschichte. Leipzig: Wigand, 1848.
2. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved by nationwide vote on July 1, 2020) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
3. Ballod K.; Lieberman Ia. E. (trans.). Marxism as a Theory of Maximum Productivity? St. Petersburg: Typography of the Public Benefit Society, 1907. (In Russ.)

4. *Lenin V. I.* The State and Revolution. Complete Works. In 56 vols. Vol. 33. 5th ed. Moscow: Politizdat, 1969. (In Russ.)
5. *Galushka A. S., Niiazmetov A. K., Okulov M. O.* Towards the Russian Economic Miracle. Moscow: Nashe Zavtra, 2021. (In Russ.)
6. *Menger A.* New Theory of the State. St. Petersburg: [s.n.], 1909. (In Russ.)
7. *Ballod K.* The State of the Future: Production and Consumption in the Welfare State. St. Petersburg, 1906. (In Russ.)
8. *Kautsky K.* The National State, the Imperial State, and the Union of States. Moscow: Delo, 1917. (In Russ.)
9. *Kautsky K.; Karpov N. (trans.).* Social Revolution. Geneva: League's Printing House, 1903. (In Russ.)
10. Plan for the Electrification of the RSFSR: Introduction to the Report to the 8th Congress of Soviets of the State Commission. Moscow: State Technical Publishing House, 1920. (In Russ.)
11. *Ballod K.* The State of the Future: Production and Consumption in the Social State. Moscow: Publication of the All-Russian Central Union of Consumer Societies, 1920. (In Russ.)

Сведения об авторах:

П. В. Никитин – кандидат юридических наук, доцент.

Д. А. Верина – студентка 3-го курса.

Information about the author:

P. V. Nikitin – PhD in Law, Associate Professor.

D. A. Verina – Third-Year Student.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 22.09.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-43-55>

ОБОСНОВАННЫЙ РИСК В АДМИНИСТРАТИВНО-ДЕЛИКТНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

Александр Николаевич Кокорев

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

rpamucni@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается соотношение института «обоснованного риска» в российском уголовном праве и аналогичной категории административно-деликтного законодательства Содружества Независимых Государств (СНГ) и обосновывается возможность его имплементации в российское законодательство об административной ответственности. Актуальность исследования обусловлена развитием информационных технологий, активно используемых в противоправных целях, и защитой субъектов, противодействующих им, освобождая последних от административной ответственности. Целью работы является внедрение в российское законодательство об административной ответственности «обоснованного риска» как обстоятельства, освобождающего правоприменителя, действующего в целях обеспечения общественного блага, от юридической ответственности. Методологию составили диалектический метод, общенаучные и специально-юридические методы. Полученные выводы свидетельствуют о возможности расширения защитных механизмов в сфере противодействия угрозам в информационной сфере и дальнейшего их развития.

Ключевые слова: обоснованный риск; административно-деликтное законодательство; уголовное право; угрозы; общее благо.

Для цитирования: Кокорев А. Н. Обоснованный риск в административно-деликтном законодательстве // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 43–55. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-43-55>

Research Article

JUSTIFIED RISK IN ADMINISTRATIVE AND TORT LAW

Alexander N. Kokorev

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
rpamucni@gmail.com

Abstract

The article examines the relationship between the institution of “justified risk” in Russian criminal law and the similar category of administrative and tort law in the Commonwealth of Independent States (CIS), and substantiates the possibility of its implementation in Russian legislation on administrative liability. The relevance of the study is due to the development of information technologies, which are actively used for illegal purposes, and the protection of individuals who oppose them, exempting them from administrative liability. The purpose of the work is to introduce the concept of “justified risk” into Russian legislation on administrative liability as a circumstance that exempts a law enforcement officer acting in the interests of the public good from legal responsibility. The methodology includes the use of the dialectical method, general scientific methods, and specific legal methods. The findings suggest the possibility of expanding protective mechanisms in the field of countering threats.

Keywords: reasonable risk; administrative and tort law; criminal law; threats; common good.

For citation: Kokorev A. N. Justified Risk in Administrative and Tort Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 43–55. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-43-55>

Введение

В юридической литературе давно обсуждается вопрос об уголовно-правовой регламентации обоснованного риска в качестве обстоятельства, исключающего преступность деяния. При этом интенсивное развитие информационных технологий и научного прогресса ставят перед обществом и государством, в лице его органов и должностных лиц, а также коммерческих организаций, новые задачи по защите прав и свобод населения страны от противоправных посягательств. Следует отметить, что механизм защиты самих правоприменителей от юридической ответственности при причинении ими вреда охраняемым законом интересам уже давно

выходит за рамки исключительно уголовного права. Так, жизненные обстоятельства и правоприменительная практика ставят перед представительными (законодателями) органами вопросы о закреплении аналогичного института в административно-деликтном законодательстве России. В настоящее время нередки случаи, когда государственные и коммерческие органы и их должностные лица вынуждены прибегать к деятельности, сопряженной с вероятностью причинения ущерба охраняемым нормами административного права интересам физических и юридических лиц, в целях достижения общественно значимой пользы, что по своей сути составляет обстоятельство, исключающее противоправность деяния.

1. Обоснованный риск как обстоятельство, исключающее противоправность деяния, и комплекс мер, связанных с его реализацией

Появление обоснованного риска в уголовном законодательстве как обстоятельства, исключающего деликтность деяния, произошло только в 1996 г. и было продиктовано интенсивным развитием науки и техники, сопряженным с рискованными действиями субъектов общественных отношений и возможностью причинения ими вреда охраняемым законом интересам в целях достижения общественно значимых благ.

При этом, как справедливо отмечает профессор А. В. Наумов, уголовное право не только не должно быть тормозом научного прогресса, но и должно защищать экспериментатора, исключая его ответственность в случаях нарушения им общих оснований уголовной ответственности [1, с. 516].

Однако даже среди исследователей «обоснованного риска» как уголовно-правовой категории, исключающей противоправность деяния, нет единодушия по поводу его юридической природы [2, с. 14] и субъективного состава [3, с. 39] данного правового явления. В то же время все они единодушны в том, что его содержательная основа раскрывается в ст. 41 Уголовного кодекса РФ [4]. Наличие обстоятельств, освобождающих от юридической ответственности, предполагает их расширение в связи с эволюционным ростом технологий и не должно ограничиваться только нормами уголовного права, поскольку риск возможен в любой сфере человеческой деятельности, сопряженной с возможностью причинения вреда. Особенно это проявляется в области ИТ-технологий и дальнейшей информатизации общества.

Стоит подчеркнуть, что отличительной особенностью обоснованного риска является отсутствие в действиях (бездействии) рискующего лица противоправных намерений и его стремление к достижению общего, а не индивидуального блага. Кроме того, данные поведенческие акты, как правило, связаны с профессиональной деятельностью и не нарушают установленного правовой нормой запрета. Таким образом, действия лица происходят в ситуациях неопределенности, а риск обоснован и оправдан общественной необходимостью.

В отличие от крайней необходимости, связанной с предотвращением неминуемой опасности, «обоснованный риск» направлен на защиту действий делинквента, связанных с достижением общественно полезной цели, даже при отсутствии явной угрозы охраняемым нормами права интересам общества и личности.

Как отмечает ряд авторов, подобные угрозы могут возникнуть при научно-изыскательской деятельности, в сфере защиты инфраструктуры, в том числе информационной, персональных данных населения, и иных неординарных ситуациях [5, с. 321–331].

Так, по данным правоохранительных органов и ряда кредитных организаций, количество киберпреступлений (в основном мошенничества) за последние три года возросло на 27% [6], а причиненный только за пять месяцев 2025 г. ущерб российским гражданам составил 81 млрд руб., что выше аналогичного показателя прошлого года [7].

По данным Банка России, основной массив кибермошенничества приходится на телефонные звонки и SMS-сообщения (45,6%), атаки через мессенджеры (15,7%), сообщения в социальных сетях (10,3%), письма на электронную почту (7,7%), получение доступа к аккаунту на портале «Госуслуги» (7%) и др. [8].

При этом созданная Роскомнадзором на основе технических средств противодействия угрозам (ТСПУ) и действующая в России с начала 2024 г. Национальная система противодействия DDoS-атакам, направленная в первую очередь на защиту критической информационной инфраструктуры российского государственного сектора (финансовые, транспортные, энергетические компании, средства массовой информации (СМИ), операторы связи и госструктуры), не удовлетворяет потребностям общества в информационной безопасности различного рода информационных баз данных и их ресурсов.

Сами DDoS-атаки, как отмечают специалисты в сфере информационной безопасности, представляют собой один из весьма грозных методов противоправного воздействия на интернет-ресурсы (сайты или онлайн-сервисы), способные буквально остановить работу компании, кредитной организации, торговой площадки и причинить им огромные убытки. Их целью является перегрузка информационной системы посредством направления с зараженных устройств (компьютеров, серверов, IT-гаджетов) многочисленных запросов на целевой ресурс. Этот процесс носит лавинообразный характер, что приводит к замедлению работы сайта / онлайн-сервиса или его блокировке, а пользователь не может получить к нему доступа. Так, по данным одной из крупнейших компаний по кибербезопасности, *Cisco Talos Intelligence Group*, начало 2023 г. ознаменовалось для России ростом отправки спам-писем, количество которых в день превышало 7 млрд, что позволило ей занять шестое место в мире по данному критерию киберпреступности [9].

Чаще других DDoS-атакам подвергаются сайты государственных учреждений, крупных корпораций, организаций здравоохранения, игровых сервисов, местных и региональных СМИ, онлайн-кинотеатров, кредитных организаций, хостинг-провайдеров. При этом, как отмечают многие исследователи информационной безопасности, перечень объектов незаконной деятельности из года в год остается неизменным, что свидетельствует о постоянстве киберпреступности.

Рассматривая нормативно-правовую базу технической защиты критической информационной инфраструктуры, следует отметить, что она состоит из законодательных и подзаконных актов. Так, на уровне Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [10]

определяются государственная система обнаружения, предупреждения и ликвидации последствий компьютерных атак на информационные ресурсы страны, реестр значимых объектов цифровой инфраструктуры, субъекты государственной власти в области обеспечения безопасности данной сферы, их права и обязанности, а также другие вопросы противодействия компьютерным атакам.

Следует отметить, что применительно к государственным информационным системам в качестве органа, уполномоченного на обеспечение безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации, выступает Федеральная служба по техническому и экспортному контролю (ФСТЭК России) [11]. Она реализует следующую систему организационных и технических мер защиты информации в зависимости от угроз безопасности информационным ресурсам:

- «а) идентификация и аутентификация;
- б) управление доступом;
- в) регистрация событий безопасности;
- г) защита виртуализации и облачных вычислений;
- д) защита технологий контейнерных сред и их оркестрации;
- е) защита сервисов электронной почты;
- ж) защита веб-технологий;
- з) защита программных интерфейсов взаимодействия приложений;
- и) защита конечных устройств;
- к) защита мобильных устройств;
- л) защита технологий интернета вещей;
- м) защита точек беспроводного доступа;
- н) антивирусная защита;
- о) обнаружение и предотвращение вторжений на сетевом уровне;
- п) сегментация и межсетевое экранирование;
- р) защита от компьютерных атак, направленных на отказ в обслуживании;
- с) защита каналов передачи данных и сетевого взаимодействия» [12].

Однако, как было отмечено многочисленными решениями судебных [13; 14] и контрольно-надзорных органов [15], обеспечение информационной безопасности и надежности функционирования программных и технических средств при оказании государственных и коммерческих услуг является обязанностью оператора или обладателя информации.

При этом оператор (обладатель информации), с учетом опасности, создаваемой для информационной среды при обработке и хранении информации, уязвимостей программного обеспечения, программно-аппаратных средств, содержащихся в банке данных угроз безопасности информации ФСТЭК России [16], должен обеспечивать ее защиту на всех этапах преобразования данных в информационных системах.

Реализация указанной задачи преследует цели:

- «а) недопущения (снижения возможности) наступления негативных последствий (событий) от нарушения конфиденциальности, целостности, доступности информации;

б) недопущения (снижения возможности) наступления негативных последствий (событий) от нарушения функционирования информационных систем вследствие реализации (возникновения) угроз безопасности информации» [17].

2. Административно-правовые средства противодействия угрозам в информационной сфере и механизм защиты правоприменителей

Рассматривая сферу действия российской системы технической защиты от противоправных посягательств в информационной сфере, следует отметить, что она распространила свое действие на 655 субъектов государственного и частного сектора [18]. В то время как только в финансовой [19] и транспортной сферах [20] их количество достигает порядка 40 тыс., а по данным Роскомнадзора, на октябрь 2025 г. в реестре лицензий в области связи России содержится более 24 тыс. действующих организаций, оказывающих данные услуги [21].

Представленные статистические данные свидетельствуют о недостаточности только технической защиты прав и свобод физических и юридических лиц в информационной сфере. Кроме того, в соответствии с заявлением директора по стратегическим альянсам и взаимодействию с органами государственной власти группы компаний «Гарда» Павла Кузнецова средствами информационной защиты обладает лишь треть компаний. В то время как основными субъектами, подключаемыми к системе технических средств противодействия информационным угрозам, должны быть организации и компании, чья деятельность может негативно отразиться на уровне жизни граждан и наиболее важных отраслях российской промышленности [22].

В то же время основным способом защиты с использованием системы ТСПУ является блокировка запрещенного в России контента и борьба с вредоносным трафиком. Однако, как отмечает начальник Управления Президента РФ по развитию ИКТ и инфраструктуры связи Татьяна Матвеева, «работает указанная система только по отслеживанию паттернов вредоносных пакетов в трафике, то есть откуда он идет, есть ли нетипичные IP-адреса и т.д. Если эти показатели меняются, то система становится неэффективна» [23], а блокировка атак на пул IP-адресов возлагается на самих владельцев информационных ресурсов.

Более того, многие исследователи отмечают, что с учетом постоянного развития технологий, используемых в противоправных целях, в настоящий период технический потенциал противодействия им недостаточен, а нормативно-правовая база требует совершенствования. Это касается не только уголовно-правовых средств воздействия и защиты, но и включения в арсенал административно-деликтных способов реагирования [24] с применением институтов защиты от ответственности правоприменителей при причинении ими вреда в целях обеспечения общезначимых благ.

Примеры таких способов административного реагирования можно обнаружить на постсоветском пространстве как в законодательстве, так и в правоприменительной практике разнообразных органов Содружества Независимых Государств (СНГ). Например, анализ административно-деликтного законодательства ряда государств СНГ свидетельствует, что институт «обоснованного риска» как об-

стоятельство, освобождающее от административной ответственности, функционирует на территории Республики Таджикистан [25], Республики Туркменистан [26], Республики Беларусь [27] и Республики Молдова [28] с 2000-х гг. XX в. Для него характерны следующие особенности:

Во-первых, цель применения «обоснованного риска» – достижение общественного блага при причинении вреда охраняемым законом интересам.

Во-вторых, социально значимая цель не может быть достигнута без действий или бездействия рисковавшего, сопряженных с риском (основанным на достижениях науки и опыта), и без принятия им необходимых мер для предотвращения такого вреда.

В-третьих, риск не должен быть сопряжен с угрозой жизни и здоровью индивида, созданием условий социального и экологического бедствия (катастрофы), т.е. не должен посягать на охраняемые нормами уголовного права интересы личности, общества и государства.

Таким образом, риск обоснован и оправдан общественной необходимостью и ее значимостью. Он исключает административную ответственность, расширяя тем самым перечень таких обстоятельств (наряду с институтами крайней необходимости и невменяемости). Анализ приведенных выше особенностей «обоснованного риска», сформировавшегося в административно-деликтном законодательстве и правоприменительной практике ряда стран СНГ, по своей содержательной сущности близок аналогичному институту, содержащемуся в российском уголовном праве. При этом он направлен на защиту действий (бездействия) делинквента, стремящегося к достижению общественно полезной цели, даже при отсутствии явной угрозы охраняемым административно-правовой нормой личным и общественным интересам.

Указанные обстоятельства позволяют осуществить имплементацию норм законодательства об административных проступках ряда государств СНГ в Кодекс РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), дополнив его ст. 2.7.1 «Обоснованный риск» следующего содержания: «Не является административным правонарушением причинение вреда охраняемым законом ценностям лицом при обоснованном риске для достижения общественно полезной цели, если она не могла быть достигнута иным способом и не сопряжена с угрозой жизни и здоровью людей, созданием условий социального и экологического бедствия (катастрофы)».

Как отмечает ряд авторов, угрозы, на пресечение которых направлен институт «обоснованного риска», представляют собой не какие-то эфемерные ситуации, а реальные поведенческие акты, являющиеся выражением внешней противоправной деятельности как отдельных лиц, так и преступных групп.

Согласно данным крупного интернет-провайдера в лице Центризбиркома (ЦИК) работа его серверов в период избирательных кампаний на протяжении длительного времени, начиная с ввода в действие в 2000 г. государственной автоматизированной системы (ГАС) «Выборы», подвергается мощным кибератакам (DDoS). Эти атаки способны парализовать работу серверов и создают реальную возможность потери персональных данных миллионов пользователей.

Согласно статистическим данным, приведенным председателем ЦИК Эллой Панфиловой, цифровая платформа ГАС «Выборы» в 2024 г. подвергалась вирусным ата-

кам 398 раз, в то время как в 2023 г. их количество составляло 282, а в 2022 г. – 275 [29]. Эта информация от органа, ответственного за подготовку и проведение выборов всех уровней на территории России, фиксирует рост противоправных посягательств в сфере избирательных прав граждан, в основном с *IP*-адресов недружественных государств. Всего в 2024 г. Центризбиркомом было зафиксировано более 24 млн потенциально вредоносных запросов на ресурсы дистанционного электронного голосования [29], а в ходе выборов в Единый день голосования – 2025 было совершено около 290 тыс. хакерских атак на портал ЦИК РФ [30].

В то же время следует отметить, что в правоприменительной практике различных органов, связанных с формированием и работой с информационными ресурсами как за рубежом, так и на территории России, применяются средства и приемы противодействия потенциальным угрозам в киберсфере. Эти действия регламентируются нормами административного законодательства, а причиняемый при их устранении вред – административно-деликтным законодательством.

Например, при мощной кибератаке (*DDoS*-атаке) на крупного интернет-провайдера, когда под угрозой оказывается работа его серверов или потеря персональных данных пользователей, а иногда и невозможность проведения торгов или отправки заявки на участие в них (в случае с электронными площадками), его служба информационной безопасности принимает решение о временном отключении всего внешнего трафика и установлении фильтрации доступа для всех пользователей.

Таким образом, совершаются действия, формально подпадающие под состав таких административных деликтов (правонарушений), как нарушение оказания услуг связи (ст. 13.42 КоАП РФ) или неправомерное ограничение доступа к информации (ч. 2 ст. 13.27 КоАП РФ), нарушение операторами электронных площадок требований по обеспечению непрерывности проведения закупок в электронной форме, надежности функционирования программно-аппаратных средств, равного доступа участников к участию в электронных торгах и неизменности подписанных усиленной квалифицированной электронной подписью документов (ч. 2 ст. 7.30.6 КоАП РФ). Следовательно, отключение трафика является единственно возможным способом своевременного пресечения кибератаки и утраты данных клиентов, т.е. ограничение доступа к интернет-услугам обеспечивает безопасность информационных ресурсов и минимизирует ущерб для пользователей. Однако подобные действия со стороны оператора электронной площадки, сопряженные с переносом аукциона и уведомлением всех его участников, требуют от последнего истребования специального разрешения у контрольно-надзорных органов на проведение подобных действий и во всех случаях трактуются ими в качестве основания для привлечения к административной ответственности оператора электронной площадки [31; 32]. Необходимо отметить, что судебная практика, связанная с ситуациями, когда суды встают на сторону оператора электронной площадки или участника электронных торгов в связи с *DDoS*-атаками, крайне незначительна [33].

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, можно констатировать, что в результате рискованных действий сотрудников службы информационной безопасности, преследующих общественно значимые цели, наличие института «обоснованного риска» в российском административно-деликтном законодательстве исключало бы их привлечение к административной ответственности.

Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости имплементации в КоАП РФ института «обоснованного риска», содержащегося в административно-деликтном законодательстве ряда государств СНГ, как еще одного обстоятельства, освобождающего правоприменителя от административного наказания ввиду направленности его поведения на достижение общественно значимого блага и закрепления сформировавшейся правоприменительной практики.

Пристатейный библиографический список

1. *Наумов А. В.* Российское уголовное право. Общая часть : курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2017.
2. *Бабурин В. В.* Квалификация уголовно-правового риска : монография. М. : Илекса, 2006.
3. *Попов А. Н.* Обстоятельства, исключающие преступность деяния. СПб., 1998.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
5. *Рарог А. И., Понятовская Т. Г.* Медицинский риск в уголовном праве // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 3.
6. МВД: 433 млн рублей ежедневно уходит хакерам // SecurityLab.ru : сайт. URL: <https://www.securitylab.ru/news/551833.php> (дата обращения: 02.08.2025).
7. В МВД оценили ущерб от IT-преступлений // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20250618/it-prestupleniya-2023640268.html> (дата обращения: 02.08.2025).
8. Кибермошенничество: портрет пострадавшего // Банк России : сайт. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (дата обращения: 02.08.2025).
9. *Катаева В., Поляков Д.* Россия – одна из стран с очень высоким уровнем киберугроз // Если быть точным : сайт. URL: <https://tochno.st/materials/rossiia-odna-iz-stran-s-ocen-vysokim-urovнем-kiberugroz-no-do-policii-doxodit-mense-pолоvinу-prestuplenii-i-tolko-cetvert-iz-nix-raskryvaiut> (дата обращения: 02.08.2025).
10. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
11. Указ Президента РФ от 16 августа 2004 г. № 1085 «Вопросы Федеральной службы по техническому и экспортному контролю» // СЗ РФ. 2004. № 34. Ст. 3541.
12. Приказ ФСТЭК от 11 апреля 2025 г. № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государс-

твенных унитарных предприятий, государственных учреждений» (п. 61) // СПС «КонсультантПлюс».

13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 19 марта 2024 г. № Ф05-2532/2024 по делу № А40-111179/2023.

14. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 17 марта 2023 г. № Ф04-468/2023 по делу № А75-7483/2022.

15. Постановление ФАС России от 19 февраля 2024 г. по делу № 28/04/7.30-181/2024.

16. URL: <http://www.bdu.fstec.ru/> (дата обращения: 02.08.2025).

17. Приказ ФСТЭК России от 11 апреля 2025 г. № 117 «Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах, иных информационных системах государственных органов, государственных унитарных предприятий, государственных учреждений» // СПС «КонсультантПлюс».

18. Национальная система противодействия DDoS-атакам (НСПА) // Радиоцентр: сайт. URL: <https://www.radio-center.ru/blog/nacionalnaya-sistema-protivodeystviya-ddos-atakam-nspra> (дата обращения: 02.08.2025).

19. По данным Банка России, список кредитных организаций, зарегистрированных и функционирующих на территории Российской Федерации в 2025 году состоит из 1879 компаний банковского сектора // Банк России : сайт. URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/FullCoList/ (дата обращения: 02.08.2025).

20. В соответствии с Базой данных транспортных компаний России на сентябрь 2025 года в ней состояло 36 200 компаний, осуществляющих грузоперевозки // Парсик : сайт. URL: <https://www.parsic.ru/db-transport.html> (дата обращения: 02.08.2025).

21. По данным Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций // Роскомнадзор : сайт. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/connection/register/license/> (дата обращения: 02.08.2025).

22. Ключи от базы: решения для защиты данных есть только у трети компаний // Известия : сайт. URL: <https://iz.ru/1918174/valeriia-mishina/klyuchi-ot-bazi-resheniia-dlia-zashchity-dannykh-est-tolko-u-treti-kompanii> (дата обращения: 02.08.2025).

23. К системе по борьбе с DDoS-атаками на базе ТСПУ подключат 160 субъектов // Kommersant : сайт. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6323505> (дата обращения: 02.08.2025).

24. Гекк Б. В. Борьба с киберпреступностью в РФ: анализ явления и законодательные меры противодействия // Молодой ученый. 2024. № 8 (507).

25. Кодекс Республики Таджикистан об административных правонарушениях от 31 декабря 2008 г. № 455 (ст. 21) // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2008. № 12 (ч. 1). Ст. 990.

26. Кодекс Республики Туркменистан об административных правонарушениях (ст. 36) // Ведомости Меджлиса Туркменистана. 2013. № 3. Ст. 52.

27. Кодекс Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3 (ст. 3.4) // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2021. № 2/2811.

28. Кодекс Республики Молдова о правонарушениях от 24 октября 2008 г. № 218-XVI (ст. 24) // Официальный монитор Республики Молдова. 2009. № 3-6. Ст. 15.
29. Интернет-ресурсы ЦИК за год подверглись 24 млн вредоносных запросов из-за рубежа // Ведомости : сайт. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/04/02/1101975-internet-resursi-tsik-podverglis> (дата обращения: 02.08.2025).
30. Памфилова заявила о 290 тысячах атак на ресурсы ЦИК // РИА Новости : сайт. URL: <https://ria.ru/20250914/pamfilova-2041796814.html> (дата обращения: 02.08.2025).
31. Решение ФАС России от 15 ноября 2017 г. по делу № К-1579/17 // СПС «КонсультантПлюс».
32. Решение ФАС России от 13 октября 2017 г. по делу № К-1339/17 // СПС «КонсультантПлюс».
33. Решение Административного суда Ростовской области от 28 апреля 2023 г. по делу № А53-30836/2022 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CEDqGMher0Zr/> (дата обращения: 02.08.2025).

References

1. *Naumov A. V. Russian Criminal Law. General Part: Lecture Course*. 6th ed. Moscow: Prospekt, 2017. (In Russ.)
2. *Baburin V. V. Qualification of Criminal-Legal Risk: Monograph*. Moscow: Ilekxa, 2006. (In Russ.)
3. *Popov A. N. Circumstances Excluding the Criminality of an Act*. St. Petersburg, 1998. (In Russ.)
4. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
5. *Rarog A. I., Poniatovskaia T. G. Medical Risk in Criminal Law. All-Russian Criminological Journal*, 2021, vol. 15, no. 3. (In Russ.)
6. Ministry of Internal Affairs: 433 Million Rubles Go to Hackers Daily. URL: <https://www.securitylab.ru/news/551833.php> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)
7. The Ministry of Internal Affairs Assessed the Damage from IT Crimes. URL: <https://ria.ru/20250618/it-prestupleniya-2023640268.html> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)
8. Cyberfraud: Portrait of the Victim. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)
9. *Kataeva V., Poliakov D. Russia Is One of the Countries with a Very High Level of Cyber Threats*. URL: <https://tochno.st/materials/rossiia-odna-iz-stran-s-ocen-vysokim-urovnem-kiberugroz-no-do-policii-doxodit-mense-poloviny-prescriplenii-i-tolko-cetvert-iz-nix-raskryvaiut> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)
10. Federal Law of July 26, 2017 No. 187-FZ "On the Security of Critical Information Infrastructure of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
11. Decree of the President of the Russian Federation of August 16, 2004 No. 1085 "Questions of the Federal Service for Technical and Export Control". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2004, no. 34, art. 3541. (In Russ.)

12. Order of the FSTEC of April 11, 2025 No. 117 "On Approval of the Requirements for the Protection of Information Contained in State Information Systems, Other Information Systems of State Bodies, State Unitary Enterprises, and State Institutions" (clause 61) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District of March 19, 2024 No. F05-2532/2024 in Case No. A40-111179/2023. (In Russ.)

14. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District of March 17, 2023 No. F04-468/2023 in Case No. A75-7483/2022. (In Russ.)

15. Resolution of the FAS Russia of February 19, 2024 in Case No. 28/04/7.30-181/2024. (In Russ.)

16. URL: <http://www.bdu.fstec.ru/> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

17. Order of the FSTEC of Russia of April 11, 2025 No. 117 "On Approval of the Requirements for the Protection of Information Contained in State Information Systems, Other Information Systems of State Bodies, State Unitary Enterprises, and State Institutions" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

18. National System for Combating DDoS Attacks (NSPA). URL: <https://www.radio-center.ru/blog/nacionalnaya-sistema-protivodeystviya-ddos-atakam-nspace> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

19. According to the Bank of Russia, the List of Credit Institutions Registered and Operating in the Russian Federation in 2025 Consists of 1,879 Companies in the Banking Sector. URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/FullCoList/ (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

20. According to the Database of Transport Companies of Russia, as of September 2025, It Included 36,200 Companies Engaged in Cargo Transportation. URL: <https://www.parsic.ru/db-transport.html> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

21. According to the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media. URL: <https://rkn.gov.ru/activity/connection/register/license/> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

22. Keys to the Database: Only a Third of Companies Have Data Protection Solutions. URL: <https://iz.ru/1918174/valeriia-mishina/klychi-ot-bazi-resheniia-dlia-zashchity-dannykh-est-tolko-u-treti-kompanii> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

23. 160 Entities Will Be Connected to the DDoS Attack Prevention System Based on the TSPU. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6323505> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

24. Gekk B. V. The Fight Against Cybercrime in the Russian Federation: Analysis of the Phenomenon and Legislative Countermeasures. *Young Scientist*, 2024, no. 8 (507). (In Russ.)

25. Code of the Republic of Tajikistan on Administrative Offenses of December 31, 2008 No. 455 (Article 21). *Akhbori Majlisi Oli of the Republic of Tajikistan*, 2008, no. 12 (part 1), art. 990. (In Russ.)

26. Code of the Republic of Turkmenistan on Administrative Offenses (Article 36). *Bulletin of the Mejlis of Turkmenistan*, 2013, no. 3, art. 52. (In Russ.)

27. Code of the Republic of Belarus on Administrative Offenses of January 6, 2021 No. 91-3 (Article 3.4). *National Legal Internet Portal of the Republic of Belarus*, 2021, no. 2/2811. (In Russ.)

28. Code of the Republic of Moldova on Offenses of October 24, 2008 No. 218-XVI (Article 24). *Official Monitor of the Republic of Moldova*, 2009, no. 3-6, art. 15. (In Russ.)

29. The Central Election Commission's Internet Resources Were Subject to 24 Million Malicious Requests from Abroad in a Year. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2025/04/02/1101975-internet-resursi-tsik-podverglis> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

30. Pamfilova Reported 290 Thousand Attacks on the Central Election Commission's Resources. URL: <https://ria.ru/20250914/pamfilova-2041796814.html> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

31. Decision of the FAS Russia of November 15, 2017 in Case No. K-1579/17 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

32. Decision of the FAS Russia of October 13, 2017 in Case No. K-1339/17 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

33. Decision of the Administrative Court of the Rostov Region of April 28, 2023 in Case No. A53-30836/2022. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/CEDqGMher0Zr/> (date of the application: 02.08.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

А. Н. Кокорев – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the author:

A. N. Kokorev – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 03.09.2025; одобрена после рецензирования 03.11.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 03.09.2025; approved after reviewing 03.11.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 342.7

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-56-63>

ЭКСПЕРИМЕНТ ПО АПРОБАЦИИ НОВЫХ ПРАВИЛ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДАНАМИ ТРУДОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Юлия Александровна Лютаревич-Гефтер

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

gefter.84@list.ru

Аннотация

Существующие механизмы правового регулирования привлечения в РФ иностранной рабочей силы требуют совершенствования. Перед нашей страной стоят задачи по обеспечению приоритетного трудоустройства россиян и отбору тех иностранных специалистов, которые обладают необходимой квалификацией. В этой связи МВД России предложило провести эксперимент по апробации реестровой модели привлечения в РФ иностранных работников. Цель настоящей статьи заключается в изучении проектируемого правового регулирования, выявлении возможных коллизий в случае его внедрения и предложении дополнительных мер по совершенствованию правового регулирования привлечения иностранных граждан. Исследование проводилось на основе методов формально-юридического анализа, сравнительного анализа и синтеза, а также иных общенаучных методов познания. Научная новизна настоящей работы заключается в формулировании выводов о возможном влиянии предлагаемых новелл на правовую систему РФ и внесении предложений по совершенствованию нормативной правовой базы.

Ключевые слова: иностранный гражданин; допуск к работе; организованный набор; трудовая деятельность; реестровая модель.

Для цитирования: Лютаревич-Гефтер Ю. А. Эксперимент по апробации новых правил осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 56–63. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-56-63>

Research Article

EXPERIMENT ON TESTING NEW RULES FOR FOREIGN CITIZENS TO CARRY OUT LABOR ACTIVITIES

Yulia A. Lyutarevich-Gefter

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia
gefter.84@list.ru

Abstract

The existing mechanisms of legal regulation of the attraction of foreign labor to the Russian Federation require improvement. Our country faces the challenges of ensuring the priority employment of Russian citizens and selecting those foreign specialists who possess the necessary qualifications. In this regard, the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation has proposed conducting an experiment to test the registry model of attracting foreign workers to the Russian Federation. The purpose of this article is to study the proposed legal regulation, identify possible conflicts in case of its implementation, and propose additional measures to improve the legal regulation of attracting foreign citizens. The study was conducted using methods of formal legal analysis, comparative analysis and synthesis, as well as other general scientific methods of cognition. The scientific novelty of this work lies in formulating conclusions about the possible impact of the proposed novelties on the legal system of the Russian Federation and making suggestions for improving the regulatory framework.

Keywords: foreign citizen; work permit; organized recruitment; employment; registry model.

For citation: *Lyutarevich-Gefter Yu. A. Experiment on Testing New Rules for Foreign Citizens to Carry Out Labor Activities. Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 56–63. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-56-63>

Введение

Наличие серьезных проблем, связанных с правовым регулированием привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности в Российской Федерации (далее – РФ), не вызывает сомнений. В нашей стране трудится значительное количество мигрантов из зарубежных стран. По данным Росстата, на конец 2024 г. в РФ находилось 139,5 тыс. иностранных граждан, имеющих действующее разрешение на работу. В силу п. 4 ст. 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-

ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон № 115-ФЗ) на основании разрешения на работу трудятся иностранные граждане, которым для въезда в РФ требуется получение визы. В тот же период в РФ находилось 2049,4 тыс. иностранных граждан, прибывших в РФ в безвизовом порядке и имеющих действующий патент в качестве основания для осуществления трудовой деятельности [1]. При этом лицам, перечисленным в подп. 1–14 п. 4 ст. 13 Закона № 115-ФЗ, равно как и гражданам Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Республики Армения, исходя из ст. 97 Договора о Евразийском экономическом союзе (далее – ЕАЭС), какие-либо разрешительные документы для работы в РФ не требуются вовсе. А значит, в нашей стране фактически находится еще большее количество трудовых мигрантов. Несмотря на значительное количество иностранных работников, работодатели по-прежнему испытывают дефицит квалифицированных кадров. Следует отметить, что на конец 2024 г. в РФ находилось лишь 66 264 иностранных гражданина, имевших статус высококвалифицированного иностранного специалиста [1]. Данное значение ничтожно мало по сравнению с общим количеством трудовых мигрантов из зарубежных стран. Кроме того, иностранные граждане, прибывающие в РФ в безвизовом порядке, самостоятельно и бесконтрольно выбирают для трудоустройства наиболее привлекательные в экономическом и климатологическом аспектах субъекты РФ. Реальные потребности национального рынка труда при этом остаются без внимания. Также общеизвестен факт использования иностранных граждан как дешевой рабочей силы, вследствие чего происходит демпинг заработной платы, что является нарушением закрепленного в ст. 2 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) принципа справедливой оплаты труда. Причем нарушение указанного принципа ухудшает условия труда, в том числе и российских граждан.

В целях решения указанных проблем МВД России подготовило законопроект, предусматривающий проведение в период с 1 января 2027 г. по 31 декабря 2029 г. эксперимента по апробации правил и условий осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности в порядке организованного набора [2] (далее – Законопроект). При проведении эксперимента предполагается применение реестровой модели предоставления работодателям (заказчикам работ или услуг) права на привлечение и использование иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности в РФ. Таким образом, согласно проектируемому правовому регулированию право на осуществление в РФ трудовой деятельности должно подтверждаться включением сведений о лице соответственно в реестр работодателей или реестр иностранных работников.

Учитывая значимость и высокую степень регулирующего воздействия проектируемого правового регулирования, представляется необходимым, на основе методов формально-юридического анализа, сравнительного анализа и синтеза, выявить возможное влияние предлагаемых новелл на правовое регулирование в рассматриваемой сфере и предложить дополнительные меры совершенствования законодательной базы.

1. Реестровая модель привлечения иностранных граждан: суть эксперимента

Законопроект предусматривает проведение Правительством РФ в период с 1 января 2027 г. по 31 декабря 2029 г. эксперимента по апробации правил и условий осуществления иностранными гражданами трудовой деятельности в РФ в порядке организованного набора. Действие эксперимента не затронет Москву и Московскую область. В период действия эксперимента на территориях его проведения применение иных форм привлечения и использования труда иностранных граждан не допускается.

Под организованным набором предлагается понимать комплекс мероприятий по целевому организованному привлечению и использованию работодателями и заказчиками работ иностранных граждан для осуществления трудовой деятельности в РФ, включающий подбор, отбор иностранных граждан и их трудоустройство. Оператором организованного набора должно стать федеральное государственное унитарное предприятие, находящееся в ведении МВД России.

Эксперимент предлагается распространить на все категории временно пребывающих и работающих в РФ иностранных граждан, кроме лиц, указанных в подп. 2–14 п. 4 ст. 13 Закона № 115-ФЗ. Работодатели и заказчики работ, а также иностранные граждане будут подлежать включению в реестр, соответственно реестр работодателей или реестр иностранных работников. Срок действия учетной записи в таком реестре будет составлять не более одного года, но может неоднократно продлеваться или же сокращаться. Срок временного пребывания в РФ иностранного гражданина – участника эксперимента, а также членов его семьи может быть сокращен в случае отсутствия факта уплаты налога на доходы физических лиц в виде фиксированного авансового платежа в порядке, установленном ст. 227.1 Налогового кодекса РФ, за каждый полный или неполный месяц осуществления такой деятельности в календарном году.

При этом предполагается, что для иностранных граждан срок действия учетной записи будет обусловлен сроком действия трудового или гражданско-правового договора. В этой связи следует отметить, что согласно ч. 5 ст. 327.1 ТК РФ с иностранными гражданами по общему правилу заключаются трудовые договоры на неопределенный срок. Срочный трудовой договор может быть заключен лишь при наличии общих оснований, предусмотренных в ст. 59 ТК РФ. Таким образом, для целей трудового законодательства факт иностранного гражданства работника и временный характер его нахождения на территории РФ не являются основанием для заключения срочного трудового договора. Учитывая изложенное, действие учетной записи иностранных работников, трудовые договоры которых действуют на неопределенный срок, предположительно должно продлеваться на один год.

Кроме того, Законопроект предусматривает, что иностранный гражданин не вправе до истечения срока действия трудового или гражданско-правового договора на выполнение работ (оказание услуг) осуществлять трудовую деятельность вне пределов субъекта РФ, указанного в реестре иностранных работников, по профессии (специальности, должности, виду трудовой деятельности), не указанной в реестре иностранных работников, у иного работодателя, заказчика работ (услуг), если иное не установлено международными договорами РФ. Невыполне-

ние указанного требования влечет исключение данного иностранного гражданина из реестра иностранных работников. В этом случае повторно подать заявление о включении в реестр иностранных работников иностранный гражданин сможет не ранее чем через один год со дня принятия решения об исключении.

В этой связи необходимо обратить внимание на ст. 327.4 ТК РФ, предусматривающую возможность временного перевода работника, являющегося иностранным гражданином или лицом без гражданства, на срок до одного месяца на не обусловленную трудовым договором работу у того же работодателя. Такой перевод возможен без учета профессии (специальности, должности, вида трудовой деятельности), указанной в разрешении на работу или патенте, на основании которых такой работник осуществляет трудовую деятельность, и не более чем один раз в течение календарного года. Таким образом, требования Законопроекта, фактически запрещающие перевод иностранных граждан на другую работу, противоречат вышеуказанному положению ТК РФ и нуждаются в корректировке.

Иностранцам, включенным в реестр иностранных работников, планируется выдавать *ID*-карту с нанесенным на нее *QR*-кодом, содержащим персональные данные соответствующего иностранного гражданина.

Работодатель, заказчик работ (услуг), заключивший трудовой договор или гражданско-правовой договор на выполнение работ (оказание услуг) с иностранным гражданином, в случае утраты контакта с ним, выразившейся в невозможности в течение более трех рабочих дней установить его местонахождение или связаться с ним, обязан будет в течение трех календарных дней проинформировать оператора организованного набора об утрате контакта с данным иностранным гражданином. В этой ситуации сведения о данном иностранном гражданине будут вноситься в реестр контролируемых лиц, и будет приниматься решение об исключении иностранного гражданина из реестра иностранных работников. При наличии документально подтвержденных уважительных причин утраты контакта с иностранным гражданином он впоследствии может быть исключен из реестра контролируемых лиц и вновь включен в реестр иностранных работников.

Уважительными причинами утраты контакта с иностранным гражданином могут являться обстоятельства, относящиеся к личности иностранного гражданина, такие как тяжелая болезнь, оказание медицинской помощи в экстренной форме, беспомощное состояние, а также обстоятельства, объективно препятствовавшие работодателю, заказчику работ (услуг) поддерживать контакт с иностранным гражданином, с которым у него заключен трудовой договор или гражданско-правовой договор.

Работодатели, уже использующие труд иностранных граждан на день вступления Законопроекта в силу, и трудовые мигранты обязаны будут выполнить требование о включении их соответственно в реестр работодателей или реестр иностранных работников. В противном случае иностранные граждане обязаны будут покинуть РФ при отсутствии иных оснований временного пребывания в нашей стране, а работодатели будут лишены права привлекать иностранных граждан к трудовой деятельности на два года.

2. Возможные проблемы правового регулирования

Согласно п. 2 ст. 97 Договора о ЕАЭС государства-члены не устанавливают и не применяют ограничения, установленные их законодательством в целях защиты национального рынка труда, за исключением ограничений, установленных настоящим Договором и законодательством государств-членов в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка, в отношении осуществляемой трудящимися государств-членов трудовой деятельности, рода занятий и территории пребывания.

При этом решением Высшего Евразийского экономического совета от 23 декабря 2014 г. № 112 «Об утверждении индивидуальных национальных перечней ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках Евразийского экономического союза для Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации» утверждены индивидуальные национальные перечни ограничений, изъятий, дополнительных требований и условий в рамках ЕАЭС (далее – Перечень). Как ранее отмечалось автором, «в соответствии с Перечнем для РФ иностранные граждане не вправе быть учредителями средств массовой информации, командирами экипажей пилотируемых космических объектов, нотариусами, их стажерами и помощниками, арбитражными управляющими, патентными поверенными, частными детективами и охранниками, а также проводить археологические полевые работы. Сравнительный анализ национального законодательства и Перечня позволяет сделать вывод о том, что отечественные законы запрещают для иностранных граждан намного больше видов деятельности, чем предусмотрено Перечнем» [3, с. 93–97]. По справедливому замечанию А. Г. Меликсетян, необходимо единообразное толкование терминов «национальная безопасность», «общественный порядок», «отрасли экономики, имеющие стратегическое значение» в государствах – членах ЕАЭС [4, с. 17]. Более того, Законопроект предусматривает обязательное включение трудовых мигрантов из государств – членов ЕАЭС в реестр иностранных работников. С данной категории иностранных граждан, в отличие от иных, планируют не взимать государственную пошлину за включение в реестр иностранных работников, но государственная пошлина за выдачу *ID*-карты сохраняется.

Таким образом, в случае вступления Законопроекта в силу возможна активизация споров в рамках ЕАЭС о наличии коллизий между национальными законодательствами и нормами международных договоров по всему спектру правового регулирования социально-трудовых отношений.

Разногласия уже существуют в настоящее время. В частности, по мнению представителей Киргизии, Россия нарушает ст. 96 и 97 Договора о ЕАЭС, отказывая в оформлении полисов обязательного медицинского страхования членам семей трудящихся-мигрантов, находящимся, но не работающим в РФ [5]. Как уже было указано, предложенные в Законопроекте достаточно радикальные меры могут повлечь усиление споров по вопросам толкования и применения норм Договора о ЕАЭС и национального законодательства.

Согласно п. 2 ст. 97 Договора о ЕАЭС государства-члены вправе сохранить ограничения на осуществление трудовой деятельности, если это необходимо в целях обеспечения национальной безопасности (в том числе в отраслях экономики, имеющих стратегическое значение) и общественного порядка.

В более ранних работах автор уже отмечал наличие дискуссии. Так, И. В. Войтковская указывает, что «для устранения трудового неравенства граждане государств-членов [ЕАЭС. – *Прим. авт.*] должны иметь доступ к тем профессиям, для которых предусмотрено требование о гражданстве трудоустройства, за исключением тех, которые связаны с государственной тайной или безопасностью государства» [6, с. 135].

Принятие рассматриваемого Законопроекта способно повлечь активизацию споров между РФ и другими государствами – членами ЕАЭС по вопросам допуска мигрантов к трудовой деятельности и условиям ее осуществления в нашей стране. Автору настоящей статьи представляется необходимым внедрение правового механизма по размещению всех вакансий на платформе «Работа в России», прежде чем они могли бы быть заняты иностранными гражданами. В этой связи создание реестров работодателей и иностранных работников представляется позитивным, но недостаточным шагом в деле упорядочения правового регулирования привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности в РФ.

Заключение

Создание реестровой модели привлечения иностранных граждан к трудовой деятельности в РФ следует оценивать как позитивный шаг, направленный на совершенствование правового регулирования труда иностранных граждан. Вместе с тем необходимо согласование проектируемого правового регулирования с положениями ТК РФ, а также достижение консенсуса по вопросам правопонимания в рамках ЕАЭС.

Кроме того, предлагаемый механизм, по-видимому, не позволит исчерпывающе обеспечить приоритетное трудоустройство граждан РФ и привлечение требуемых нашей стране квалифицированных иностранных специалистов. В этой связи дополнительно предлагается внедрение правового механизма по размещению всех вакансий на платформе «Работа в России», прежде чем они могли бы быть заняты иностранными гражданами.

Пристатейный библиографический список

1. Труд и занятость 2025 // Федеральная служба государственной статистики : сайт. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/Trud_2025.pdf (дата обращения: 20.02.2026).
2. Проект федерального закона № 163842 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Regulation.gov : сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/163842/> (дата обращения: 20.02.2026).
3. *Лютаревич-Гефтер Ю. А.* Трансформация принципа свободы труда в отношениях с участием иностранных граждан в Российской Федерации // Законы России: опыт, анализ, практика. 2023. № 11.

4. Меликсетян А. Г. Международно-правовой режим общего рынка трудовых ресурсов ЕАЭС и иных интеграционных объединений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.

5. Вишневская Е. «Запрос на толкование». Киргизия подала иск в суд ЕАЭС из-за полисов мигрантов в России // Газета.Ru : сайт. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2026/01/28/22409731.shtml?utm_auth=false (дата обращения: 20.02.2026).

6. Войтковская И. В. Проблемы трудового неравенства в Евразийском экономическом союзе // Российский юридический журнал. 2019. № 6.

References

1. Labor and Employment 2025. URL: https://www.rosstat.gov.ru/storage/media/bank/Trud_2025.pdf (date of the application: 20.02.2026). (In Russ.)

2. Draft Federal Law No. 163842 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". URL: <https://regulation.gov.ru/projects/163842/> (date of the application: 20.02.2026). (In Russ.)

3. Lyutarevich-Gefter Yu. A. Transformation of the Principle of Freedom of Labor in Relations Involving Foreign Citizens in the Russian Federation. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*, 2023, no. 11. (In Russ.)

4. Meliksetian A. G. International Legal Regime of the Common Labor Market of the EAEU and Other Integration Associations: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2024. (In Russ.)

5. Vishnevskaya E. "Request for interpretation". Kyrgyzstan Filed a Lawsuit in the EAEU Court over Migrant Insurance Policies in Russia. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2026/01/28/22409731.shtml?utm_auth=false (date of the application: 20.02.2026). (In Russ.)

6. Voitkovskaya I. V. Problems of Labor Inequality in the Eurasian Economic Union. *Russian Law Journal*, 2019, no. 6. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. А. Люtareвич-Гэфтер – кандидат юридических наук.

Information about the author:

Yu. A. Lyutarevich-Gefter – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 24.02.2026; одобрена после рецензирования 17.03.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 24.02.2026; approved after reviewing 17.03.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 346

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-64-76>

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Александр Анатольевич Мохов¹

Екатерина Васильевна Кирсанова²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ med-farm-law@mail.ru

² rpamucni@gmail.com

Аннотация

В статье анализируется законодательство, направленное на развитие отдельных территорий и регионов. Критическому анализу подвергаются цели и задачи национального законодательства (об особых экономических зонах, территориях опережающего развития и др.). Акцентируется внимание на решении, наряду с экономическими задачами, комплекса социальных и этнокультурных задач: обеспечения демографической и ментальной безопасности, занятости населения, сохранения традиций, духовно-нравственных ценностей. Поднимается проблема развития биоэкономики, а также биоэкопоселений. Формулируется вывод о необходимости формирования полноценного корпуса норм, обеспечивающих внедрение биотехнологий в экономику страны. Цель работы: анализ и разработка предложений по совершенствованию правового регулирования отношений, связанных с пространственным развитием страны, обеспечением отдельных видов безопасности. Методы исследования: общенаучные (анализ и синтез, обобщение, диалектический) и специальные научные методы (формально-юридический метод, метод юридико-технического анализа, моделирование). Результаты исследования: формулируется вывод о том, что отечественное законодательство о пространственном развитии в недостаточной мере способствует решению задач по обеспечению отдельных видов безопасности. Предлагаются изменения и дополнения в федеральное законодательство.

Ключевые слова: пространственное развитие России; экономические зоны; территории опережающего развития; демография; занятость; традиционные ценности; совершенствование экономического законодательства; Экономический кодекс; Закон о пространственном развитии.

Для цитирования: Мохов А. А., Кирсанова Е. В. Законодательство о пространственном развитии России: проблемы и перспективы // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 64–76. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-64-76>

Research Article

LEGISLATION ON THE SPATIAL DEVELOPMENT OF RUSSIA: PROBLEMS AND PROSPECTS

Alexander A. Mokhov¹

Ekaterina V. Kirsanova²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

¹ med-farm-law@mail.ru

² rpamucni@gmail.com

Abstract

The article analyzes legislation aimed at the development of individual territories and regions. The goals and objectives of national legislation (on special economic zones, territories of advanced development, etc.) are subjected to critical analysis. Attention is focused on solving a complex of social and ethno-cultural tasks, along with economic tasks: ensuring demographic and mental security, employment of the population, preservation of traditions, and spiritual and moral values. The problem of the development of bio-economics and bio-ecological settlements is raised. The conclusion is formulated about the need to form a full-fledged set of regulations that ensure the introduction of biotechnology into the country's economy. Research methods: general scientific (analysis and synthesis, generalization, dialectical) and special scientific methods (formal legal method, method of legal and technical analysis, modeling. Research results: it is concluded that the domestic legislation on spatial development does not sufficiently contribute to solving the problems of ensuring certain types of security. It is proposed to develop and adopt the Federal Law "On Spatial Development of the Russian Federation".

Keywords: Russia's spatial development; economic zones; priority development areas; demographics; employment; traditional values; improvement of economic legislation; Economic Code; Law on Spatial Development.

For citation: Mokhov A. A., Kirsanova E. V. Legislation on the Spatial Development of Russia: Problems and Prospects. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 64–76. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-64-76>

Введение

К вопросам пространственного развития исполнительная власть, а также законодатель периодически обращаются. Согласно ч. 1 ст. 20 Федерального закона от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» [1] Стратегия пространственного развития разрабатывается в соответствии с основами государственной политики регионального развития в целях реализации основных положений стратегии социально-экономического развития и стратегии национальной безопасности государства. В ней закреплены приоритеты, цели и задачи регионального развития и меры по их достижению.

В настоящее время распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р утверждена Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года [2]. Она пришла на смену утратившей силу Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года, утв. распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р [3].

В действующей Стратегии, на наш взгляд, верно фиксируются цель и задачи пространственного развития, а также определены отдельные угрозы и риски для национальной безопасности исходя из существующих проблем пространственного развития страны. В документе уделяется внимание как «старым», так и «новым» субъектам РФ. Однако достаточно слабо, на наш взгляд, прописаны конкретные механизмы реализации Стратегии. В документе содержится общее указание на комплексное применение известных механизмов: государственные программы, национальные проекты, индивидуальные программы развития субъектов РФ, инфраструктурные бюджетные кредиты.

В части развития законодательства о пространственном развитии Стратегия указывает лишь на закрепление на уровне государства и субъектов РФ механизмов реализации национальных проектов, государственных программ и прочих инструментов инфраструктурного развития. Следовательно, предполагается опираться на уже известные специальные правовые режимы, закрепленные в ряде федеральных законов и в той или иной мере апробированные на практике.

В связи с изложенным представляется необходимым дать краткую характеристику действующему законодательству, указать на его основные проблемы, позволяющие или не позволяющие реализовать данную Стратегию. Дело в том, что в самом документе, наряду с целевым, также указан инерционный сценарий пространственного развития, предполагающий сохранение сложившихся тенденций

пространственного развития, включая систему расселения и территориальную организацию экономики.

Национальное законодательство о пространственном развитии и его основные проблемы

В свое время большие надежды возлагались на особые (специальные) экономические зоны. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» [4] под такой зоной понимает часть территории страны, на которой действует особый или специальный режим осуществления предпринимательской деятельности, имеется ряд налоговых, таможенных и иных преференций для хозяйствующих субъектов – резидентов этой зоны. Важно отметить, что Закон закрепил закрытый перечень типов особых экономических зон, создаваемых в порядке, им определенном. К таким типам относятся: промышленно-производственные особые экономические зоны; технико-внедренческие особые экономические зоны; туристско-рекреационные особые экономические зоны; портовые особые экономические зоны.

В России имеются и иные особые (специальные) экономические зоны, созданные в соответствии с отдельными федеральными законами. Например, Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» [5] урегулировал отношения, возникающие в связи с созданием, функционированием и прекращением функционирования особой экономической зоны в Калининградской области. В ней действует специальный правовой режим осуществления хозяйственной, производственной, инвестиционной и иной деятельности.

Федеральным законом от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» [6] была создана свободная экономическая зона на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

Правовой режим включает в себя особенности правового регулирования отношений в сферах привлечения к трудовой деятельности иностранных граждан, деятельность в области морского транспорта, а также регулирования въезда в Республику Крым, г. Севастополь и выезда из них.

В настоящих условиях территория с особым (специальным) режимом осуществления предпринимательской деятельности – это часть территории РФ, которая определяется в специальном порядке федеральным законом, указом Президента РФ, постановлением Правительства РФ, законом субъекта РФ, на которой в зависимости от цели создания устанавливается особый (специальный) порядок регулирования предпринимательской и иной экономической деятельности, а ее публичная организация закрепляется за специальным субъектом права (как правило, специально созданной компанией) [7, с. 11].

Создано их довольно много, задачи некоторых дублируются. Однако, несмотря на востребованность особых (специальных) экономических зон бизнесом (зару-

бежным, крупным), их экономическая эффективность оставляет желать лучшего. По данным Счетной палаты РФ, достаточно успешными являются только 16% от общего числа созданных зон. Среди причин эксперты указывают недостаточность мер поддержки, отсутствие единой концепции их развития и др. [8, с. 173; 9, с. 204].

Вне зависимости от оценок особых (специальных) экономических зон, одной из общих и основных их проблем является фактически полное игнорирование неэкономических аспектов развития конкретной территории. В особенности первые особые или специальные экономические зоны были ориентированы исключительно на максимизацию прибыли (от добычи и вывоза ресурсов с территории, налоговых и таможенных льгот, а также более слабого контроля (надзора) за соблюдением национального законодательства).

Развитие социальной инфраструктуры если и происходило, то точечно, преимущественно под решение краткосрочных задач. Вопрос о закреплении трудовых ресурсов на этих территориях, не говоря уже о расширенном воспроизводстве населения, не ставился. Схема завоза работников «за большим рублем» возникла еще в Советском Союзе, в дальнейшем она была отработана на отечественных трудовых ресурсах, позднее – на трудовых мигрантах.

Согласно Федеральному закону от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» [10] начали создавать территории опережающего развития. Под такими территориями законодатель понимает обособленные территории, на которых в соответствии с решением Правительства РФ установлен особый правовой режим осуществления предпринимательской и иной деятельности в целях формирования благоприятных условий для привлечения инвестиций, обеспечения ускоренного социально-экономического развития и создания комфортных условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

Территории опережающего развития стали седьмым по счету (наряду с разными видами экономических и иных зон) относительно обособленным пространством ведения экономической деятельности со специальным (особым) правовым режимом, на которой государство стремится создать благоприятный климат для ведения предпринимательской деятельности [11, с. 5].

Принципиально значимым является указание в законодательном понятии территории не только на развитие экономики (она при определенных условиях может активно функционировать преимущественно на привозных трудовых ресурсах), но и на создание условий для обеспечения жизнедеятельности населения.

Законом, в частности, прямо указано на осуществление строительства и реконструкцию объектов инфраструктуры территории опережающего развития. Однако, делая серьезную заявку на решение задачи по пространственному развитию, законодатель в очередной раз упускает из виду население территории, ограничиваясь точечными мерами.

Публично-правовые и частноправовые средства единого механизма пространственного развития той или иной территории должны способствовать, обеспечивать решение следующих взаимосвязанных задач: закрепление на территории постоянного населения (коренного, а также прибывшего на нее (преимущественно за

счет внутренней миграции)), прирост местного населения (территориальная, региональная демографическая безопасность), наличие постоянной занятости (доступные и привлекательные рабочие места).

Кроме того, территория должна быть достаточно привлекательной по природно-климатическим, рекреационным, экологическим и иным параметрам, что предполагает развитие экономики, а также природопользования изначально на основе новейших биологических, технических и иных технологий (например, развитие биоэкопоселений). Отсюда в специальной литературе все чаще пишут о сквозных, в том числе биотехнологиях, природоподобных и иных технологиях, позволяющих развивать территории без серьезного ущерба не только для нынешнего, но и для будущих поколений наших граждан. Следовательно, поселения нового типа должны сочетать в себе, с одной стороны, новации, с другой – проверенные временем и поддерживаемые обществом и государством традиции.

Согласно указу Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [12] Россия рассматривает традиционные ценности как основу российского общества, позволяющую защищать и укреплять ее суверенитет, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны, осуществлять сбережение народа и развитие человеческого потенциала. Вопрос идентичности, ментального иммунитета, ментальной безопасности для некоторых стран, в том числе и России, стоит очень остро (политика глобализации, реализуемая странами коллективного Запада, переселение населения и др.).

Традиции исторически формировались, поддерживались и передавались следующим поколениям в первую очередь в сельской местности и малых городах. Следовательно, этот аспект не может не учитываться анализируемой нами Стратегией. Россия, на наш взгляд, – это страна малых городов и других поселений. Крупные города хорошо решают одни задачи (в основном краткосрочные экономические) и не способны в принципе решать другие (в особенности по ряду видов безопасности, включая демографическую и ментальную), либо их решение экономически непосильно.

Россия – самобытная страна, государство-цивилизация [13, с. 214]. В указе Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» [14] идет речь о евразийской и евро-тихоокеанской державе, сплотившей русский народ и другие народы, составляющие культурно-цивилизационную общность Русского мира. Игнорировать этот аспект при решении задач пространственного развития страны также невозможно, поэтому недопустимо слепо копировать чужие практики, в особенности если они не лучшие.

В этой связи также можно обратиться к Федеральному закону от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» [15]. В нем была предпринята одна из нечастых попыток учесть особенности самобытного социально-экономического и культурного развития коренных малочисленных народов, а также защитить их исконную среду обитания, традиционные образ жизни, хозяйственную деятельность и промыслы.

В России имеются и иные территории, развитие которых, на наш взгляд, может и должно осуществляться именно с учетом сложившихся традиций. Так, согласно указу Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» [16] российское казачество – исторически сложившаяся на основе взаимодействия русского народа и других народов России социокультурная общность, сформированная в ходе многовекового служения казаков Российскому государству и обществу. Если мы обратимся к Федеральному закону от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» [17], то он выделяет казачьи общества (хуторское, станичное и др.), но закрепляет только правовую и организационную основы несения казачеством государственной службы. Экономическую основу деятельности казачества он не регулирует, отсюда и его низкая эффективность.

Как известно, казачество, несмотря на «расказачивание» и репрессии столетней давности, сохранило базовые ценности. Однако в силу процессов депопуляции, обусловленных в том числе и экономической нестабильностью, они находятся под угрозой уничтожения. Следует заметить, что социально-экономическое развитие новых территорий также должно учитывать специфику менталитета значительной части местного населения. Дело в том, что частично она совпадает с упраздненной Областью Войска Донского, т.е. населена потомками донского казачества [18; 19, с. 108].

Список территорий, имеющих ту или иную специфику, можно продолжить. Сила России – в многообразии, позволяющем каждому вносить свой посильный вклад как в экономику и культуру, так и в обороноспособность страны и безопасность государства.

Вектор государственной политики должен быть переориентирован с «абстрактных» экономических показателей, непонятных простому народу, обществу, на понятные всем, достаточно простые ориентиры: рост населения страны, улучшение продолжительности и качества здоровой жизни, рост благосостояния граждан. Сегодня и на ближайшие десятилетия для России на первое место выходит вопрос обеспечения демографической безопасности. Без его решения у страны нет будущего, так как без населения, обладающего определенной совокупностью признаков, характеристик, невозможно обеспечить ни социально-экономическое развитие, ни национальную безопасность. Правильность ряда политик (семейной, социальной и др.), в том числе пространственного развития (заселения территорий, приумножения населения), – основа стабильности и безопасности. Стратегические национальные интересы требуют постоянного внимания к демографическим вызовам, угрозам и рискам, эффективному противодействию им [20, с. 12]. Поэтому обоснованно демографические показатели отдельных территорий, регионов и государства в целом предлагается рассматривать в качестве интегрального показателя результативности стратегического планирования [21, с. 126].

В целом анализируемая Стратегия многократно упоминает безопасность, рассматривает ее как одну из целей пространственного развития, но, как и прежняя, не содержит какой-либо конкретики. В самом общем виде в этом контексте упо-

минаются: приграничные территории, Калининградская область. Имеется общее указание на развитие геостратегических территорий. Обеспечение биологической, военной, демографической, продовольственной, экономической, экологической, энергетической и иных видов безопасности требует комплексного и системного подхода к пространственному развитию страны в современных условиях.

Следовательно, необходима разработка современного отправного документа, учитывающего реальные и потенциальные вызовы и угрозы (не только и не столько экономического характера) на ближайшие десятилетия. Кстати говоря, единые организационные и правовые основы эффективной системы обеспечения экономической безопасности в стране также пока не созданы. Одна из причин – отсутствие базового акта уровня федерального закона.

В рассматриваемом документе должны быть непротиворечиво увязаны вопросы комплексного развития территорий (с учетом их специфики), их вклада в обеспечение отдельных видов безопасности, национальной безопасности в целом.

Он также может решить и важную юридико-техническую задачу – приведет законодательство об отдельных территориях (особых и специальных экономических зонах, территориях опережающего развития и др.) в единую систему исходя из стратегических целей и задач Российского государства, а не только частных задач крупного бизнеса либо социально-экономических задач отдельных территорий.

Следовательно, в его структуре должны найти закрепление: предмет регулирования; цель, задачи и принципы пространственного развития страны в целом и отдельных территорий; основные индикаторы развития (население, его половозрастная структура и иные характеристики; количество семей, в том числе многодетных; постоянная занятость населения по отраслям и секторам экономики; доходы домохозяйств; инфраструктура, включая современную; степень удовлетворенности социальной сферой; преступность); общий и специальные правовые режимы, обеспечивающие развитие государства, регионов, отдельных территорий (единство и дифференциация регулирования); публично-правовые и частноправовые правовые средства механизма территориального развития; особенности управления отдельными территориями; экстраординарные (особые) правовые режимы (военного, чрезвычайного положения, повышенной готовности и др.); средства механизма обеспечения экономической безопасности.

В целом правовая политика государства, в том числе и в части пространственного развития страны, исходя из современных документов стратегического планирования, должна в большей мере опираться на ценности, культурные традиции народа, исторические и социально-экономические особенности и потребности государства, а не наоборот [22, с. 58]. Формирование сбалансированной и относительно компактной, непротиворечивой системы законодательства, носящей комплексный характер, – один из элементов такой политики.

Указанные выше положения могут быть интегрированы единым блоком в комплексный акт, призванный урегулировать как экономические, так и социальные вопросы вкупе с пространственным развитием страны. В настоящее время акты подобного рода либо даже близкие к ним по предмету правового регулирования в России отсутствуют. Можно пойти по пути разработки закона о пространствен-

ном развитии, но он должен быть органично увязан с экономическим, социально-экономическим законодательством.

В России до настоящего времени отсутствует комплексный акт типа федерального закона, регулирующий экономическую либо даже только предпринимательскую деятельность (акты, подобные экономическому, предпринимательскому, хозяйственному кодексам). В литературе то поднимается, то в очередной раз затухает дискуссия о необходимости такого рода акта.

Следует заметить, что наряду с потребностью в комплексном развитии ряда территорий, решении общеэкономических задач, а также проблем в области безопасности (в том числе экономической) на общегосударственный уровень выходят вопросы стимулирования биоэкономики, в основе которой лежит как природоёмкая биоэкономика (традиционное сельское хозяйство, лесное хозяйство, рыбохозяйственный комплекс и др.), так и высокотехнологичная биоэкономика (в основе которой лежат новейшие достижения биоинженерии, синтетической биологии и др.).

Стимулирование биоэкономики предполагает закладку, развитие, поддержку биоэкопоселений как самых современных, компактных поселений, осуществляющих свою деятельность на основе новейших технологий с учетом ее отправных принципов (высокой степени автономности, безопасности, устойчивости, экологичности, технологичности и др.), обеспечивающих жителям высокий уровень и качество жизни.

Наряду с традиционной экономикой, ее отраслями и секторами, за относительно короткий отрезок времени необходимо заложить основы биоэкономики. Такая задача с позиций права и законодательства также предполагает формирование специальных правовых режимов для ростков биоэкономики (как в целом, так и применительно к ряду отраслей и секторов экономики: сельскому хозяйству, пищевой промышленности, биомедицине и фармацевтике, энергетике, экологическому предпринимательству и др.).

Смена технологического уклада в связи с развитием биоэкономики в очередной раз обуславливает постановку вопроса об отправном законодательном акте, позволяющем решить если не все, то большинство правовых задач, возникающих в связи с переходом все большего числа отраслей и секторов национальной экономики на новые технологии. Здесь возможны разные варианты решения крупных задач, различные сценарии, но очевидной, на наш взгляд, является потребность увязки экономических и социальных задач с задачами пространственного развития страны. Отсюда – отправной законодательный акт либо единая система документов, на основе которой решаются стратегические государственные управленческие, правовые и иные задачи.

Заключение

Вопрос пространственного развития России – один из тех, что относится к категории стратегических, определяющих жизнеспособность населения, общества, государства, возможность противостоять реальным и потенциальным вызовам и угрозам, двигаться вперед, не опасаясь быть захваченными, поработанными.

Уровень внимания государства и общества к проблемам пространственного развития в контексте национальной безопасности следует признать недостаточным. Само по себе экономическое развитие страны, ее отдельных регионов не способно обеспечить приемлемый уровень национальной безопасности. На первый план выходят проблемы обеспечения демографической и иных видов безопасности, что требует принятия комплекса мер, в том числе и в части рационального и эффективного пространственного развития.

В условиях многонационального состава населения, потребности в сохранении традиционных российских духовно-нравственных ценностей и их последующей передачи будущим поколениям, пространственное развитие страны становится основой демографической, ментальной, экономической и иных видов безопасности.

Масштаб решаемых задач обуславливает постановку вопроса о высоком уровне правового регулирования, а именно о законодательном уровне. Поэтому на смену короткоживущим и не реализуемым в полной мере документам подзаконного уровня (концепциям, стратегиям и др.), а также разрозненной группе федеральных законов (преимущественно посвященных стимулированию экономической деятельности на отдельных территориях) должны прийти крупные комплексные законодательные акты (Экономический кодекс РФ, Федеральный закон «О пространственном развитии Российской Федерации» и др.).

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I). Ст. 3378.
2. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // СЗ РФ. 2025. № 2. Ст. 74.
3. Распоряжение Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СЗ РФ. 2019. № 7 (ч. II). Ст. 702.
4. Федеральный закон от 22 июля 2005 г. № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2005. № 30 (ч. II). Ст. 3127.
5. Федеральный закон от 10 января 2006 г. № 16-ФЗ «Об Особой экономической зоне в Калининградской области и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 280.
6. Федеральный закон от 29 ноября 2014 г. № 377-ФЗ «О развитии Республики Крым и города федерального значения Севастополя и свободной экономической зоне на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СЗ РФ. 2014. № 48. Ст. 6658.
7. Черешнева И. А. Территории с особым (специальным) режимом осуществления предпринимательской деятельности (частно-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024.
8. Эляков А. Л. Особые экономические зоны в Российской Федерации: правовые аспекты развития и оценка эффективности деятельности // Ученые записи

ки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2021. № 3-2.

9. Шевченко М. В., Фролов Д. В. Оффшоры, свободные и особые зоны – экономика обмана, финансовых оттоков // KANT. 2017. № 3.

10. Федеральный закон от 29 декабря 2014 г. № 473-ФЗ «О территориях опережающего развития в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 1 (ч. I). Ст. 26.

11. Петраков А. Ю. Правовое регулирование предпринимательской деятельности на территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

12. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

13. Контарев А. А. «Государство-цивилизация» в контексте парадигмы прошлого, настоящего и будущего // Философия права. 2024. № 2.

14. Указ Президента РФ от 31 марта 2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2023. № 14. Ст. 2406.

15. Федеральный закон от 30 апреля 1999 г. № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 18. Ст. 2208.

16. Указ Президента РФ от 9 августа 2020 г. № 505 «Об утверждении Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021–2030 годы» // СЗ РФ. 2020. № 32. Ст. 5259.

17. Федеральный закон от 5 декабря 2005 г. № 154-ФЗ «О государственной службе российского казачества» // СЗ РФ. 2005. № 50. Ст. 5245.

18. Ерохин И. Ю. Пограничье – особая территория жизни и формирования менталитета казачества // В мире научных открытий. 2015. № 7-3.

19. Макарова Е. И., Пробейголова Н. В., Татаринов И. В. Донбасс и Донское казачество: особенности и характер многовековых коммуникаций // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. 2022. № 6.

20. Демографическая безопасность: проблемы и пути решения // Вестник академии экономической безопасности. 2010. № 9.

21. Ищенко А. А. Демография как приоритет и интегральный показатель результативности стратегического планирования // Административное и муниципальное право. 2024. № 1.

22. Баранов В. М. Изменение законодательства как социальная травма // Юридическая техника. 2023. № 17.

References

1. Federal Law of June 28, 2014 No. 172-FZ "On Strategic Planning in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 26 (part I), art. 3378. (In Russ.)

2. Order of the Government of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 4146-r "Strategy for Spatial Development of the Russian Federation through 2030

with a Forecast through 2036". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 2, art. 74. (In Russ.)

3. Order of the Government of the Russian Federation of February 13, 2019 No. 207-r "Strategy for Spatial Development of the Russian Federation through 2025". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2019, no. 7 (part II), art. 702. (In Russ.)

4. Federal Law of July 22, 2005 No. 116-FZ "On Special Economic Zones in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2005, no. 30 (part II), art. 3127. (In Russ.)

5. Federal Law of January 10, 2006 No. 16-FZ "On the Special Economic Zone in the Kaliningrad Region and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 3, art. 280. (In Russ.)

6. Federal Law of November 29, 2014 No. 377-FZ "On the Development of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol and the Free Economic Zone in the Territories of the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2014, no. 48, art. 6658. (In Russ.)

7. Cheresheva I. A. Territories with a Special (Special) Regime for Carrying Out Entrepreneurial Activity (Private Law Aspect): Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2024. (In Russ.)

8. Eliakov A. L. Special Economic Zones in the Russian Federation: Legal Aspects of Development and Assessment of Activity Efficiency. *Scientific Notes of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal Sciences*, 2021, no. 3-2. (In Russ.)

9. Shevchenko M. V., Frolov D. V. Offshores, Free and Special Zones – the Economy of Deception, Financial Outflows. *KANT*, 2017, no. 3. (In Russ.)

10. Federal Law of December 29, 2014 No. 473-FZ "On the Territories of Advanced Development in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2015, no. 1 (part I), art. 26. (In Russ.)

11. Petrakov A. Iu. Legal Regulation of Entrepreneurial Activity in the Territories of Advanced Socio-Economic Development in the Russian Federation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Moscow, 2018. (In Russ.)

12. Decree of the President of the Russian Federation of November 9, 2022 No. 809 "On Approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2022, no. 46, art. 7977. (In Russ.)

13. Kontarev A. A. "State-Civilization" in the Context of the Paradigm of the past, Present and Future. *Philosophy of Law*, 2024, no. 2. (In Russ.)

14. Decree of the President of the Russian Federation of March 31, 2023 No. 229 "On Approval of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2023, no. 14, art. 2406. (In Russ.)

15. Federal Law of April 30, 1999 No. 82-FZ "On Guarantees of the Rights of Indigenous Peoples of the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1999, no. 18, art. 2208. (In Russ.)

16. Decree of the President of the Russian Federation of August 9, 2020 No. 505 "On Approval of the Strategy of the State Policy of the Russian Federation Regarding

the Russian Cossacks for 2021–2030". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 32, art. 5259. (In Russ.)

17. Federal Law of December 5, 2005 No. 154-FZ "On the Civil Service of the Russian Cossacks". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2005, no. 50, art. 5245. (In Russ.)

18. Erokhin I. Iu. Borderland – a Special Territory of Life and Formation of the Cossack Mentality. *In the World of Scientific Discoveries*, 2015, no. 7-3. (In Russ.)

19. Makarova E. I., Probeigolova N. V., Tatarinov I. V. Donbass and the Don Cossacks: Features and Nature of Centuries-Old Communications. *Bulletin of the Vladimir Dahl Luhansk State University*, 2022, no. 6. (In Russ.)

20. Demographic Security: Problems and Solutions. *Bulletin of the Academy of Economic Security*, 2010, no. 9. (In Russ.)

21. Ishchenko A. A. Demography as a Priority and Integral Indicator of Strategic Planning Performance. *Administrative and Municipal Law*, 2024, no. 1. (In Russ.)

22. Baranov V. M. Changes in Legislation as a Social Trauma. *Legal Technique*, 2023, no. 17. (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. А. Мохов – доктор юридических наук, профессор.

Е. В. Кирсанова – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

A. A. Mokhov – Doctor of Law, Professor.

E. V. Kirsanova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 10.11.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 15.09.2025; approved after reviewing 10.11.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 342.59

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87>

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЬ В ИНФОРМАЦИОННОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ЮРИДИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Виталий Данусович Саттаров

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний,
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, д. 125

sattarov_@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется тенденция усиления государственного контроля в информационном пространстве. Автор характеризует основные проявления этой тенденции и связанные с ними особенности. Одним из итогов указанного анализа стало формирование выводов о специфике контроля государства над обществом, в том числе отдельно отмечено фактическое сосредоточение усилий на контроле любых форм коммуникаций в интернет-пространстве. В статье особое внимание уделяется исследованию проблем, возникающих в ходе осуществления органами публичной власти усилий, направленных на управление активностью субъектов правоотношений в «цифровом мире». При написании настоящей статьи автором была применена совокупность методов научного познания, которая объединила формально-юридический метод и общенаучные методы (индукция и дедукция, анализ и синтез, приемы формальной логики). Результаты работы нашли свое выражение в разработке авторской оценки тенденции, в том числе внедренного в правовое пространство России запрета на поиск экстремистских материалов.

Ключевые слова: государственный контроль; информационное пространство; цифровая демократия; поиск экстремистских материалов; права человека.

Для цитирования: *Саттаров В. Д.* Государственный контроль в информационном пространстве: юридический анализ // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 77–87. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87>

Research Article

THE STATE CONTROL IN THE INFORMATION SPACE: A LEGAL ANALYSIS

Vitaly D. Sattarov

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, 125 Karpinskii St.,
Perm, 614012, Russia
sattarov_@mail.ru

Abstract

This article contains an analysis of the trend towards strengthening state control in the information space. The author characterizes the main manifestations of this trend and the features associated with them. The results of the analysis were expressed in general conclusions regarding the specifics of state control over society. One of features is that the state is actually focusing its efforts on controlling all forms of communication in the Internet space. The article includes a study of the problems that arise in the course of public authorities' efforts aimed at managing the activities of subjects in the "digital world". The author used a combination of methods of scientific knowledge, combining the formal legal method and general scientific methods (induction and deduction, analysis and synthesis, techniques of formal logic). The results of the work were expressed in the author's assessment of this trend, including the ban on searching for extremist materials introduced into the legal space of Russia.

Keywords: state control; information space; digital democracy; search for extremist materials; human rights.

For citation: *Sattarov V. D. The State Control in the Information Space: A Legal Analysis. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 2, pp. 77–87. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-77-87>

Введение

Обеспечение законности и правопорядка в обществе закономерно является одной из важнейших функций любого государства, оправдывающей потребность в его существовании. В отсутствие регулирующего влияния со стороны органов публичной власти социум стремительно вернется в состояние хаоса, при котором каждый будет преследовать личные интересы в ущерб иным субъектам. Теории, в которых утверждалась возможность саморегуляции общества без воздействия правоохранительных структур (в том числе идеи коммунизма или анархизма), на

протяжении XX в. продемонстрировали несостоятельность и в большинстве случаев оказались отвергнуты либо подверглись переосмыслению.

В указанных условиях бесспорно, что государство в целях предотвращения и пресечения потенциально возможных правонарушений должно реализовывать контроль за участниками общественной коммуникации. При этом важно, чтобы данный контроль, сохраняя свою результативность, производился законными методами, не допускал необоснованного вторжения в сферу частных интересов, с уважением относился к стремлению граждан к сохранению в тайне некоторой информации, относящейся к их жизни или профессиональной деятельности.

В актуальной реальности осуществление контроля со стороны государства становится более сложным ввиду общего усложнения жизни и правоотношений членов социума. Так, любому гражданину сегодня доступно совершение таких операций, которые еще несколько десятилетий назад казались невозможными. К примеру, открыть счет в банке, совершить покупку, заказать услугу, вступить во взаимодействие с субъектом, который находится на значительном удалении (даже в ином государстве), представляется возможным без выхода из дома. Описываемые обстоятельства определяют постановку перед государством (в лице его органов и должностных лиц) совершенно новых вызовов, требующих адекватных ответов, соответствующих объективно существующей юридической и общественной действительности.

В настоящей работе предпринимается попытка исследовать тенденцию усиления государственного контроля в информационном пространстве, которая является закономерным следствием вышеуказанных вызовов. В числе прочего подвергнуты анализу конкретные проявления тенденции, связанные с ней общие особенности и проблемы, предложены варианты ее потенциальной коррекции, направленные на обеспечение эффективной контрольной деятельности органов публичной власти, а равно способствующие созданию дополнительных гарантий надлежащего пресечения и предупреждения фактов нарушений прав и свобод субъектов правоотношений.

Следует отметить, что в юридической литературе тематика осуществления государственного контроля в информационном пространстве охарактеризована недостаточно. Отдельные аспекты заявленной проблемной области становились предметом анализа в работах Н. И. Чернобровкиной [1], В. П. Иванского, Г. В. Мельничука [2] и ряда других авторов, но ранее комплексно не раскрывались.

С учетом того, что нормативное правовое регулирование в рассматриваемой области находится в состоянии стремительного развития, выражающегося в том, что практически ежегодно принимаются новые либо изменяются действующие нормы, регулирующие информационное пространство, изучение и анализ темы работы представляется актуальным направлением исследований.

Данный вывод также может найти подтверждение в высокой общественной опасности правонарушений и преступлений, связанных со сферой информации, информационных правоотношений, которые в силу присущих им особенностей способны причинить значительный ущерб безопасности государства и отдельной личности.

В исследовании нашла применение системная совокупность специальных и общенаучных методов научного познания, в том числе формально-юридический метод и общенаучные методы, такие как анализ и синтез, дедукция и индукция, приемы формальной логики и иные.

Формально-юридический метод является базовым для настоящей работы и дает возможность провести всесторонний анализ нормативных правовых актов, получить выводы относительно их преимуществ и недостатков, предложить собственные рекомендации в части улучшения действующего законодательства.

Общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции, равно как и приемы формальной логики, использованы на всех этапах подготовки работы, позволяют сформировать логичное, непротиворечивое авторское представление об истинной проблематике.

Сочетание вышеперечисленных методов представляется достаточным для разработки обоснованных выводов по существу рассматриваемой темы.

1. Проявления и доказательства наличия тенденции усиления государственного контроля в информационном пространстве

Развитие государства в современных условиях тесно связано с попытками усилить контроль за всеми сферами жизни членов социума. Особо актуальным в контексте существующей политической, правовой и общественной реальности представляется усиление контроля в информационном пространстве. Действие указанной тенденции может быть проиллюстрировано как минимум следующими примерами:

1) ограничение доступа к информационным ресурсам сети Интернет или к конкретным сервисам (платформам), допустившим распространение сведений с нарушением требований национального законодательства.

Наиболее известными платформами, ставшими объектами названного вида контроля, являются *YouTube, Instagram, Discord* и др. Несмотря на тот факт, что причины ограничений в функционировании данных сервисов отличаются в деталях, их роднит факт распространения информации, которая способна быть квалифицирована как вредная или нежелательная в российской реальности.

Примечательно, что сегодня создана широкая нормативная правовая база, которая позволяет законными средствами блокировать нежелательный контент. Например, широкие возможности в этом аспекте предоставляет Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (см. ст. 15, 15.1–15.9) [3];

2) разработка и распространение отечественных альтернатив популярных информационных приложений и сервисов, в том числе их условно-добровольное внедрение в практику пользователей.

Особо примечательными в обозначенном отношении являются разработка и распространение отечественного мессенджера *MAX*, который должен выступить альтернативой зарубежным аналогам (*Viber, WhatsApp* и т.д.). В соответствии с распоряжением Правительства РФ от 25 июля 2024 г. № 1972-р с 1 сентября 2025 г. этот мессенджер обязателен для предустановки на новые мобильные устройства, если

они распространяются на территории Российской Федерации [4]. Такое правило гарантирует, что значительная часть граждан ознакомится с мессенджером, даже при отсутствии намерения перейти к его постоянному использованию. Главное отличие отечественных программных средств от зарубежных аналогов связано с тем, что они доступнее для российских правоохранительных органов в вопросах предоставления информации о планируемых (готовящихся) преступлениях.

Дополнительно отметим, что одновременно с изложенным поддержкой со стороны государства пользуется распространение среди граждан отечественных видеохостингов (*RUTUBE*, *VK Видео*). Подразумевается, что названные сервисы с течением времени смогут в полной мере заменить зарубежные аналоги, хотя в своем современном техническом состоянии значительно им уступают по многим существенным параметрам;

3) совершенствование технической и правовой составляющей имеющейся системы ограничений и запретов, включая заполнение пробелов и уязвимостей, позволяющих «обходить» принятые ограничения.

Названное направление контрольной деятельности органов власти находит непосредственное отражение в разнообразных мерах. Например, еще в 2017 г. в силу ст. 15.6-1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» получил закрепление и последующую реализацию порядок ограничения доступа к копиям («зеркалам») заблокированных сайтов [3].

В аналогичном ключе Федеральным законом от 31 июля 2025 г. № 332-ФЗ были внесены важные изменения в Федеральный закон «О рекламе», в соответствии с которыми запрещена реклама программно-аппаратных средств, позволяющих обеспечить доступ к заблокированным ресурсам (*VPN*) [5; 6];

4) установление запрета на умышленное осуществление поиска и получение доступа к экстремистским материалам (см. ст. 13.53 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [7]). Одно из наиболее новых проявлений характеризуемой широкой тенденции, получившее распространение в российской правовой реальности с 1 сентября 2025 г. [8] и в настоящее время требующее глубокого научного осмысления.

Представляется, что соблюдение этого требования связано с некоторыми трудностями, способными поставить под сомнение результативность указанной вариации контрольной деятельности государства. В частности, важным является то, что полный перечень материалов, которые могут быть отнесены к искомому виду, размещен на официальном сайте Министерства юстиции РФ и включает в себя (по состоянию на сентябрь 2025 г.) 5482 наименования, многие из которых могут быть неочевидными (исходя исключительно из названия). В этой связи может вызывать определенные сомнения то, что существенное количество граждан действительно ознакомится с таким перечнем и станет соотносить с ним интернет-активность.

Перечисленные факты, выступающие наглядной иллюстрацией изменений в политике государства, свидетельствуют одновременно о нескольких фактах:

1) стремление органов публичной власти усилить всесторонний контроль над обществом в имеющихся правовых и общественных условиях проявляется в различных формах;

2) с учетом наблюдающейся динамики возникновения и распространения новых форм контроля необходимо предположить, что обозначенная тенденция в обозримом будущем сохранит действие и будет лишь нарастать;

3) наиболее значимые усилия в рассматриваемом аспекте сосредоточены в сфере контроля за коммуникативной деятельностью субъектов правоотношений, реализуемой с применением современных информационных ресурсов и средств обмена сообщениями (мессенджеры, онлайн-платформы, конкретные сервисы и сайты в сети Интернет);

4) целесообразность всестороннего расширения государственного контроля за информационным пространством находится в прямой зависимости от конкретных геополитических условий существования государства. Гибридная война между Россией и странами коллективного Запада, в которой информация вполне способна выступать в качестве новейшего вида «вооружения», требует от органов публичной власти скоординированных усилий в рассматриваемой сфере при одновременном соблюдении прав и свобод субъектов правоотношений.

2. Оценка тенденции усиления контроля государства над обществом

Для верной оценки исследуемой тенденции необходимо обратить внимание, что в теории тематика контроля органов государственной власти над социумом может рассматриваться одновременно с нескольких позиций.

Во-первых, контроль государства над общественностью в силу специфики их взаимодействия всегда имеет политический характер, обусловлен внутренней и внешней политико-правовой конъюнктурой. По словам В. П. Пугачева, понятия «политический» и «государственный» контроль можно рассматривать в качестве синонимов, так как они взаимосвязаны и во многом совпадают [9, с. 38].

В условиях проведения специальной военной операции и противостояния Российской Федерации странам коллективного Запада в формате гибридной войны представляется закономерным стремление усилить контроль за наиболее уязвимыми сегментами общественной жизни, многие из которых сосредоточены в цифровом пространстве. В настоящее время как никогда важно противостоять попыткам превратить ресурсы сети Интернет в «оружие современной войны». В частности, уже не является секретом тот факт, что на Украине при государственной поддержке самым активным образом развивается система колл-центров, основная цель создания и функционирования которых – совершение мошеннических действий в отношении граждан России, нанесение им ущерба, дестабилизация обстановки внутри Российского государства.

Еще одним показательным примером применения информации «в качестве оружия» может выступать ставшая широко известной в 2022 г. провокация в городе Буча, организованная украинскими националистами и ставившая перед собой задачу дискредитировать российских военнослужащих.

С учетом приведенных примеров становится очевидным, что осуществление регулярного контроля за информационным пространством со стороны государственных органов, реализующих правоохранительные функции, представляется необходимым и оправданным. В числе прочего это утверждение справедливо и в

части государственного контроля за использованием интернет-ресурсов гражданами страны. Происходящие в стране процессы цифровизации вполне закономерно и оправданно влекут за собой качественное расширение контрольной деятельности.

Вместе с тем демократический характер отечественной государственности определяет, что, ужесточая контроль за отдельными сегментами жизни граждан, органы власти не должны допускать ситуаций, в которых вводимые ограничения прав субъектов правоотношений станут непропорциональными, выйдут за грань разумного. Другими словами, должен поддерживаться баланс между интересами государства в обеспечении безопасности и информационными правами граждан и организаций.

Во-вторых, с учетом вышеизложенного, нужно иметь в виду, что показатель «охвата» контроля публичной власти над обществом в области информационных правоотношений может рассматриваться в качестве критерия принадлежности государства к определенному типу режима, а именно:

- для демократии характерно представление сети Интернет как пространства свободы и самовыражения, в котором каждый вправе свободно и беспрепятственно осуществлять поиск, получение, передачу, распространение и производство информации. При этом в условиях демократического отношения к цифровому пространству также могут иметь место факты ограничения в искомой области, но они всегда обусловлены необходимостью защиты конституционных ценностей, прав и свобод участников интернет-коммуникации. Например, запрет распространения экстремистских материалов обусловлен охраной безопасности граждан и государства;

- при авторитарном или тоталитарном режиме государство предпринимает усилия, направленные на создание системы всеобъемлющего информационного контроля – цифровой диктатуры. Например, это может быть выражено в запрете свободного пользования ресурсами сети Интернет (права доступа имеет только небольшая часть граждан – часто представители власти) или в создании системы фильтрации трафика, при которой блокировке и ограничению подвержена любая нежелательная для органов публичной власти информация (единственно верная точка зрения на события всегда санкционирована государством и не может иметь альтернатив). Последнее позволяет манипулировать населением и препятствует развитию критического отношения членов социума к действиям, решениям и в целом к политике органов публичной власти.

Основываясь на изложенном, следует предположить: если мотивы защиты прав и свобод субъектов в пространстве сети Интернет искусственно заменяются на иные (нередко связанные с корыстной мотивацией отдельных лиц), а также в случае, если внедряемые контрольные мероприятия представляются излишними или объективно неэффективными, то это дает возможность заявить о деградации системы цифровой демократии либо о первых шагах к указанному результату.

В-третьих, как справедливо было отмечено отдельными исследователями, включая ранее упомянутого В. П. Пугачева, государственный информационный контроль часто приучает субъектов говорить и думать исключительно в рамках доз-

воленного, мыслить строго определенным образом, в том числе он прививает привычку мыслить в рамках дозволенных государством речевых конструкций и избегать иных [9, с. 48–49]. С учетом указанного следует особенно внимательно отнестись к анализу запрета, установленного ст. 13.53 КоАП РФ (поиск экстремистских материалов).

На наш взгляд, настоящая норма не только трудноисполнима, но и ставит ряд иных сложных вопросов, способных стать объектом для научной дискуссии. Например, вызывает сомнение, что поиск информации, поименованной в списке, размещенном на сайте Министерства юстиции РФ, способен иметь общественно вредные последствия (если рассматривать его изолированно от других действий). Наглядным отражением вышеуказанного довода может служить п. 3556 перечня, который включает в список экстремистских материалов «изображение мальчика, держащего в одной руке палку, в другой – шоколадку, с надписью: «... – шоколадку»» (перечень по состоянию на 3 октября 2025 г.). Полагаем справедливым и оправданным задать риторический вопрос о том, какую опасность для социума может иметь поиск такого рода изображения? Схожим образом можно оценивать и иные пункты крайне широкого перечня.

Оценивая содержание анализируемого перечня, можно предположить, что один и тот же поисковый запрос (к примеру, «как появилась жизнь?» – см. п. 3565 перечня по состоянию на 3 октября 2025 г.) способен рассматриваться и как законное действие, и как правонарушение. В обозначенной ситуации ключевым критерием верной квалификации деяния как правонарушения будет являться субъективная сторона правонарушения в форме умысла на поиск заведомо экстремистских материалов. Тем не менее неясно, как правоприменитель должен осуществить проверку факта наличия либо отсутствия умысла, исходя из поискового запроса. Как минимум, в каждом конкретном деле будет требоваться комплексная оценка личности правонарушителя.

В свою очередь, если принять за истину тот факт, что действия конкретного субъекта, направленные на поиск некоторой информации, сами по себе являются экстремистскими, то вместе с этим нельзя не усомниться в возможности пресечь незаконное действие правонарушителя-экстремиста, часто глубоко убежденного в собственном миропонимании, штрафом в размере от 3 до 5 тыс. руб. Такие обстоятельства способны свидетельствовать о неэффективности и избыточности рассматриваемого запрета.

Более результативной нам видится система, в которой поиск запрещенной (экстремистской) информации, вместо наложения штрафа, будет приводить к тому, что органы публичной власти будут вправе взять под особый контроль указанного субъекта, выбрав на базе личностных особенностей лица наиболее подходящую модель взаимодействия с ним. Например, если речь идет о несовершеннолетнем, представляется необходимым проведение с ним просветительской беседы, цель которой будет заключаться в профилактике возможного формирования у такого лица экстремистской (антисоциальной) направленности личности.

Одновременно с вышеизложенным необходимо принять во внимание, что поиск материалов, отнесенных к числу экстремистских, может быть обусловлен не

только установкой лица на совершение правонарушения, но и учебными или исследовательскими целями. Данное обстоятельство никак не отражено в тексте правовой нормы, что является значительным недостатком.

Более того, любая информация в каждом конкретном случае подвергается субъективной оценке, а значит, нельзя исключать возникновения такой ситуации, в которой ознакомление с тем или иным информационным материалом не только не станет причиной формирования у лица экстремистских паттернов поведения, но и вызовет отторжение к проявлениям подобной модели коммуникации субъекта с государством и обществом. Иными словами, невозможно предугадать, к каким умозаключениям на основе одной и той же информации придет каждый участник общественных отношений. Так как в описанных условиях оценке подвергаются внутренние процессы формирования у личности конкретных убеждений, на наш взгляд, для разрешения спора надлежит применить п. 1 ст. 29 Конституции РФ, в которой закрепляются гарантии свободы мысли.

Совокупность приведенных доводов, в сочетании с тем, что ст. 13.53 КоАП РФ входит в определенное противоречие с п. 1 ст. 29 Конституции РФ, указывает на потребность отметить указанное спорное нововведение. Попытка реализовать контроль не только за деяниями каждого конкретного лица, но и его мыслями (за счет внедрения запрета поиска информации, которая может послужить основой для нежелательных выводов) представляется, на наш взгляд, сомнительной.

В рамках приведенной оценки предлагаем также учесть то обстоятельство, что информационные материалы, способные склонить лицо к правонарушению, с большой долей вероятности уже будут ограничены к распространению иными, более эффективными методами, в том числе уже применяемыми на практике.

Заключение

Подводя итоги совокупности вышеизложенного, можно сделать вывод, что в правовой реальности Российской Федерации сегодня присутствует устойчивая тенденция, которая заключается в последовательном усилении государственного контроля над обществом.

Указанная тенденция имеет разнообразные формы внешнего выражения, которые тем не менее преимущественно сосредоточены на контроле активности субъектов в интернет-пространстве. В условиях конфронтации России со странами коллективного Запада коммуникативные технологии воспринимаются как новейшие средства, используемые в борьбе, в то время как информация рассматривается как своеобразное «оружие», которое может применяться для нанесения ущерба противнику. В этих обстоятельствах усиление контроля над обществом представляется объяснимым, оправданным и целесообразным с позиции обеспечения безопасности как государства в целом, так и отдельных граждан и организаций.

Вместе с тем нельзя не принимать во внимание, что рассматриваемый вид контрольной деятельности должен оставаться разумным, пропорциональным и осуществляться при соблюдении прав, свобод и законных интересов субъектов правоотношений.

При общей верной направленности развития юридического регулирования в рассматриваемой сфере общественной коммуникации, нельзя не отметить, что

отдельные проявления характеризуемой общей тенденции могут вызывать определенную долю озабоченности, сомнений. Так, полагаем, что нововведения, интегрированные в российскую правовую действительность ст. 13.53 КоАП РФ, представляются сложными для реализации и малоэффективными. В связи с этим считаем возможным указать на необходимость мониторинга правоприменения и пресечения потенциальных злоупотреблений в процессе привлечения субъектов к ответственности по фактам поиска информации в сети Интернет. В противном случае отсутствие прогноза последствий от внедрения подобного запрета можно рассматривать как один из шагов к деградации отечественной системы цифровой демократии.

Пристатейный библиографический список

1. *Чернобровкина Н. И.* Информационный контроль в России и мире: реальные основания и практики // Гуманитарий Юга России. 2014. № 4.
2. *Иванский В. П., Мельничук Г. В.* Государственный контроль (надзор) – инструмент противодействия угрозам национальной безопасности в информационной сфере или средство защиты неприкосновенности частной жизни: соотношение частного и публичного интересов // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2017. № 1.
3. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.
4. Распоряжение Правительства РФ от 25 июля 2024 г. № 1972-р «Об утверждении перечня российских программ для электронных вычислительных машин, которые должны быть предварительно установлены на отдельные виды технически сложных товаров в 2025 году и о признании утратившими силу некоторых распоряжений Правительства РФ» // СЗ РФ. 2024. № 21. Ст. 4678.
5. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
6. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 332-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О рекламе»» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4686.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 1. Ст. 1.
8. Федеральный закон от 31 июля 2025 г. № 281-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и Федеральный закон «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях»» // СЗ РФ. 2025. № 31. Ст. 4635.
9. *Пугачев В. Н.* Государственный контроль и свобода личности в цифровом обществе // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2022. № 2.

References

1. *Chernobrovkina N. I.* Information Control in Russia and the World: Real Foundations and Practices. *Humanitarian of the South of Russia*, 2014, no. 4. (In Russ.)

2. Ivanskii V. P., Melnichuk G. V. State Control (Supervision) – a Tool for Countering Threats to National Security in the Information Sphere or a Means of Protecting Privacy: The Relationship between Private and Public Interests. *RUDN Bulletin. Series: Legal Sciences*, 2017, no. 1. (In Russ.)

3. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ “On Information, Information Technologies and the Protection of Information”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 31 (part I), art. 3448. (In Russ.)

4. Order of the Government of the Russian Federation of July 25, 2024 No. 1972-r “On Approval of the List of Russian Programs for Electronic Computers That Must Be Pre-Installed on Certain Types of Technically Complex Goods in 2025 and on Recognizing as Invalid Some Orders of the Government of the Russian Federation”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2024, no. 21, art. 4678. (In Russ.)

5. Federal Law of March 13, 2006 No. 38-FZ “On Advertising”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 12, art. 1232. (In Russ.)

6. Federal Law of July 31, 2025 No. 332-FZ “On Amendments to the Federal Law ‘On Advertising’”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 31, art. 4686. (In Russ.)

7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses of December 30, 2001 No. 195-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 1, art. 1. (In Russ.)

8. Federal Law of July 31, 2025 No. 281-FZ “On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses and the Federal Law ‘On Amendments to the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses’”. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2025, no. 31, art. 4635. (In Russ.)

9. Pugachev V. N. State Control and Personal Freedom in a Digital Society. *Bulletin of Moscow University. Series 21: Management (State and Society)*, 2022, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторе:

В. Д. Саттаров – кандидат юридических наук.

Information about author:

V. D. Sattarov – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 07.10.2025; одобрена после рецензирования 08.12.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 07.10.2025; approved after reviewing 08.12.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 347.9

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-88-96>

ДОБРОСОВЕЩНОСТЬ И ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЕ В РАБОТЕ СУДЕБНОГО ПРИСТАВА-ИСПОЛНИТЕЛЯ ПРИ ИСПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНЫХ ОБЯЗАННОСТЕЙ

Юрий Александрович Слепухин^{1,2}

¹ Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

² Институт технологий управления «МИРЭА – Российский технологический университет», 119454, Россия, г. Москва, пр. Вернадского, д. 78
yura-slepuhin@yandex.ru

Аннотация

Принудительное исполнение судебных решений, в основной массе, является заключительным этапом многомесячной, а иногда и многолетней работы. От своевременности и профессиональности действий судебного пристава-исполнителя с использованием всех предоставленных ему государством возможностей и полномочий зависит как потенциальная возможность, так и полнота и объем удовлетворения требований взыскателя. Целью работы является исследование проблемы отсутствия закреплённого принципа добросовестности в профильном законодательстве (Федеральный закон от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»). Используются историко-правовой, формально-логический, теоретико-прогностический методы. Делается вывод, что использование принципа добросовестности в качестве критерия работы судебного пристава позволит увеличить вероятность воплощения в жизнь требований заявителя.

Ключевые слова: принцип; добросовестность; гражданский процесс; принудительное исполнение судебного акта.

Для цитирования: Слепухин Ю. А. Добросовестность и ее проявление в работе судебного пристава-исполнителя при исполнении служебных обязаннос-

тей // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 88–96. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-88-96>

Research Article

INTEGRITY AND ITS MANIFESTATION IN THE WORK OF A BAILIFF IN THE PERFORMANCE OF OFFICIAL DUTIES

Yuri A. Slepukhin^{1,2}

¹ All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St.,
Moscow, 117638, Russia

² Institute of Management Technologies “MIREA – Russian Technological University”,
78 Vernadskii Ave., Moscow, 119454, Russia
yura-slepuhin@yandex.ru

Abstract

The enforcement of court decisions, for the most part, is the final stage of months and sometimes years of work. The timeliness and professionalism of the bailiff's actions, using all the opportunities and powers provided to him by the state, determines both the potential, completeness, and volume of satisfaction of the claimant's claims. The purpose of the work is to study the problem of the lack of a fixed principle of good faith in the relevant legislation (Federal Law of October 2, 2007 No. 229-FZ “On Enforcement Proceedings”). Historical-legal, formal-logical, theoretical-predictive methods are used. It is concluded that using the principle of good faith as a criterion for the bailiff's work will increase the likelihood of the applicant's claims being implemented.

Keywords: principle; good faith; civil procedure; compulsory execution of a judicial act.

For citation: *Slepukhin Yu. A. Integrity and its Manifestation in the Work of a Bailiff in the Performance of Official Duties. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 2, pp. 88–96. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-88-96>

Введение

Одним из препятствий на пути к восстановлению нарушенного права встает сам процесс принудительного исполнения уполномоченным субъектом. Статистика исполнения показывает, что большинство требований взыскателей и иных обра-

тившихся лиц не осуществляется или реализуется не в полной мере. Большая загруженность работников ФССП России ставит их в условия, когда подход к осуществлению своих обязанностей становится формальным. В результате сложившейся тенденции совершаются ошибки, приводящие к тому, что претворение в жизнь указанных актов становится невозможным. В таком случае наступает процедура окончания исполнительного производства, например, ввиду невозможности исполнения в связи с отсутствием имущества. Совокупность негативных последствий ведет к возникновению убытков у обратившихся лиц. Как следствие, возникает проблема практической реализации требований, которые были приняты в рамках ранее вынесенного судебного или иного правоприменительного акта.

Анализ данных ФССП России по одному из показателей ведомственной статистики – «взыскание долгов с физических лиц по кредитам и займам» [1] – наглядно демонстрирует возрастающую динамику по количеству производств и объему взыскания. По совокупности первых трех кварталов 2024 г. в данной категории было открыто 10,9 млн производств на сумму 1,44 млрд, что на 11,6% больше, чем в прошлом году, и на 34,2% больше по общей задолженности. Сумма неисполненных обязательств превысила показатель за весь 2023 г. Всего на исполнении находилось 24,4 млн производств на сумму 3,37 млрд руб., включая остаток дел с прошлых периодов [1]. В связи с этим очевидной представляется необходимость трансформации законодательства для улучшения процесса исполнения судебных актов и актов иных органов. Это весьма непростой и длительный процесс, и тут уместно вспомнить высказывание И. Б. Новицкого, отмечавшего, что «все идеалы, как известно, имеют ту особенность, что они далеки от осуществления, они как маяки, указывают нам надлежащую дорогу, но сами пока недостижимы» [2, с. 64].

Рассматривая принцип добросовестности, Д. В. Дождев писал: «Диалогичность правосознания – это когда абстрактная норма и индивидуальное представление о норме пребывают в процессе постоянной взаимной корректировки» [3, с. 96]. Данное утверждение интересно тем, что субъект правоотношений осуществляет корреляцию своих действий к конкретному принципу, основываясь на заложенных в нем критериях. Как раз для осуществления этой возможности необходимо закрепить в профильном законодательстве сам принцип и установить для него предметную область относительно структуры профильного законодательства. Исходя из вышеперечисленного будут создаваться определенные реперные точки, на которые мог бы ориентироваться сотрудник при исполнении своих должностных обязанностей.

1. Исторические предпосылки и проявления категории добросовестности

Концепция добросовестности в современном гражданском праве России берет свое начало из римского частного права. В нем можно найти множество примеров регулирования отношений по защите прав с помощью исков (*bona fides*) доброй совести, как в эпоху доклассического, так и в эпоху классического периода.

В России с XVII в. в гражданском праве начали появляться моральные нормы, которые были закреплены в Соборном уложении 1649 г. В этом документе появляется термин «добрые намерения», который связан с возможностью оспорить сделку. Доб-

росовестный владелец имел право не возвращать доходы, полученные от владения, за тот период, пока ему не было известно о незаконности владения [4, с. 336].

Использование «совести» в качестве способа оценки и определения правомерности поведения сторон впервые было предложено в проекте Гражданского уложения эпохи правления Александра III на рубеже XIX и XX вв. Согласно ст. 50 данного документа договоры, не соответствующие общепринятым нормам морали, признавались юридически недействительными [2, с. 124]. Несмотря на прогрессивные идеи гражданского права, актуальные в то время, проект Гражданского уложения так и не был принят. Труды лучших представителей юридической науки того периода не принесли ожидаемых результатов.

Период социалистического общества наложил свой отпечаток и на трансформацию права. В Гражданском кодексе РСФСР, принятом в 1922 г., появилось важное нововведение: «Приобретатель признается добросовестным, если он не знал и не должен был знать, что лицо, от которого он приобретает вещь, не имело права ее отчуждать» [5]. В. П. Грибанов указывал, что «принцип добросовестности заключается в том, что субъекты права не должны совершать действия, противоречащие правилам социалистического общежития и нормам морали» [6, с. 411]. Рассмотрение самого принципа переходило в плоскость честности и порядочности. Выделялись такие критерии, как: личные пороки – проявление трусости, жадности, лживости, грубости в отношениях с другими людьми; иждивенческие настроения – стремление получать больше, чем даешь обществу, нежелание вносить вклад в общее дело; циничное поведение – проявление неуважения к моральным ценностям и традициям. Участники правовых отношений должны избегать поступков, которые идут вразрез с принципами социалистического образа жизни и нормами морали. А. А. Чукреев, рассуждая о принципе добросовестности, выделял «должную заботливость о соблюдении прав и законных интересов других участников имущественного оборота» [7, с. 103]. Опираясь всего лишь на один определенный критерий при рассмотрении «принципа», представляется сомнительной возможность оценить, соответствует ли поведение участников правоотношений «принципу добросовестности».

Каждая эпоха отражается в оценке тех или иных явлений исходя из мировоззрений, присущих данному периоду времени. Правовые концепции Российской империи при своем построении исходили в том числе из сословного права, которое предусматривало различные правовые статусы для дворян, духовенства, крестьян, мещан и других сословий. Концепции советского периода в своей основе опирались на социалистическое правосознание, включающее приоритет социалистических ценностей. Изучение взглядов, сложившихся в различные исторические периоды, позволяет расширить спектр восприятия самого правового явления и поэтому должно быть неотъемлемой частью исследования как составляющей истории гражданского права. Без них было бы невозможно полностью понять, как формировался принцип добросовестности в историческом и доктринальном аспектах.

На современном этапе развития законодательства принцип добросовестности получил закрепление как в основах гражданского законодательства России (ст. 1, 10 Гражданского кодекса РФ), так и в профильных институтах. Например, «рассматриваемый принцип нормативно закреплен в федеральных законах «О рекламе»,

«О рынке ценных бумаг», «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках», «Об акционерных обществах» и др.» [8]. Генезис происхождения, становления и закрепления «добросовестности» как общего принципа права и принципа права специальных институтов показывает наличие глубокой фундаментальной основы данного принципа как института оценки поведения сторон в правоотношениях.

2. Добросовестность в деятельности судебного пристава-исполнителя

Добросовестность в деятельности судебного пристава входит в требования Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации [9]. Согласно п. 2.1.7 сотрудник должен «выполнять служебные обязанности добросовестно, на высоком профессиональном уровне» [9]. В соответствии с п. 4.1.1 он должен «быть примером профессионализма, добросовестного выполнения служебных обязанностей, образцового соблюдения этических норм и требований, служебной дисциплины и законности» [9]. На основании п. 4.1.5 он должен «побуждать подчиненных к совершенствованию личностных и деловых качеств, доброжелательно и умело мотивировать их к добросовестному осуществлению служебной деятельности» [9].

К общим критериям добросовестности при исполнении служебных обязанностей можно отнести культурное, тактичное и корректное общение с лицами, обратившимися за содействием в осуществлении процедур принудительного исполнения. Во время исполнения служебных обязанностей, а также в свободное от работы время, необходимо повышать свою квалификацию и компетентность. В своих действиях следует исходить из того, что от профессиональных качеств зависит обеспечение и соблюдение закрепленных гарантий исполнимости судебных и несудебных актов. Руководствуясь законом, нельзя отдавать предпочтения сторонам в исполнительном производстве. Необходимо исключать поступки, ставящие под сомнение объективность и беспристрастность сотрудника.

Безусловно, сотрудник должен иметь ориентиры, которыми он руководствуется при исполнении служебных обязанностей. При этом исполнение может быть формальным, а может быть добросовестным. Спектром данного понятия в контексте указанных правоотношений могли бы служить: личное, ответственное, вдумчивое, творческое, инициативное отношение к обязанностям.

И. Кант, проводя черту между человеком и животным, указывал на движущий индивидуумом фактор, который у человека заключается в наличии воли, обуславливающей возможность руководства разумом, а не эмоциями и чувствами. Осознанность в своих действиях позволяет человеку совершать поступки согласно нормам права, «установленным принципам» [10, с. 250]. И. Кант делает акцент на добровольном подчинении (самопонууждении) нравственным обязательствам: «долг есть необходимость [совершения] поступка из уважения к закону» [10, с. 236]. Тем самым это отличает моральный поступок от легального – простого исполнения вменяемых человеку внешних требований.

Проецируя этот тезис на судебного пристава, нравственным можно назвать лишь поступок, который совершается исключительно из уважения к морально-

му закону. Он должен быть совершен из чувства долга, т.е. ради самого закона как единственного критерия, определяющего волю человека. В качестве примера можно привести норму п. 5 ст. 64.1 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве», согласно которой должностное лицо службы судебных приставов рассматривает заявление, ходатайство в десятидневный срок со дня поступления к нему заявления, ходатайства. Так, легальным будет ответ и в последний день предоставленного законом периода. При этом, применяя моральный закон, используя критерий добросовестности, судебный пристав-исполнитель должен рассмотреть поступившее заявление с минимальными задержками, т.е. неотлагательно, согласно очередности поступающих заявлений и наличия времени от исполнения иных должностных обязанностей.

Несмотря на то что для И. Канта нравственность является выражением метафизической, а не эмпирической природы человека, полагаем, что качества в человеке могут вырабатываться под условием внешнего воздействия, в том числе и добросовестность. Человек с детства привыкает действовать согласно установленным алгоритмам поведения. Через определенный промежуток времени, когда алгоритмы доведены до автоматизма, поведение переходит на бессознательный уровень.

При установлении в профильном законодательстве критерия добросовестности субъекты исполнительного производства получают возможность оспаривать действия, бездействие судебного пристава-исполнителя, в том числе используя данное основание. Появление такого аргумента, как «вы действуете в пределах закона, но действуете недобросовестно», постепенно будет заставлять субъекта правоотношений изменяться. Закон перехода количественных изменений в качественные был описан в диалектике Г. Гегеля. Таким образом, накопление негативного для себя опыта, выражающегося в поступлении заявлений о недобросовестности, заставит доказывать свою добросовестность, показывая реальную загруженность в производстве, либо действовать незамедлительно.

3. Оценка действий (бездействия) судебного пристава-исполнителя через критерий недобросовестности

Понимание правовой нормы, категории, вырабатывается как совокупностью обоснований, исходящих из доктринальных изысканий, так и из совокупности доказательств и доказывания судебной практики, которая сама часто служит эмпирической базой проводимых исследований. В профильном законодательстве отсутствует критерий добросовестного (недобросовестного) поведения судебного пристава-исполнителя. К добросовестному поведению, безусловно, можно отнести выполнение всего спектра должностных обязанностей, возложенных на судебного пристава-исполнителя, с должной внимательностью, эффективностью и оперативностью. Антиподом данному поведению будет недобросовестность при исполнении должностных обязанностей, которая может выразиться как в действии, так и в бездействии.

Следующие примеры показывают наличие нарушений при исполнении должностных обязанностей судебными приставами, что могло бы быть квалифицировано как недобросовестное поведение. В первом примере пристав неправомерно распорядился возвращенными денежными средствами, чем причинил банку

убытки. Судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда РФ 16 февраля 2023 г. рассмотрено в судебном заседании гражданское дело по обращению ПАО «Сбербанк России» (далее – Банк) к ФССП России и ГУ ФССП по МО «о возмещении убытков, причиненных действиями судебного пристава-исполнителя» [11]. По итогам рассмотрения указанного дела Судебная коллегия указала на то, что суд не учел, что «наличие задолженности у должника перед Банком само по себе не исключает причинения вреда Банку незаконными действиями судебного пристава-исполнителя, выразившимися в утрате имущества должника, и обязанности его возместить» [11]. Дело отправлено на пересмотр с указанием ответственности судебного пристава.

Второй пример. На основании решения Кировского районного суда г. Екатеринбурга по производству № 2а-719/2020 [12] было установлено незаконное бездействие руководителя Управления ФССП по Свердловской области – главного судебного пристава Свердловской области. Заявитель оспаривал бездействие, полагая, что жалоба, направленная в порядке подчиненности, надлежащим образом не была рассмотрена, так как ответ по существу жалобы не был дан. Соответствующее постановление не было вынесено, также были нарушены сроки ее рассмотрения. Поступившее заявление в УФССП по СО было неверно квалифицировано, в результате чего присвоен статус «обращение», а не «жалоба». В данном случае «обращение» – это общеупотребительное понятие, оно может быть выражено как обращение, жалоба, заявление, ходатайство.

Как установлено в судебном заседании, доказательств направления соответствующего ответа административным ответчиком не представлено. Жалоба на действия (бездействие) должностного лица в лице старшего судебного пристава – начальника отдела, подается судебному приставу субъекта (главному судебному приставу субъектов) Российской Федерации (ст. 123 ФЗ), следовательно, данное должностное лицо и должно было рассмотреть данную жалобу, а не расценивать ее как обращение. В свою очередь, начальник отдела по работе с обращениями граждан не обладал полномочиями по рассмотрению данных требований жалобы.

Вышеуказанные примеры судебной практики уже, по сути, обосновывают вынесение судебных актов с применением принципа добросовестности, что в очередной раз подтверждает необходимость в закреплении как принципа добросовестности, так и его дефиниции на законодательном уровне в профильном институте исполнительного законодательства. Отсутствие данного принципа лишает суд возможности сослаться на него в мотивировочной части как на критерий оценки действия субъекта права.

Заключение

Введение принципа добросовестности в различных институтах гражданского права показало положительную динамику, а именно дало дополнительный инструмент оценки работы субъектов гражданского оборота.

Закрепление предложенного принципа на законодательном уровне в исполнительном производстве, в том числе установление категориального аппарата через описание возможных действий (как добросовестных, так и недобросовест-

ных), создает эффективный инструмент, который может существенно повлиять на работу данного института и повысить ответственность как работников, так и сторон исполнительного производства. Возникает возможность осуществления таких мероприятий, как оспаривание в административном или судебном порядке недобросовестного поведения стороны, подача жалоб на недобросовестное поведение сотрудников в исполнительном производстве, и тем самым влиять на механизм работы самой системы. Накопление данного опыта будет создавать кумулятивный эффект, обусловленный совокупностью количественных факторов (обращений граждан), что от количественных изменений даст возможность перехода к новому качеству работы аппарата.

Совокупность указанных действий позволит формировать модель поведения как субъектов исполнительного производства, так и сотрудников исполнительного производства, стимулировать работу к добросовестному поведению.

Пристатейный библиографический список

1. Ведомственная статистика ФССП // Федеральная служба судебных приставов : сайт. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnoj_služby_sudebnykh_prstavov/statistics (дата обращения: 26.03.2025).
2. Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 6.
3. Дождев Д. В. Добросовестность (bona fides) как правовой принцип // Политико-правовые ценности: история и современность / под ред. В. С. Нерсисянца. М. : Эдиториал УРСС, 2000.
4. Тютрюмов И. М. Законы гражданские с разъяснениями Правительствующего сената и комментариями русских юристов. М. : Статут, 2004.
5. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. // Известия ВЦИК. 1922. 12 нояб. № 256.
6. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000.
7. Чукреев А. А. Добросовестность в системе принципов гражданского права // Журнал российского права. 2002. № 11.
8. Голубцов В. Г. Принцип добросовестности как элемент правового механизма стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательств и гарантирования интересов кредиторов: анализ судебно-арбитражной практики // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. Вып. 32.
9. Приказ ФССП России от 21 мая 2021 г. № 248 «Об утверждении Кодекса этики и служебного поведения сотрудников органов принудительного исполнения Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
10. Кант И. Сочинения: в 6 т. Т. 4. Ч. 1. М. : Мысль, 1965.
11. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 ноября 2022 г. № 5-КГ22-111-К2 // СПС «КонсультантПлюс».
12. Решение Кировского районного суда г. Екатеринбурга от 10 февраля 2020 г. по делу № 66RS0003-01-2019-007058-56 // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Departmental Statistics of the FSSP. URL: https://fssp.gov.ru/deals/osnovnye_rezultaty_deyatelnosti_federalnojj_sluzhby_sudebnykh_pristavov/statistics (date of the application: 26.03.2025). (In Russ.)
2. Novitskii I. B. The Principle of Good Conscience in the Draft Law of Obligations. *Civil Law Review*, 2006, no. 6. (In Russ.)
3. Dozhdev D. V. Good Faith (*Bona Fides*) as a Legal Principle. In Nersesiants V. S. (ed.). *Political and Legal Values: History and Modernity*. Moscow: Editorial URSS, 2000. (In Russ.)
4. Tiutriumov I. M. *Civil Laws with Explanations of the Governing Senate and Commentaries of Russian Lawyers*. Moscow: Statut, 2004. (In Russ.)
5. Civil Code of the RSFSR of 1922. *Izvestiia of the All-Russian Central Executive Committee*, November 12, 1922, no. 256. (In Russ.)
6. Gribanov V. P. *Implementation and Protection of Civil Rights*. Moscow: Statut, 2000. (In Russ.)
7. Chukreev A. A. Good Faith in the System of Civil Law Principles. *Journal of Russian Law*, 2002, no. 11. (In Russ.)
8. Golubtsov V. G. The Principle of Good Faith as an Element of the Legal Mechanism for Incentives for the Debtor to Properly Fulfill Obligations and Guarantee the Interests of Creditors: Analysis of Judicial and Arbitration Practice. *Bulletin of Perm University. Legal Sciences*, 2016, iss. 32. (In Russ.)
9. Order of the Federal Bailiffs Service of Russia of May 21, 2021 No. 248 "On Approval of the Code of Ethics and Official Conduct of Employees of Enforcement Bodies of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
10. Kant I. *Works*. In 6 vols. Vol. 4. Part 1. Moscow: Mysl, 1965. (In Russ.)
11. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2022 No. 5-KG22-111-K2 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
12. Decision of the Kirovsky District Court of Yekaterinburg of February 10, 2020 in Case No. 66RS0003-01-2019-007058-56 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. А. Слепухин – старший преподаватель.

Information about the author:

Yu. A. Slepukhin – Senior Lecturer.

Статья поступила в редакцию 22.09.2025; одобрена после рецензирования 22.10.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 22.09.2025; approved after reviewing 22.10.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 351

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-97-112>

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИИ РАСПРЕДЕЛЕННОГО РЕЕСТРА В КОНТЕКСТЕ ПРИНЦИПОВ РЕГИСТРАЦИИ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ

Дмитрий Сергеевич Четвергов

Центральный банк Российской Федерации (Банк России), 107016,

Россия, г. Москва, ул. Неглинная, д. 12, к. В

mitridat1999@yandex.ru

Аннотация

Распределенный цифровой реестр представляет собой регистрационную систему, которая учитывает имущественные права. Технология влияет и на правовые принципы, лежащие в основе регистрации имущественных прав. При этом вопрос функционирования таких принципов в распределенном цифровом реестре в недостаточной мере исследован в юридической науке. Цель настоящей работы – с опорой на общенаучные (анализ, синтез) и специально-юридические (юридико-догматический, сравнительно-правовой) методы исследования установить, каково влияние технологии распределенного реестра на правовые принципы функционирования регистрационных систем. Установлено, что наиболее существенное влияние на принципы регистрации прав оказывает неизменяемость вносимой в такой реестр информации, а также невозможность двойного списания выпускаемых в таких реестрах цифровых активов. При этом правовые принципы могут действовать по-разному в зависимости от наличия или отсутствия в реестре администратора, контролирующего внесение записей.

Ключевые слова: распределенный реестр; блокчейн; регистрация прав; регистрационная система; принципы; токены.

Для цитирования: Четвергов Д. С. Применение технологии распределенного реестра в контексте принципов регистрации имущественных прав // Вестник Рос-

сийской правовой академии. 2026. № 2. С. 97–112. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-97-112>

Research Article

APPLICATION OF DISTRIBUTED REGISTRY TECHNOLOGY IN THE CONTEXT OF THE PRINCIPLES OF REGISTRATION OF PROPERTY RIGHTS

Dmitrii S. Chetvergov

Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia), 12 Neglinnaia St.,
Moscow, 107016, Russia
mitridat1999@yandex.ru

Abstract

A distributed digital ledger is a registration system capable of recording property rights. The technology also impacts the legal principles underlying the registration of property rights. However, the question of how these principles function within a distributed digital ledger has not been sufficiently explored in legal science. The purpose of this study is to determine, based on general scientific (analysis, synthesis) and specialized legal (legal-dogmatic, comparative) research methods, the influence of distributed ledger technology on the legal principles governing the operation of registration systems. It has been established that the most significant impact on the principles of rights registration is exerted by the immutability of information entered into such a ledger, as well as the impossibility of double spending of digital assets issued within such ledgers. Furthermore, these legal principles can operate differently depending on whether the ledger has an administrator controlling the entry of records or lacks such an administrator.

Keywords: distributed ledger; blockchain; registration of rights; registration system; principles; tokens.

For citation: *Chetvergov D. S. Application of Distributed Registry Technology in the Context of the Principles of Registration of Property Rights. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 2, pp. 97–112. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-97-112>

Введение

Технология распределенного реестра, наиболее распространенной формой которой является блокчейн, в последние годы существенно трансформировала экономические отношения и в первую очередь финансовую систему.

Технология позволила создать новые инструменты расчета на базе распределенных реестров, такие как криптовалюты, в том числе обеспеченные криптовалютой (стейблкоины), и цифровые права. Эти цифровые права являются цифровыми аналогами традиционных финансовых инструментов, объединяемых общим термином «криптоактивы» или «цифровые токены». Это активы, выпускаемые в распределенном цифровом реестре, которые представляют собой запись в распределенном реестре и могут удостоверяют различные имущественные права.

Для российской экономики использование криптоактивов приобрело особое значение на фоне усилившегося санкционного давления со стороны недружественных иностранных правительств. Последние поправки в Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] (далее – Федеральный закон № 259-ФЗ) прямо предусматривают возможность использования цифровых прав в трансграничных расчетах.

При этом использование криптоактивов в гражданском обороте вызывает ряд вопросов правового характера, которые являются предметом дискуссий до сих пор. Среди них одним из важнейших, но при этом одним из наименее проработанных в литературе является вопрос о правовых характеристиках самого распределенного реестра и правовых принципах его функционирования.

В настоящей работе, с опорой на общенаучные (анализ, синтез) и специально-юридические (формально-юридический и историко-правовой) методы, исследовано значение технологии распределенного реестра как системы регистрации имущественных прав и обозначено влияние данной технологии на привычные правовые принципы регистрации.

Основная часть

Ключевой характеристикой криптоактива, независимо от его формы, является выпуск и размещение в распределенном цифровом реестре. Именно система распределенного реестра предопределяет порядок оборота криптоактивов и особенности обладания лицом отдельными цифровыми токенами.

Как видится, с точки зрения права распределенный цифровой реестр не является отдельным видом реестра, но выступает технологической формой функционирования регистрационной системы, которая зачастую предопределяет правовое содержание. При этом в форме распределенного цифрового реестра могут функционировать привычные нам реестры юридически значимой информации, например, реестры недвижимости или реестры исключительных прав [2, с. 16]. Очевидно, что распределенный цифровой реестр не является единственным и исторически первым способом фиксации имущественных прав.

Как справедливо отмечает К. И. Забоев, основное назначение любых публично достоверных реестров – минимизация рисков получения недостоверной ин-

формации о контрагентах и их имуществе [3, с. 98]. При этом следует согласиться с В. В. Тихоновым, что реестры являются не просто местом фиксации отдельных юридических фактов, но и самостоятельным правовым режимом [4, с. 35].

В гражданском обороте выделяются различные реестры, содержащие юридически значимую информацию. По мнению Р. С. Бевзенко, такие реестры можно разделить на реестры фактов, содержащие информацию о свершившихся событиях, и реестры прав, включающие в себя права на отдельные объекты. В то время как первые носят информационный (деклараторный) характер, вторые обладают правопорождающим (конститутивным) эффектом [5, с. 613].

При этом справедливой представляется и точка зрения, в соответствии с которой регистрация в правопорождающем реестре обладает большей ценностью для оборота, и, как следствие, лицо, осуществляющее такую регистрацию, должно проявлять более высокую степень осмотрительности при ведении такого реестра [6, с. 72].

Таким образом, основным назначением правопорождающих реестров является формирование особой доверенной среды, в которой участники оборота могли бы полагаться на сведения из указанных реестров вместо того, чтобы каждый раз «вручную» проверять все сведения, указанные в них. Как справедливо отмечает С. С. Иванов, акт регистрации создает презумпцию знания всех третьих лиц о существовании права, что, в свою очередь, позволяет защитить добросовестных участников гражданского оборота [7, с. 174].

Существуют и примеры реестров, которые объединяют в себе признаки реестров фактов и реестров прав. К таким можно отнести, например, реестры исключительных прав. Как справедливо отмечает Л. А. Новоселова, внесение объекта исключительных прав в реестр строилось не только на необходимости информировать третьих лиц о личности обладателя, но скорее на удостоверении факта существования объекта права в принципе [8, с. 67].

Распределенный цифровой реестр можно квалифицировать схожим образом. Подобно тому, как результат интеллектуальной деятельности не имеет материального субстрата, который мог бы стать объективным подтверждением факта существования объекта, существование цифрового токена обусловлено исключительно наличием записи в реестре.

Следует также отметить, что удостоверение прав в реестре позволяет установить принадлежность прав, которые в случае отсутствия такого реестра определить было бы достаточно сложно. Так, именно реестровый режим лежит в основе удостоверения прав на недвижимое имущество, в то время как принадлежность движимых вещей определяется фактическим владением [9].

Регистрационная система недвижимого имущества является одной из самых исторически ранних (в Англии система регистрации недвижимости известна как минимум с XVII в.) [10, р. 4] и оттого – наиболее проработанных в юридической науке регистрационных систем. Т. П. Подшивалов указывает, что такая регистрация является гарантией прав третьих лиц, которые впоследствии заключают те или иные сделки в отношении данного объекта недвижимости [11, с. 22].

Как справедливо отмечают Л. А. Новоселова и О. А. Полежаев, именно правовой режим реестра недвижимости зачастую лежит в основе иных регистрационных систем [12, с. 94].

Рассматривая распределенный реестр как техническую форму существования регистрационной системы, следует понимать, что технические особенности функционирования распределенных реестров будут предопределять его юридические свойства [13, с. 169]. Так, в зависимости от того, является ли распределенный реестр частным (т.е. имеющим администратора, способного вносить изменения в реестр) или публичным (т.е. не имеющим такого администратора), юридические принципы функционирования такого реестра будут отличаться.

Для того чтобы понять особенности влияния технологии распределенного реестра как своеобразного вида регистрационной системы на правовой режим токенов, следует выделить основные юридические принципы его функционирования. Принципы создают основу правового регулирования в конкретной сфере. Так, Г. Ф. Шершеневич писал, что принципы права позволяют предугадывать частные правила на не предусмотренные законодательством случаи [14, с. 13], что особенно важно для вновь формирующегося правового регулирования, такого как правовое регулирование цифровых токенов.

Следует выделить общие принципы различных реестровых (регистрационных) систем и на основе данных принципов выделить особенности их преломления при применении технологии распределенного цифрового реестра как специального вида регистрационной системы. Основные начала регистрации имущественных прав содержатся в ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), из которой можно выделить общие принципы такой регистрации.

Применительно к регистрационной системе недвижимого имущества традиционно выделяется семь принципов, лежащих в ее основе. Это принцип внесения и корреспондирующий ему принцип противопоставимости, а также принципы легалитета, публичной достоверности, открытости, специалитета и старшинства [15, с. 28].

Схожие принципы выделяются в отношении системы регистрации исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности. Так, Л. А. Новоселова и Е. С. Гринь выделяют материальные и процессуальные (организационные) принципы. К первым относятся принципы публичной достоверности, обязательности, единства реестра. Ко второй группе – принцип публичности сведений о регистрации, принцип внесения записей в реестр, проверки законности оснований регистрации и учет обременений прав, а также принцип обеспечения устойчивости [16, с. 11].

По мнению Верховного Суда РФ, положения ст. 8.1 ГК РФ [17] охватывают и иные регистрационные системы, такие как регистрация юридических лиц в ЕГРЮЛ, регистрация эмиссионных ценных бумаг, долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью и т.д. [18]. Из этого можно сделать вывод о существовании общих принципов регистрации имущества, применимых и к цифровым токенам.

Наконец, определенный интерес может представлять и система регистрации актов гражданского состояния, которая, хотя и не является системой регистрации имущества, представляет собой систему регистрации актов, имеющих гражданско-правовые последствия. В рамках данной системы выделяются принципы законности и достоверности, официальности, доступности, доказательной силы, конститутивности, единства и целостности реестра [19, с. 66].

На основе указанных принципов можно выделить особенности применения общих принципов регистрационных систем к распределенным цифровым реестрам и выпускаемым в них активам.

1. **Принцип внесения (конститутивности)** предполагает, что для возникновения права оно должно быть внесено в реестр. Этот принцип означает, что «до внесения подлежащей записи... не могло быть вовсе речи о существовании... [права]... как такового» [20, с. 318]. Таким образом, внесение записи в реестр является обязательным и завершающим элементом сложного юридического состава перехода прав на вещь [21; 22]. В рамках ГК РФ данный принцип выражен в п. 2 ст. 8.1 [17].

Применительно к распределенным цифровым реестрам выражением принципа внесения является принцип, сформулированный Лоуренсом Лессигом: «*Code is law*» [23, с. 729]. В рамках этого принципа данные, находящиеся в распределенном реестре, и в первую очередь информация о владельце криптоактивов, признаются объективно и бесспорно отражающими правовую действительность.

В рамках российского закона о цифровых финансовых активах принцип внесения выражен в ч. 7 ст. 4 Федерального закона № 259-ФЗ, в соответствии с которым обладателями цифровых финансовых активов являются пользователи информационной системы на основе распределенного реестра, обеспечивающие тождественность информации, содержащейся в этой системе, путем подтверждения действительности вносимых в нее (изменяемых в ней) записей, а также фактические владельцы уникальных кодов, позволяющих им получать информацию о цифровых финансовых активах (ЦФА), которыми они обладают, и распоряжаться ими в информационной системе [24, с. 3].

Принцип внесения действует и в отношении иных цифровых токенов. При этом действие данного принципа не зависит от того, в частном или публичном распределенном реестре данный токен выпущен. Это обусловлено реестровой природой токена, которая заключается в том, что вне распределенного реестра токен не может существовать в принципе [25, с. 11]. Таким образом, токен возникает в распределенном реестре, и права на него переходят также путем внесения записи в реестр.

2. Принципу внесения корреспондирует **принцип противопоставимости**, в соответствии с которым у участника гражданских правоотношений возникает обязанность дополнительно устанавливать законность записей, внесенных в реестр. Данный принцип является своеобразным исключением из принципа внесения, в соответствии с которым внесение записи в реестр обладает лишь доказательственным (правоподтверждающим) значением для иного факта (например, сделки, которая и является основанием перехода прав) и делает его противопоставимым третьим лицам [26, с. 81].

Принцип противопоставимости не позволяет субъектам ограничиваться данными реестра и вынуждает их дополнительно проверять отдельные сведения, поскольку к записям в реестре могут быть предъявлены определенные возражения [12, с. 93]. В литературе справедливо отмечается, что принцип противопоставимости характерен для регистрационных систем, обладающих не конstitutивным, а доказательственным характером [27, с. 82].

Таким образом, то, применяется ли к цифровым токенам принцип внесения или принцип противопоставимости, должно предопределяться в первую очередь тем, является ли токен самоценным или несамоценным. В первом случае, в силу того, что токен не существует вне реестра, должен применяться принцип внесения. Во втором случае применение того или иного принципа зависит от того, является ли токен удостоверяющим ранее возникшие права из сделок или имущественные права возникают из самого факта обладания токеном.

3. Принцип легалитета (законности) содержится в абз. 2 п. 1 ст. 8.1 ГК РФ и звучит следующим образом: «Государственная регистрация прав на имущество осуществляется уполномоченным в соответствии с законом органом на основе принципов проверки законности оснований регистрации...». Это означает, что регистратор должен проверить законность сделки по передаче имущества, актов государственных органов и других фактов [28, с. 60].

Принцип легалитета имеет своей целью обеспечение доверия к реестру. Участники оборота обоснованно больше доверяют тому реестру, на держателя которого возложена обязанность по проверке законности вносимых записей.

В зависимости от интенсивности проверки обычно различают внешний (формальный) и полный легалитет [6, с. 76]. При внешнем легалитете в задачу регистрирующего органа не входит установление того, действительно ли имело место составление документа, была ли подлинной воля лица, его подписавшего, и т.д.; проверка осуществляется только по формальным признакам соответствия документа требованиям законодательства. Полный же легалитет означает, что регистратор проверяет все перечисленные факты. При этом отмечается, что соблюдение принципа полного легалитета в рамках гражданского оборота является практически невозможным, поэтому имеющиеся регистрационные системы ограничиваются теми или иными формами внешнего легалитета [6, с. 77].

Применительно к активам, выпускаемым в распределенных цифровых реестрах, принцип легалитета осуществляется с учетом тех особенностей, что для большинства распределенных реестров в принципе отсутствует лицо, проверяющее законность совершаемых транзакций в сети.

Как представляется, соблюдение принципа легалитета в рамках распределенных цифровых реестров возможно только в частных реестрах, в рамках которых существует администратор, который сможет оценивать соответствие вносимой в реестр информации законодательству. Так, в рамках правового режима цифровых финансовых активов на оператора информационной системы ложится функционал по проверке размещаемых в информационной системе ЦФА, их эмитентов [29, с. 26], а также установлена ответственность за нарушение требований в части осуществления такой проверки (ч. 18 и 19 ст. 5 Федерального закона № 259-ФЗ [1]).

В случае с публичными реестрами отсутствует лицо, проводящее проверку вносимой информации. Информация в такой реестр вносится либо автоматически (например, в случае с классическими криптовалютами), либо самим лицом, которое и осуществляет транзакции в рамках распределенного реестра. Как представляется, в данном случае принцип легалитета не может быть соблюден.

При этом нельзя однозначно сказать, что принцип легалитета является единственным способом обеспечить доверие участников гражданского оборота к реестру. Как ранее отмечалось в настоящей работе, распределенный цифровой реестр создает особую среду доверия, в рамках которой участники оборота доверяют не лицам (контрагентам или регистраторам), а технологии, которая обеспечивает надежность оборота токенов [30, р. 8].

Как отмечается, в частности, зарубежными исследователями, лицо, приобретающее право, представленное токеном, всегда должно быть уверено, что оно получит представленное право при передаче токена (доверие к сделке) [31, р. 85]. Такое доверие в случае распределенного реестра обеспечивается невозможностью произвольного внесения изменений в такой реестр. В рамках распределенного цифрового реестра лицо не может приобрести токен от лица, не являющегося его текущим обладателем, т.е. приобрести токен, уже ранее отчужденный другому лицу, о чем будет сказано при рассмотрении принципа публичной достоверности реестра.

Также отдельным средством обеспечения доверия к распределенному реестру может являться принцип самоисполнимости смарт-контракта. Смарт-контракт может быть альтернативой для принципа формального легалитета, поскольку в рамках смарт-контракта форма сделки предопределяется самой компьютерной программой и не требует дополнительной формальной проверки.

4. Принцип открытости (доступности) предполагает доступность сведений из реестра для широкой публики. Как отмечает Р. С. Бевзенко, открытость является сущностным принципом функционирования торговых реестров, поскольку доступность сведений для публики является назначением такой регистрации [6, с. 78].

В распределенных цифровых реестрах принцип открытости имеет свои существенные ограничения. Технология распределенных цифровых реестров, в частности самый ранний ее вариант – сеть *Bitcoin*, предполагает полную открытость информации о содержании транзакций [32, с. 15]. При этом сведения об участниках транзакций в таких сетях, напротив, остаются закрытыми, поскольку криптокошельки, на которых хранятся цифровые токены, являются анонимными (или псевдо-анонимными) в большинстве публичных распределенных реестров [33, с. 219].

Безусловно, администраторы частных распределенных реестров могут установить иные правила их функционирования, в том числе предусмотреть полную деанонимизацию пользователей таких реестров [34, р. 211]. Основной из таких способов – различные процедуры по системе «Знай своего клиента» (KYC), практикуемые, в частности, крупнейшими криптобиржами.

При этом свойства распределенного цифрового реестра, а именно невозможность его произвольного изменения, могут быть в том числе инструментом обеспечения открытости реестра [35]. В том случае, если проведена идентификация пользователя (например, в рамках KYC-процедуры), распределенный цифровой

реестр обеспечивает открытость и неизменность, в том числе и информации об идентифицированном пользователе.

5. Принцип публичной достоверности является одним из самых неоднозначных при рассмотрении правового значения распределенных цифровых реестров. Публичная достоверность реестра означает, что (1) факты и права, записанные в реестр, для третьих добросовестных лиц считаются существующими и (2) факты и права, не записанные в реестр, для этих лиц не считаются существующими [6, с. 78]. Свойство публичной достоверности является особым юридическим положением, при котором все участники оборота управомочены, а иногда и обязаны полагаться на сведения реестра. Принцип публичной достоверности выступает следствием соблюдения вышеуказанных принципов внесения, легалитета и открытости [36, с. 64].

При этом действие принципа публичной достоверности распространяется на добросовестных участников оборота – тех лиц, которые полагаются на достоверность реестра и не знают о пороках воли, лежащих в основе записей.

Свойства распределенного цифрового реестра как регистрационной системы позволяют вносить в нее записи, которые не могут быть каким-либо образом изменены или удалены так, чтобы об этом не стало известно остальным участникам системы [37, с. 89]. При этом доступ к некоторым действиям в системе возможен только при наличии у лица ключа (пароля). Все это позволяет констатировать высокую степень сохранности информации в распределенном реестре, а также обеспечить ее достоверность [2, с. 17].

При этом, как отмечается в литературе, неизменность вносимой в распределенный реестр информации автоматически не означает юридической достоверности такого реестра. По мнению Л. А. Новоселовой и О. А. Полежаева, технологически обеспечиваемая достоверность не конвертируется в юридическую ввиду того, что сохраняется проблема обеспечения достоверности сведений при их внесении [12, с. 92; 1, с. 17].

В случае с частными распределенными реестрами обязанность по проверке вносимых в реестры данных должна быть возложена на администраторов таких реестров; в данном случае проверка осуществляется в рамках соблюдения принципа легалитета. При этом представляется верной точка зрения, что такая обязанность должна быть возложена на администраторов реестра законом [12, с. 92].

В случае с публичными распределенными реестрами предварительная проверка вносимых в распределенный реестр данных не производится. Кроме того, анонимность пользователей таких реестров не позволяет такому распределенному реестру быть в должной мере открытым.

При этом в исследованиях, посвященных распределенным цифровым реестрам, существует и иная позиция, в соответствии с которой технические свойства реестра могут обеспечить его достоверность даже без формального соблюдения принципов легалитета и открытости.

Дело в том, что техническая невозможность произвольного внесения изменений в распределенный реестр позволяет решить проблему двойной траты, т.е. ситуации, при которой уже отчужденный иному лицу объект неправомерно отчужда-

ется повторно. Указанная проблема является одной из основных причин, влекущих необходимость проверки достоверности вносимых в реестр сведений.

В свою очередь, технология распределенного реестра ставит метки времени на транзакции, соединяя их в цепочку доказательств проделанной работы на основе хэширования. Сформированные таким образом записи невозможно изменить, не выполнив заново всего объема вычислений [38], следовательно, двойное списание токена в такой сети становится невозможным. Устранение данного риска приводит к тому, что участники сети могут быть уверены, что получают желаемый актив от лица, являющегося во всяком случае текущим обладателем отчуждаемого объекта, а значит, могут доверять данным реестра [39, с. 103].

Безусловно, тот факт, что в текущий момент отчуждатель является обладателем цифрового токена, не значит, что данный токен был приобретен им на законных основаниях. Тем не менее в рамках уже существующих регистрационных систем проверке подлежит лишь законность последнего перехода прав (т.е. добросовестность последнего приобретателя) ввиду того, что он указан в записи в реестре, но не проверяется добросовестность приобретения актива предыдущими обладателями.

Таким образом, «техническая» достоверность публичного реестра, выражающаяся в сложности произвольного внесения изменений в реестр, должна влечь за собой и юридическую достоверность такого реестра. В противном случае у добросовестного приобретателя криптоактивов, полагающегося на данные распределенного реестра, возникала бы обязанность каждый раз проверять правомерность наличия приобретаемых криптоактивов у отчуждателя, что практически невозможно, учитывая анонимность участников реестра и невозможность определить источник появления криптоактивов у участника распределенного реестра.

Кроме того, защищенность данных в распределенном реестре значительно снижает риск порока воли при совершении транзакций. Как справедливо отмечается в литературе, доступ к криптокошельку обеспечивается наличием ключа (пароля), скомпрометировать который третьему лицу достаточно сложно [40, с. 16].

Наконец, как представляется, единственным способом сохранения стабильности оборота на рынке криптоактивов в публичных реестрах остается признать добросовестным приобретателя криптоактивов, полагавшегося на данные распределенного реестра, а значит, и признать за таким реестром принцип публичной достоверности. В противном случае на приобретателя криптоактива легла бы обязанность по проверке юридических фактов, лежащих за рамками распределенного реестра, что оказалось бы непосильной задачей в условиях анонимности участников такого реестра.

6. Принцип специалитета означает, что реестр ведется пообъектно, а его структурной единицей является раздел, содержащий описание определенного объекта, соответствующее действительности. В случае изменения определенных свойств объекта соответствующее изменение должно быть внесено в реестр [27, с. 82].

Применительно к распределенным цифровым реестрам необходимо отметить важную особенность, которая заключается в том, что реестр токенов включает в себя не просто записи о правах на объекты, а сами объекты. В случае если цифровой токен удостоверяет какое-то право, оно должно быть привязано к конк-

ретному токenu, поскольку в обороте такое токенизированное право будет выступать именно в виде токена. Таким образом, все существенные свойства токенизированного объекта, а также изменение таких свойств должны отражаться в токене, из чего можно сделать вывод, что принцип специалитета в отношении распределенного реестра будет соблюдаться всегда.

7. Наконец, **принцип старшинства** исходит из общего правила «*prior tempore potior iure*» («первый по времени сильнее по праву») и содержится в некоторых положениях ГК РФ (ст. 342, 342.1, 398) [17]. К. И. Новиков указывает, что необходимость данного принципа возникает вследствие развития начала внесения для разрешения коллизий между конкурирующими правами, записанными в реестр [40, с. 53].

Применительно к регистрационной системе, основанной на распределенных цифровых реестрах, принцип старшинства соблюдается исходя из технических особенностей такого реестра. Как уже ранее указывалось, время каждой транзакции фиксируется в системе и повторный перевод уже переданного объекта невозможен. Таким образом, принцип старшинства превращается из юридического принципа в технологический, обеспечиваемый не лицом-реестродержателем, а в силу самого устройства регистрационной системы.

8. Выделяемый в некоторых исследованиях **принцип единства** реестра предполагает наличие единого реестра, содержащего всю информацию об объектах. По принципу единства ведутся, в частности, Единый государственный реестр недвижимости и Единый государственный реестр юридических лиц. При этом, как отмечается в исследованиях, принцип единства актуален в случаях, когда в реестр вносятся однородные объекты [16, с. 14].

Заключение

Описанное многообразие токенов не предполагает их нахождение в едином реестре хотя бы в силу того, что самих систем распределенного реестра существует великое множество [41]. При этом технология распределенного реестра позволяет создать отдельный реестр, содержащий однородные токены, который будет отвечать принципу единства.

Учитывая вышесказанное, следует отметить, что ключевым и наиболее значимым с точки зрения правового режима криптоактивов свойством распределенного цифрового реестра является защищенность данных от возможного изменения или удаления после внесения их в реестр. При этом для сохранности таких данных нет необходимости в наличии отдельного лица, контролирующего сохранность данных, а также контролирующего осуществление транзакций (реестродержателя или администратора).

Тем не менее гарантированная сохранность данных позволяет распределенному реестру безопасно отходить от некоторых привычных принципов функционирования реестров юридически значимой информации, в том числе порожающих реестров. Так, в ряде случаев публичная достоверность таких реестров может быть обеспечена без соблюдения принципа легалитета или полноценного соблюдения принципа открытости ввиду технических особенностей самого распределенного реестра.

В случае с частными реестрами, в которых существует администратор, технология распределенного реестра служит дополнительной гарантией сохранности информации, что позволяет создавать юридически значимые реестры с использованием данной технологии.

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
2. Харитонова Ю. С. Правовое значение фиксации интеллектуального права с помощью технологии распределенных реестров // Право и экономика. 2018. № 1.
3. Забоев К. И. Публичная достоверность Единого государственного реестра юридических лиц и воля юридического лица // Закон. 2015. № 3.
4. Тихонов В. В. Типизация функционального назначения информационных реестров в сфере правового регулирования предпринимательства // Хозяйство и право. 2023. № 8.
5. Основные положения гражданского права : постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2020.
6. Бевзенко Р. С. Торговая регистрация и торговые реестры: история и теория // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 6.
7. Иванов С. С. Регистрация лицензий, бессмысленная и беспощадная // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 11.
8. Новоселова Л. А. Государственная регистрация результатов интеллектуальной деятельности: история вопроса // Хозяйство и право. 2019. № 3.
9. Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М. : Статут, 1998.
10. Mayer P., Pemberton A. Short History of Land Registration. London : HM Land Registry, 2000.
11. Подшивалов Т. П. К вопросу о способах достижения реализации принципа правовой определенности // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.) : сборник научных статей. М. : Статут, 2016.
12. Новоселова Л. А., Полежаев О. А. Правовые риски совершения сделок с объектами интеллектуальных прав на цифровых платформах // Закон. 2019. № 10.
13. Беликов Е. Г., Беликова А. В. Цифровые финансовые активы как объект гражданских прав // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 6 (131).
14. Шершеневич Г. Ф. Задачи и методы гражданского правоведения. Казань : Типо-лит. Имп. ун-та, 1898.
15. Бевзенко Р. С. Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: проблемы и пути решения // Вестник гражданского права. 2011. № 5.
16. Новоселова Л. А., Гринь Е. С. Принципы государственной регистрации результатов интеллектуальной деятельности и средств индивидуализации // Lex russica. 2019. № 7.

17. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».
19. Трофимец И. А. Регистрационное пространство Королевства Испания: сектор актов гражданского состояния // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 11.
20. Гантовер Л. В. Залоговое право. Объяснения к положениям главы IV раздела I проекта Вотчинного устава. СПб. : Гос. тип., 1890.
21. Godefroy L. Le code algorithmique au service du droit // Recueil Dalloz. 12 avril 2018. № 14/7771.
22. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 ноября 2016 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 1 статьи 2 Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним» в связи с жалобой гражданина Н. Н. Марасанова» // СПС «КонсультантПлюс».
23. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 30 июля 2019 г. № 4-КГ19-28 // СПС «КонсультантПлюс».
24. Кресс В. В. Развитие гражданско-правовых сообществ как признак и следствие цифровизации гражданских правоотношений // Предпринимательское право. 2024. № 4.
25. Ефимова Л. Г. Цифровые активы и права на них в контексте изменения гражданского и банковского законодательства // Банковское право. 2021. № 5.
26. Бевзенко Р. С. Комментарий к ст. 8.1 Гражданского кодекса РФ // Вестник экономического правосудия РФ. 2019. № 11; 12.
27. Метелева Ю. А. Обжалование отказов в государственной регистрации прав на земельный участок как один из способов установления достоверных сведений для внесения в ЕГРН // Право и экономика. 2021. № 6.
28. Тропская С. С. Цифровые финансовые активы как новый феномен финансового рынка: правовое регулирование и особенности налогообложения // Финансовое право. 2025. № 6.
29. Nagele T. Sekundarmarkt für Security Token. Wien: Jan Sramek, 2020.
30. Nagele T. The Legal Nature of Tokens. DLT Media, 2021.
31. Брой Ш. У. Регулирование блокчейн-проектов, основанных на технологии распределенного реестра // Право и цифровая экономика. 2021. № 4.
32. Новоселова Л. А. Криптовалюта как объект взыскания в исполнительном производстве // Вестник гражданского процесса. 2025. № 1.
33. Gabison G. Policy Considerations for the Blockchain Technology Public and Private Applications // SMU Science and Technology Law Review. 2016. Vol. 19.
34. Bacon J. et al. Blockchain Demystified // SSRN : сайт. URL: <https://ssrn.com/abstract=3091218> (дата обращения: 10.12.2025).
35. Скловский К. И. Комментарий к Постановлению Пленума Верховного Суда РФ и Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 «О неко-

торых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав». М. : Статут, 2011.

36. *Поппер Н.* Цифровое золото: невероятная история биткойна или о том, как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново / пер. с англ. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2016.

37. *Nakamoto S.* Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System // United States Sentencing Commission : сайт. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/pdf/training/annual-national-training-seminar/2018/Emerging_Tech_Bitcoin_Crypto.pdf (дата обращения: 10.12.2025).

38. *Санникова Л. В., Харитонов Ю. С.* Цифровые активы: правовой анализ : монография. М. : 4 Принт, 2020.

39. *Бегичев А. В., Рисовская С. С.* Проблемы правового регулирования наследования криптовалют // Наследственное право. 2023. № 3.

40. *Новиков К. А.* Государственная регистрация прав на недвижимое имущество: предпосылки, цели и главные приемы их достижения : монография. М. : Проспект, 2019.

41. *Markovic S.* The Impact of Blockchain on Supply Chain Transparency and Security in Europe // SSRN : сайт. URL: <https://ssrn.com/abstract=5078905> (дата обращения: 10.12.2025).

References

1. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ "On Digital Financial Assets, Digital Currency, and Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

2. *Kharitonova Iu. S.* Legal Significance of Recording Intellectual Property Rights Using Distributed Ledger Technology. *Law and Economics*, 2018, no. 1. (In Russ.)

3. *Zaboev K. I.* Public Reliability of the Unified State Register of Legal Entities and the Will of a Legal Entity. *Law*, 2015, no. 3. (In Russ.)

4. *Tikhonov V. V.* Typification of the Functional Purpose of Information Registries in the Sphere of Legal Regulation of Entrepreneurship. *Business and Law*, 2023, no. 8. (In Russ.)

5. *Karapetov A. G. (ed.).* Fundamental Provisions of Civil Law: Article-by-Article Commentary to Articles 1–16.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2020. (In Russ.)

6. *Bevzenko R. S.* Trade Registration and Trade Registers: History and Theory. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 6. (In Russ.)

7. *Ivanov S. S.* License Registration: Senseless and Merciless. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 11. (In Russ.)

8. *Novoselova L. A.* State Registration of the Results of Intellectual Activity: History of the Issue. *Business and Law*, 2019, no. 3. (In Russ.)

9. *Pokrovskii I. A.* Main Problems of Civil Law. Moscow: Statut, 1998. (In Russ.)

10. *Mayer P., Pemberton A.* Short History of Land Registration. London: HM Land Registry, 2000.

11. Podshivalov T. P. On Ways to Achieve the Implementation of the Principle of Legal Certainty. In Seventh Perm Congress of Legal Scholars (Perm, November 18–19, 2016): Collection of Scientific Articles. Moscow: Statut, 2016. (In Russ.)
12. Novoselova L. A., Polezhaev O. A. Legal Risks of Transactions with Intellectual Property on Digital Platforms. *Law*, 2019, no. 10. (In Russ.)
13. Belikov E. G., Belikova A. V. Digital Financial Assets as an Object of Civil Rights. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2019, no. 6 (131). (In Russ.)
14. Shershenevich G. F. Tasks and Methods of Civil Law. Kazan: Imperial University Printing House, 1898. (In Russ.)
15. Bevzenko R. S. State Registration of Rights to Real Estate: Problems and Solutions. *Civil Law Review*, 2011, no. 5. (In Russ.)
16. Novoselova L. A., Grin E. S. Principles of State Registration of the Results of Intellectual Activity and Means of Individualization. *Lex russica*, 2019, no. 7. (In Russ.)
17. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
18. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 23, 2015 No. 25 "On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
19. Trofimets I. A. Registration Space of the Kingdom of Spain: The Civil Status Acts Sector. *Current Issues of Russian Law*, 2021, no. 11. (In Russ.)
20. Gantover L. V. Pledge Law. Explanations to the Provisions of Chapter IV of Section I of the Draft Patrimonial Charter. St. Petersburg: State Printing House, 1890. (In Russ.)
21. Godefroy L. The Code Algorithm for the Service of Payments. *Dalloz*, April 12, 2018, no. 14/7771.
22. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 10, 2016 No. 23-P "On the Case Concerning the Verification of the Constitutional Validity of the Provisions of the Second Paragraph of Clause 1 of Article 2 of the Federal Law 'On State Registration of Rights to Real Estate and Transactions Therewith' in Connection with the Complaint of Citizen N. N. Marasanov" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
23. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of July 30, 2019 No. 4-KG19-28 (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
24. Kress V. V. Development of Civil Law Communities as a Sign and Consequence of the Digitalization of Civil Legal Relations. *Business Law*, 2024, no. 4. (In Russ.)
25. Efimova L. G. Digital Assets and Rights to Them in the Context of Changes in Civil and Banking Legislation. *Banking Law*, 2021, no. 5. (In Russ.)
26. Bevzenko R. S. Commentary on Article 8.1 of the Civil Code of the Russian Federation. *Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation*, 2019, no. 11; 12. (In Russ.)
27. Metev Iu. A. Appealing Refusals of State Registration of Rights to a Land Plot as One of the Ways to Establish Reliable Information for Inclusion in the Unified State Register of Real Estate. *Law and Economics*, 2021, no. 6. (In Russ.)
28. Tropsha S. S. Digital Financial Assets as a New Phenomenon of the Financial Market: Legal Regulation and Taxation Features. *Financial Law*, 2025, no. 6. (In Russ.)
29. Nagele T. Sekundarmarkt für Security Token. Vienna: Jan Sramek, 2020.
30. Nagele T. The Legal Nature of Tokens. DLT Media, 2021.

31. Broy S. U. Regulation of Blockchain Projects Based on Distributed Ledger Technology. *Law and Digital Economy*, 2021, no. 4. (In Russ.)
32. Novoselova L. A. Cryptocurrency as an Object of Collection in Enforcement Proceedings. *Herald of Civil Procedure*, 2025, no. 1. (In Russ.)
33. Gabison G. Policy Considerations for the Blockchain Technology Public and Private Applications. *SMU Science and Technology Law Review*, 2016, vol. 19.
34. Bacon J. et al. Blockchain Demystified. URL: <https://ssrn.com/abstract=3091218> (date of the application: 10.12.2025).
35. Sklovskii K. I. Commentary on the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 29, 2010 No. 10/22 "On Some Issues Arising in Judicial Practice in Resolving Disputes Related to the Protection of Property Rights and Other Property Rights". Moscow: Statut, 2011. (In Russ.)
36. Popper N. Digital Gold: The Unlikely Story of Bitcoin, or How Idealists and Businessmen Are Reinventing Money. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber, 2016. (In Russ.)
37. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/pdf/training/annual-national-training-seminar/2018/Emerging_Tech_Bitcoin_Crypto.pdf (date of the application: 10.12.2025).
38. Sannikova L. V., Kharitonova Iu. S. Digital Assets: Legal Analysis: Monograph. Moscow: 4 Print, 2020. (In Russ.)
39. Begichev A. V., Risovskaia S. S. Problems of Legal Regulation of Cryptocurrency Inheritance. *Inheritance Law*, 2023, no. 3. (In Russ.)
40. Novikov K. A. State Registration of Rights to Real Estate: Prerequisites, Goals and Main Methods for Achieving Them: Monograph. Moscow: Prospekt, 2019. (In Russ.)
41. Markovic S. The Impact of Blockchain on Supply Chain Transparency and Security in Europe. URL: <https://ssrn.com/abstract=5078905> (date of the application: 10.12.2025).

Сведения об авторе:

Д. С. Четвергов – ведущий эксперт.

Information about the author:

D. S. Chetvergov – Leading Expert.

Статья поступила в редакцию 19.01.2026; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 19.01.2026; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-113-123>

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ МЕТОДОВ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ В СОВРЕМЕННЫХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ УСЛОВИЯХ

Алексей Николаевич Артамонов^{1,2,3}

Елена Александровна Филимонова⁴

¹ Главное управление Минюста России по Ростовской области,
344082, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Береговая, д. 11/1

² Ростовский институт (филиал) Всероссийского государственного
университета юстиции (РПА Минюста России), 344000,
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Советская, д. 2/32

^{3,4} Донской государственный технический университет, 344003,
Россия, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1

^{1,2,3} artamonov_mj@mail.ru

⁴ lenarnd1008@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования противодействия экстремизму, изучения его современных проявлений и тенденций развития обосновывается политической мировой нестабильностью, расширением конфронтационной активности отдельных государств и регионов, изменением методов и форм проявления противоправной деятельности в данной сфере. Полномочия и задачи Минюста России и его территориальных органов хотя и востребованы не в полном объеме, но сохраняют большой потенциал для эффективного и оперативного изучения, анализа и формулирования предложений по совершенствованию нормотворчества и правоприменения, его практической реализации в повседневной деятельности. Это обосновывает необходимость изучения, обсуждения и корректировки существующих механизмов. Привлечение внимания к обозначенным вопросам – к практике реализации, нашим выводам по недостаткам и предложениям по совершенствованию

действующего законодательства – как научного сообщества, так и практиков, занимающихся нормотворческой деятельностью и оценкой эффективности действующих документов и их положений, является задачей настоящего исследования.

Ключевые слова: экстремизм; противодействие экстремизму; Минюст России; национальная безопасность.

Для цитирования: Артамонов А. Н., Филимонова Е. А. О деятельности по совершенствованию методов борьбы с экстремизмом в современных геополитических условиях // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 113–123. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-113-123>

Research Article

ON ACTIVITIES TO IMPROVE METHODS OF COMBATING EXTREMISM IN MODERN GEOPOLITICAL CONDITIONS

Aleksey N. Artamonov^{1,2,3}

Elena A. Filimonova⁴

¹ Main Directorate of the Ministry of Justice of Russia for the Rostov Region, 11/1 Beregovaia St., Rostov-on-Don, 344082, Russia

² Rostov Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice, 2/32 Sovetskaya St., Rostov-on-Don, 344000, Russia

^{3,4} Don State Technical University, 1 Gagarin Sq., Rostov-on-Don, 344003, Russia

^{1,2,3} artamonov_mj@mail.ru

⁴ lenarnd1008@mail.ru

Abstract

The relevance of research into countering extremism, its current manifestations, and development trends is driven by global political instability, the growing confrontational activity of individual states and regions, and changing methods and forms of illegal activity in this area. The powers and responsibilities of the Russian Ministry of Justice and its regional offices, while not fully utilized, retain significant potential for effective and efficient study, analysis, and formulation of proposals for improving rulemaking and law enforcement, as well as its practical implementation in their daily activities.

This justifies its study, discussion, and adjustment of mechanisms. Drawing attention to these issues, implementation practices, our findings on the shortcomings and proposals for improving current legislation from both the academic community and practitioners involved in rulemaking, and assessing the effectiveness of existing documents and their provisions is the objective of this study.

Keywords: extremism; countering extremism; Russian Ministry of Justice; national security.

For citation: Artamonov A. N., Filimonova E. A. On Activities to Improve Methods of Combating Extremism in Modern Geopolitical Conditions. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 113–123. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-113-123>

Введение

Современный исторический период отмечен нестабильностью во всех сферах (политической, экономической, духовной и т.д.), обострением общественно-политических, межнациональных, межконфессиональных связей, принимающих зачастую острый, порой враждебный характер, и ростом радикальных и экстремистских настроений.

Экстремизм и его проявления – это, с одной стороны, древнее явление, а с другой – одна из актуальных и сложных проблем современных государств, подрывающая национальную безопасность, препятствующая устойчивому развитию и обеспечению гражданского мира и согласия.

В условиях глобализации, расширения географии преступлений экстремистской направленности, их форм, методов и масштабов негативных последствий, учитывая неоднородность составов экстремистских организаций, противодействие экстремизму следует рассматривать в контексте важнейшей не только внутренней, но и внешней функции каждого правового государства. Более того, необходимо объединение усилий всего международного сообщества.

Целью настоящего исследования является выявить угрозы, проблемные вопросы, недостатки действующих нормативных баз федерального и регионального уровней, практики их применения, и предложить механизмы их совершенствования.

Использованная методология, основой которой послужили общенаучные и специальные методы познания (главным образом диалектический, системно-структурный, формально-юридический, формально-логический), а также метод толкования права, позволила проанализировать нормативное состояние, его развитие, практическую реализацию и обозначить направления совершенствования.

Основная часть

В декабре 2024 г. в России была принята новая Стратегия противодействия экстремизму [1] (далее – Стратегия). Это важный шаг в работе государственного аппарата, логическое продолжение деятельности органов власти по реализации

политики борьбы с экстремизмом в нашей стране, ее контролю. Это еще один основополагающий документ стратегического планирования, носящий конкретизирующий характер, во исполнение Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», указов Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» и от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Рассуждая о правовых основах противодействия экстремизму, достаточности нормативно-правовой базы для эффективной борьбы с различными проявлениями экстремистской направленности, целесообразно проанализировать данную Стратегию и выявить не только положительные аспекты, но и пробелы.

Во-первых, следует отметить, что пересмотрено содержание понятия «противодействие экстремизму».

Во-вторых, обозначены основные экстремистские угрозы (внешние и внутренние).

Среди внешних угроз можно выделить следующие:

- организационная и финансовая поддержка экстремистской деятельности враждебными государствами и негосударственными структурами в целях нарушения стабильности в общественно-политической, социально-экономической и иных сферах, а также подрыва единства и территориальной целостности страны;
- искажение истории мирового сообщества, пересмотр восприятия роли и значимости России в этом контексте.

Поддержка террористических группировок, распространение экстремистских идей и нарушение культурного наследия России – все это действия, которые угрожают безопасности граждан и страны. Вмешательство извне, финансирование экстремистских организаций и подстрекательство к радикализации общества являются серьезной угрозой для Российской Федерации.

Экстремистские угрозы, которые внутри страны могут возникнуть, включают в себя разнообразные проблемы, такие как социальные, экономические, культурные, национальные и религиозные. Они могут стать поводом для преступлений, совершаемых экстремистскими группировками. Также среди угроз можно назвать распространение идеологии насилия и вербовку как российских, так и иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в экстремистскую организацию или иные противоправные действия. Кроме того, финансирование экстремистской деятельности также является одной из потенциальных угроз.

В качестве важнейшей задачи определено противодействие распространению «человеконенавистнической идеологии нацизма и неонацизма», в том числе в контексте проведения специальной военной операции и включения в состав России новых субъектов.

Очень важно, что заостряется внимание на такой угрозе, как проведение некоторыми иностранными государствами политики по «искажению истории, фальсификации роли СССР во Второй мировой войне и преуменьшению его вклада в победу над гитлеровской Германией и милитаристской Японией».

В-третьих, в свете существующих вызовов и угроз к субъектам противодействия экстремизму отнесены не только органы государственной власти на различных уровнях (включая федеральные, региональные и местные), но и граждане Российской Федерации и их объединения, а также институты гражданского общества. Это подчеркивает необходимость системного и многоуровневого подхода к борьбе с экстремизмом.

В-четвертых, как правильно подмечено в научной литературе, рассматриваемая Стратегия «ставит задачу использовать в качестве инструмента борьбы с экстремизмом традиционные духовно-нравственные ценности российского общества» [2].

Неслучайно был принят Федеральный закон от 23 ноября 2024 г. № 401-ФЗ «О внесении изменений в статью 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях», предусматривающий административную ответственность «за распространение информации или совершение публичных действий, направленных на формирование привлекательности отказа от деторождения» (чайлдфри), поскольку запрещаемая идеология противоречит сохранению традиционных ценностей. Данные изменения очень важны для нашего общества, хотя в настоящее время сложно четко обозначить, что является пропагандой отказа от деторождения и как отграничить рассматриваемое административное правонарушение от экстремизма.

Как правильно было подмечено в коллективной монографии «Экстремизм в современном мире» [3], государства по-разному решают проблему отграничения преступлений экстремистской направленности от иных видов правонарушений.

«Радикально настроенные» лица могут оказывать влияние на разработку и осуществление государственной и общественной политики, так как экстремистская деятельность часто маскируется под видом гуманитарных и религиозных проектов.

В Стратегии отмечается, что опасность экстремистской пропаганды сегодня усугубляется широким использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Цифровая трансформация общества, развитие цифровых технологий, совершенствование программного обеспечения [4] и т.д. отразились и на экстремистских организациях, которые по сути через сеть Интернет вовлекают в свою преступную деятельность новых участников. Распространение на различных сайтах, в социальных сетях видео- и аудиофайлов, фотографий, графических изображений и других материалов экстремистского содержания, осуществляемое под рубрикой «может заинтересовать», серьезно не воспринимается отдельными непросвещенными с правовой точки зрения гражданами. До конца не осознавая и заблуждаясь, такие лица становятся не только жертвами фейковой информации, но и соучастниками преступной деятельности.

В научной литературе изучаются и анализируются причины недостаточной эффективности многих применяемых методов противодействия экстремизму в Интернете. Так, одна из причин – отсутствие должного межгосударственного взаимодействия по вопросам правового регулирования функционирования Интернета, а также отсутствие правовых механизмов и технических возможностей по проти-

воедействию анонимности интернет-пользователей [5]. Не менее значимая причина – отсутствие квалифицированных специалистов, способных на высоком профессиональном уровне осуществлять весь спектр действий по противодействию экстремизму. Также из-за быстрого развития цифровых технологий и их внедрения во все сферы жизнедеятельности общества сотрудники правоохранительных органов, обладающие необходимыми знаниями, не успевают выработать навыки и накопить соответствующий опыт.

Государственная политика в сфере противодействия экстремизму нацелена на защиту прав и свобод человека и гражданина, основ конституционного строя, обеспечение целостности и безопасности Российской Федерации.

В рамках государственной информационной политики в области борьбы с экстремизмом акцент делается на информирование граждан о работе органов и организаций, занимающихся противодействием экстремизму. Несмотря на то что СМИ постоянно освещают события, связанные с экстремизмом, общественность часто не понимает, какие конкретно структуры занимаются предупреждением и пресечением таких действий. Мало людей осведомлено о том, какое влияние оказывает Министерство юстиции РФ на борьбу с экстремизмом. Граждане без юридического образования не понимают роли Минюста России и важности его усилий в противодействии экстремизму.

Статьей 13 Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», п. 7 Положения о Министерстве юстиции Российской Федерации, утв. указом Президента РФ от 13 октября 2004 г. № 1313, на Минюст России возложены функции по ведению, опубликованию и размещению в сети Интернет федерального списка экстремистских материалов.

Федеральный список экстремистских материалов формируется на основании поступающих в Минюст России копий вступивших в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими [6]. По состоянию на декабрь 2024 г. данный список включает в себя 5454 запрещенных материала.

Представленная диаграмма демонстрирует виды материалов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов, что позволяет утверждать, что объем этих запрещенных материалов в данном списке растет ежегодно.

На примере Ростовской области предлагаем рассмотреть полномочия территориального органа Минюста России в области противодействия экстремизму – Главного управления Минюста России по Ростовской области (далее – Главное управление).

В борьбе с экстремизмом Главное управление использует два ключевых подхода: во-первых, в рамках реализации профилактических мер для предотвращения экстремистской активности, которые направлены на исключение участия лиц, подвергшихся ограничительным мерам или имеющих предпосылки для их принятия, в деятельности общественных или иных некоммерческих организаций; во-вторых, осуществление мер предупреждения для обнаружения любых признаков экстремизма в работе зарегистрированных общественных и некоммерческих организаций, включая информирование о поступлении денежных средств и имущества от иностранных источников.

Отдельные виды материалов, включенных в Федеральный список экстремистских материалов

Профилактические меры применяются при реализации полномочий в сфере регистрации некоммерческих организаций и заключаются в предварительной проверке учредителей, участников, членов соответствующих организаций на предмет соблюдения ими установленных запретов, причастности к экстремистской деятельности, а также в рамках экспертизы учредительных документов организаций.

Сведения о причастности к деятельности некоммерческих организаций экстремистских элементов проверяются также и при анализе ежегодных отчетов, представляемых некоммерческими организациями в части проверки состава руководящих органов, информация о которых подлежит представлению в установленных законом случаях.

Реализация Главным управлением полномочий в сфере противодействия и профилактики экстремизма, предоставленных органам государственной власти Российской Федерации Федеральным законом от 25 февраля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», осуществляется на постоянной и плановой основе.

В рамках полномочий по координации деятельности территориальных органов Минюста России, действующих в Южном федеральном округе, предоставленных приказом Минюста России от 29 марта 2024 г. № 89, Главное управление дважды в год осуществляет обобщение практики реализации полномочий управлений Минюста России в Южном федеральном округе, в сфере регистрации и контроля деятельности некоммерческих организаций, в котором отражаются, в том числе и принимаемые ими профилактические и предупредительные меры в целях недопущения нарушений законодательства Российской Федерации, включая сведения о проводимых мероприятиях по противодействию проявлениям экстремизма. Результаты обобщения направляются полномочному представителю Президента РФ в Южном федеральном округе.

По состоянию на 31 декабря 2024 г. в ведомственный реестр зарегистрированных некоммерческих организаций, ведение которого осуществляет Главное управление Минюста России по Ростовской области, включены сведения о 4444 некоммерческих организациях.

Реализация полномочий по контролю за деятельностью некоммерческих организаций включает в себя три административные процедуры:

- 1) проведение проверок некоммерческих организаций по вопросам, отнесенным к компетенции территориальных органов Минюста России;
- 2) анализ отчетов некоммерческих организаций;
- 3) участие в мероприятиях некоммерческих организаций.

Проведение проверок некоммерческих организаций в 2024 г. осуществлялось Главным управлением в соответствии с Федеральным законом от 26 декабря 2008 г. № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», на основании Плана проведения плановых проверок некоммерческих организаций на 2024 год, а также семь проверок – во внеплановом порядке.

По результатам проведенных проверок деятельности некоммерческих организаций Главным управлением по состоянию на 31 декабря 2024 г. вынесено 38 письменных предупреждений (в том числе повторных), составлен 21 протокол об административных правонарушениях, в отношении 85 некоммерческих организаций направлены административные иски в суд о ликвидации.

В связи с отсутствием фактов осуществления экстремистской деятельности предупреждения о недопустимости осуществления экстремистской деятельности Главным управлением в отчетном периоде не выносились. В суд с заявлением о ликвидации (запрете деятельности) общественных и религиозных организаций в связи с неустранением в установленные сроки нарушений законодательства Российской Федерации о противодействии экстремизму Главное управление не обращалось.

Также Главным управлением в период проведения избирательных кампаний на основании представлений избирательных комиссий различного уровня осуществляется проверка кандидатов на предмет их причастности к деятельности общественного или религиозного объединения, иной организации, в отношении которых вступило в законную силу решение суда о ликвидации или запрете де-

тельности по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» либо Федеральным законом от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму».

Главным управлением на постоянной основе запрашивается в Ростовском областном суде информация о вступлении в законную силу решений судов о признании информационных материалов экстремистскими, о ликвидации или запрете деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций по основаниям, предусмотренным Федеральным законом от 25 февраля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» в целях обеспечения достоверности и оперативности включения информации в Федеральный список экстремистских материалов и перечень общественных и религиозных объединений, иных организаций.

В ходе правовой экспертизы уставов и иных документов некоммерческих организаций в 2024 г. особое внимание Главного управления уделено Конституции РФ, запрещающей создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, для чего в том числе использовалась информация раздела интернет-сайта Росфинмониторинга, в котором размещается «Перечень организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их причастности к экстремистской деятельности или терроризму», информация Информационного центра ГУМВД России по Ростовской области.

При проведении Главным управлением правовой экспертизы представляемых на государственную регистрацию документов некоммерческих организаций, а также при осуществлении контроля за деятельностью некоммерческих организаций в 2024 г. признаков экстремизма выявлено не было. Данная ситуация свидетельствует о том, что на территории Ростовской области, как и в целом в стране, проводятся мероприятия по профилактике экстремизма и противодействию любым его проявлениям. Обстановка в целом находится под контролем и может быть охарактеризована как стабильная. Но следует комплексно, всесторонне и системно подходить к осуществлению профилактических мероприятий. Особо пристальное внимание необходимо уделять молодежи, поскольку будущее страны зависит от мировоззрения молодого поколения.

Заключение

Целесообразно постоянно совершенствовать формы, методы, механизмы и технологии деятельности по предупреждению, выявлению и пресечению деяний экстремистской направленности и экстремистской идеологии. Важно повышать эффективность деятельности всех органов публичной власти, в том числе Министерства юстиции РФ и его территориальных подразделений.

Итак, на фоне реализации целенаправленной политики по сдерживанию Российской Федерации жизненно важное значение для нашей страны приобретают укрепление ее суверенитета, независимости, государственной и территориаль-

ной целостности, защита традиционных духовно-нравственных основ российского общества, обеспечение обороны и безопасности, недопущение вмешательства во внутренние дела Российской Федерации. Наше государство и общество стремятся создать все условия для обеспечения мира, безопасности и благополучия граждан, в том числе духовно-нравственного. Иногда приходится прибегать к достаточно решительным действиям и, в некоторой степени, к жестким мерам.

Пристатейный библиографический список

1. Указ Президента РФ от 28 декабря 2024 г. № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».
2. Омелина О. С. Сравнительный анализ Стратегии противодействия экстремизму до 2025 г. и проекта Стратегии противодействия экстремизму на период 2025–2036 гг. в Российской Федерации // Актуальные проблемы государства и права. 2024. Т. 8. № 4.
3. Экстремизм в современном мире : монография / отв. ред. А. И. Бастрыкин, В. П. Кириленко, В. А. Шамахов. СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2018.
4. Усманов И. М., Силаева Н. А. Противодействие экстремизму в условиях информатизации общества // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93).
5. Вдовин Е. А. Проблема противодействия распространению идей экстремизма и терроризма в сети Интернет // Молодой ученый. 2019. № 16 (254).
6. Экстремистские материалы // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (дата обращения: 04.02.2025).

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of December 28, 2024 No. 1124 "On Approval of the Strategy for Countering Extremism in the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
2. Omelina O. S. Comparative Analysis of the Strategy for Countering Extremism until 2025 and the Draft Strategy for Countering Extremism for the Period 2025–2036 in the Russian Federation. *Current Issues of State and Law*, 2024, vol. 8, no. 4. (In Russ.)
3. Bastykin A. I., Kirilenko V. P., Shamakhov V. A. (eds.). Extremism in the Modern World: Monograph. St. Petersburg: Publishing and Printing Center of the North-West Institute of Management – Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2018. (In Russ.)
4. Usmanov I. M., Silaeva N. A. Counteracting Extremism in the Context of Informationization of Society. *Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (93). (In Russ.)
5. Vdovin E. A. The Problem of Counteracting the Spread of Extremist and Terrorist Ideas on the Internet. *Young Scientist*, 2019, no. 16 (254). (In Russ.)

6. Extremist Materials. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/extremist-materials/> (date of the application: 04.02.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах:

А. Н. Артамонов – кандидат юридических наук.

Е. А. Филимонова – кандидат юридических наук, доцент.

Information about the authors:

A. N. Artamonov – PhD in Law.

E. A. Filimonova – PhD in Law, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 08.10.2025; одобрена после рецензирования 24.11.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 08.10.2025; approved after reviewing 24.11.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 34

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-124-136>

О ДИСКУССИОННЫХ ВОПРОСАХ УЧАСТИЯ ПЕРЕВОДЧИКА В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Нонна Юрьевна Волосова¹

Юрий Григорьевич Торбин²

¹ Оренбургский государственный университет, 460000,
Россия, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13

² Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ vasilii_vasiliev@rambler.ru

² torbinug@rambler.ru

Аннотация

Актуальность обусловлена отсутствием в уголовно-процессуальном законодательстве регулирования использования современных технологий, обеспечивающих участников процесса помощью переводчика. Практика сталкивается с рядом нерешенных проблем, обусловленных поиском переводчика с нужного языка. Цель исследования – анализ современных технологий и возможностей их использования в контексте обеспечения переводчиком участников процесса, не владеющих языком уголовного судопроизводства, а также разработка предложений по их преодолению. В работе использованы методы анализа и синтеза, формально-юридический, дедукции. Предложены конкретные рекомендации по совершенствованию положений уголовно-процессуального законодательства в части обеспечения участия переводчика в уголовном судопроизводстве. Сформулирован вывод о необходимости легализации возможности использования современных технологий при переводе в уголовном судопроизводстве.

Ключевые слова: переводчик; современные технологии перевода; переводческие программы; искусственный интеллект; электронные словари; квалифицированный перевод; цифровизация уголовного судопроизводства; обеспечение прав.

Для цитирования: Волосова Н. Ю., Торбин Ю. Г. О дискуссионных вопросах участия переводчика в уголовном судопроизводстве через призму современных технологий // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 124–136. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-124-136>

Research Article

ON THE CONTROVERSIAL ISSUES OF INTERPRETER'S PARTICIPATION IN CRIMINAL PROCEEDINGS THROUGH THE PRISM OF MODERN TECHNOLOGIES

Nonna Yu. Volosova¹

Yuri G. Torbin²

¹ Orenburg State University, 13 Pobedy Ave., Orenburg, 460000, Russia

² All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaya St., Moscow, 117638, Russia

¹ vasilii_vasiliev@rambler.ru

² torbinug@rambler.ru

Abstract

The relevance is due to the lack of regulation in the criminal procedure legislation on the use of modern technologies that provide participants in the process with the help of an interpreter. The practice faces a number of unresolved problems due to the search for a translator from the desired language. The purpose of the study is to analyze modern technologies and the possibility of their use in the context of providing an interpreter to participants in the process who do not speak the language of criminal proceedings, as well as to develop proposals to overcome them. The paper uses methods of analysis and synthesis, formal law, and deduction. Specific recommendations are proposed for improving the provisions of the criminal procedure legislation in terms of ensuring the participation of an interpreter in criminal proceedings. The conclusion is formulated about the need to legalize the possibility of using modern technologies in translation in criminal proceedings.

Keywords: translator; modern translation technologies; translation programs; artificial intelligence; electronic dictionaries; qualified translation; digitalization of criminal proceedings; ensuring rights.

For citation: *Volosova N. Yu., Torbin Yu. G. On the Controversial Issues of Interpreter's Participation in Criminal Proceedings Through the Prism of Modern Technologies. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 2, pp. 124–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-124-136>*

Введение

Развитие новых технологий идет достаточно интенсивными темпами. Не менее активно они внедряются в различные сферы жизни и деятельности общества, что позволяет значительно упростить многие процессы. Технологии могут быть использованы, а отчасти и уже используются в уголовно-процессуальной деятельности: видеоконференц-связь, справочно-правовые комплексы, электронные носители информации и т.п. Как констатируется некоторыми исследователями, это определенный прогресс в процессе цифровизации уголовного судопроизводства и его легализации [1, с. 19]. Однако, как представляется, потенциал новых технологий, которые могут быть использованы в ходе производства по уголовному делу, не исчерпан. Например, в настоящее время ведется активная дискуссия о возможности их использования для перевода в уголовном процессе, что позволит применять данный вспомогательный инструмент, если участники процесса не владеют языком судопроизводства.

Это становится особенно актуальным ввиду тесного взаимодействия государств и происходящих активных миграционных процессов. Российская Федерация столкнулась с тем, что многие лица, прибывающие из-за границы, включая ближнее зарубежье, для осуществления в том числе трудовой деятельности, вообще не владеют русским языком, что в условиях уголовного судопроизводства вызывает определенные сложности как у них самих, так и у лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Последние вынуждены сталкиваться с тем, что на поиск переводчика уходит достаточно продолжительное время, а если речь идет о редких или автохтонных языках, то это становится очень сложной задачей для дознавателей, следователей и суда, поскольку они существенно ограничены законодателем во времени, которое отводится на производство по уголовному делу. Аналогичная ситуация возникает, когда речь идет о диалектах одного и того же языка, а переводчик владеет только его официальной версией.

Все это обусловило актуальность рассмотрения поднятого вопроса.

Цель исследования – анализ современных подходов к использованию современных технологий в уголовном судопроизводстве для обеспечения перевода.

Для достижения поставленной цели требуется решить следующие задачи:

- изучить современные подходы к вопросу обеспечения квалифицированным переводом участников уголовного процесса, не владеющих языком уголовного судопроизводства;
- проанализировать правовую базу, регламентирующую участие переводчика в уголовном судопроизводстве, и использование технических средств при производстве следственных действий;

– оценить перспективы использования новых технологий для обеспечения участников уголовного судопроизводства, не владеющих языком судопроизводства, переводом.

1. Современные подходы к решению проблемы обеспечения помощью переводчика участников уголовного процесса

На протяжении последних нескольких лет ввиду дефицита переводческих кадров в сфере судопроизводства исследователями был выдвинут ряд предложений для решения поднятой проблемы.

Например, И. А. Арзуманов, В. В. Худолшеева и Д. А. Епишкин подошли весьма прагматично к обеспечению перевода в уголовном судопроизводстве. Они предложили предоставить возможность лицам, осуществляющим производство по уголовному делу, в случае владения ими языком, которым владеют участники уголовного судопроизводства, задавать им вопросы на том языке, которым те владеют или понимают. Свою позицию исследователи обосновывают необходимостью реализации принципа процессуальной экономии [2, с. 176]. Возражая против их точки зрения, хотелось бы обратить внимание на то, что подобное совмещение процессуальных функций – это определенный поворот назад. Да и ст. 61 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее – УПК РФ), исходя из ее смысла, содержит соответствующий запрет, на что обращали внимание некоторые исследователи [3, с. 77–87].

Переводчик играет очень важную роль в процессе доказывания. Именно с его слов записываются показания участника процесса, который не владеет языком уголовного судопроизводства. От того, насколько правильно и точно будет переведен такому лицу вопрос следователя, дознавателя или суда, будет зависеть ответ, а в дальнейшем и установленные обстоятельства уголовного дела. Переводчик оказывает содействие в коммуникации участников процесса, выполняя таким образом вспомогательную функцию. Он не заинтересован в исходе уголовного дела, поэтому вероятность заведомо неправильного перевода ничтожно мала. Поэтому предложение переложить обязанности переводчика на лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, окажет негативное влияние на эффективность их работы. Кроме того, уровень владения языком такими лицами должен быть достаточно высок, что требует постоянной работы с ним и его непосредственное использование на практике. Такой возможности у лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, по сути нет, поэтому полагаем, возлагать на них еще и эти обязанности нецелесообразно. На основании изложенного трудно поддержать высказанную позицию.

Другие исследователи предлагают использовать специализированные переводческие программы или приложения для автоматического перевода [4, с. 196–200; 5; 6]. Причем некоторые авторы убедительно доказывают необходимость использования программ автоматического перевода на основе специализированных программ, а на первоначальном этапе внедрения данных систем в судопроизводство использовать не только их, но и помощь переводчика-человека [7]. Аналогичной точки зрения придерживаются И. В. Казначей, А. В. Николаев, А. А. Арзуманян, которые, в целом разделяя предложение, справедливо выделили ряд проблем. Среди них:

– необходимость научно доказать состоятельность использования такой программы;

– возможность машинного перевода в случае наличия дефектов речи у говорящего;

– наличие жаргонизмов речи ряда лиц, которые могут быть неизвестны системе, но иметь смысловую нагрузку [8; 9, с. 134–136].

В целом поддерживая возможность использования электронного переводчика в уголовном судопроизводстве, В. А. Родивилина заострила внимание на процессе фиксации полученных доказательств по делу в случае использования электронного устройства [10, с. 13].

Изучив различные программы и приложения, Р. В. Мазюк обратил внимание на некоторые из них, которые способны переводить с русского языка на иностранный и обратно: голосовой переводчик *BRM Electronics STX6 MULTI elite* (переводит на 50 иностранных языков без подключения к сети Интернет, с подключением к сети Интернет – на 100 языков); программа «Переводчик», разработанная *Google* на базе операционной системы *Android* (переводит на 90 языков, 40 языков с функцией автоматического голосового перевода «из речи в речь» без доступа к сети Интернет); приложение *Speak & Translate*, разработанное компанией *Apalon* для смартфонов *iPhone* (переводит со 100 языков, для 42 языков поддерживается функция автоматического голосового перевода «из речи в речь» при подключении к сети Интернет). Автор поддержал их использование в уголовном судопроизводстве [11, с. 244].

Разделяя мнение о возможности использования данных технологий (электронных переводчиков), Т. А. Вилкова вместе с тем подчеркнула, что такое использование возможно в исключительных случаях [12, с. 310]. А. А. Г. Романенко отметил, что технические средства могут оптимизировать процесс перевода при производстве по уголовному делу [13].

Необходимо обратить внимание на то, что данные программы с каждым годом совершенствуются и расширяется перечень языков, с которых и на которые данные программы могут осуществить перевод. Проблема многих из таких программ заключается в том, что наиболее хорошо и эффективно они переводят европейскую группу языков, которые наиболее часто используются и употребляются, а также группу «английский – (иной язык)». В том же случае, когда речь идет о языках, принадлежащих к иной языковой группе, например тюркской группе, диалектному континууму языков, на которых говорят в Индии, данные программы дают сбой и еще требуют работы с переведенным текстом со стороны профессионального переводчика, а с точки зрения технической составляющей – определенной работы в этом направлении разработчиков соответствующих программ. Следует также отметить и то, что перечисленные программы были разработаны иностранными компаниями.

Третья группа исследователей заговорила о возможности использования технологий искусственного интеллекта для организации общения между лицом, осуществляющим производство по уголовному делу, и участниками уголовного судопроизводства (подозреваемыми, обвиняемыми, потерпевшими, свидетелями и др.), которые языком судопроизводства не владеют.

Например, А. Ю. Чурикова среди базовых направлений применения систем искусственного интеллекта в уголовном процессе указала на возможность использования ИИ при переводе и предложила заменить переводчика как участника уголовного судопроизводства на нейросетевые модели распознавания речи и визуальных объектов [14, с. 18].

Перспективным направлением апробации применения технологий искусственного интеллекта в рамках уголовного судопроизводства представляется деятельность некоторых лиц, содействующих осуществлению правосудия, считает и Е. А. Веревошников. Им отмечается: «Переводчик, выполняя свою функцию в уголовном процессе, при условии соблюдения иных требований уголовно-процессуального законодательства, вправе применять технологии искусственного интеллекта» [15].

В связи с проведенными исследованиями и мнениями, высказанными некоторыми авторами, возникают вполне закономерные вопросы: готовы ли мы использовать данные технологии в уголовно-процессуальной деятельности и достаточен ли уровень современных технологий, включая искусственный интеллект, чтобы справляться с этими задачами? Ответы на данные вопросы требуют своего осмысления и анализа, просчета всех опасностей и рисков.

Начнем с того, что возможность использования данных технологий должна быть закреплена в самом законе и иметь четкую регламентацию, которая бы позволила при их использовании обеспечить в полном объеме права лиц, не владеющих языком судопроизводства. Как показывает анализ действующего процессуального законодательства, таких указаний оно не содержит, однако и не содержит запрета на их использование.

Некоторые исследователи отмечают, что положения современного уголовно-процессуального права позволяют использовать современные технические возможности и электронные устройства.

В частности, ст. 474.1 УПК РФ определяет порядок использования электронных документов в уголовном судопроизводстве.

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г. № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» установлена возможность фиксации хода судебного разбирательства с использованием средств аудиозаписи и иных технических средств; осуществлять в здании суда трансляцию хода судебного заседания в режиме реального времени с использованием технических средств, если суд имеет такую техническую возможность [16].

Как справедливо указывается некоторыми исследователями, хотя в УПК РФ и встречается понятие «технические средства», однако он не содержит перечня технических средств, которые могут использоваться в судопроизводстве. Авторы выделяют среди них такие, как приборы, специальные приспособления, материалы, правомерно применяемые для обнаружения, фиксации, изъятия и исследования доказательств [17, с. 19].

К нормам, позволяющим применять технические средства в уголовном судопроизводстве, можно отнести ч. 6 ст. 164 УПК РФ, определяющую порядок применения технических средств при производстве следственных действий; ч. 5 ст. 166 УПК РФ, ус-

танавливающую порядок оформления результатов применения технических средств при производстве некоторых следственных действиях; п. 2 ч. 4 ст. 190 УПК РФ, предусматривающий отражение в протоколах следственных действий сведений о технических средствах, которые были использованы при их производстве.

Как указывают Л. А. Шестакова и М. Е. Кочнев, в УПК РФ «определены субъекты применения технических средств и использования специальных познаний (ст. ст. 37, 38, 39, 41 УПК РФ, ч. 1 ст. 57, ч. 1 ст. 58 УПК РФ); цели их применения (ч. 1 ст. 58 УПК РФ)» [17, с. 19]. Однако переводчик в данную категорию лиц законодателем не включен. Хотя это вовсе не означает, что переводчики, участвующие в производстве по уголовному делу, не используют специализированные программы и электронные словари для продуктивности и оперативности своей работы.

Тем не менее уголовно-процессуальное законодательство обходит стороной вопрос о том, относятся ли к категории технических средств специализированные программы и электронные словари, и можно ли их приравнять к тем техническим средствам, которые способствуют обнаружению, фиксации и изъятию следов преступления и вещественных доказательств. Следует отметить, что данные технические средства несколько отличаются от сущности и предназначения иных технических средств, которые применяются в уголовном судопроизводстве для этих целей. Специализированные переводческие программы и электронные словари способствуют быстрому и эффективному переводу посредством поиска и перевода соответствующего слова, предложения или текста. Полагаем, что данные технические средства – это вспомогательные средства, обеспечивающие коммуникацию участников уголовного судопроизводства, и их, как представляется, необходимо также включать в категорию технических средств, которые могут быть использованы в уголовном судопроизводстве. Это важно еще и потому, что благодаря им осуществляется перевод процессуальных документов, которые подлежат обязательному вручению участникам уголовного судопроизводства. А любая неточность перевода влечет искажение истинного смысла предоставляемого документа и может, в связи с этим, повлечь нарушение прав и законных интересов участников процесса. Поэтому использование данного рода технических средств напрямую влияет на обеспечение защиты прав и свобод участников уголовного судопроизводства и требует законодательного регулирования.

С учетом того, что проблема подбора квалифицированных переводчиков практически никак не решается, одним из выходов из столь сложной ситуации является использование технических средств, что также потребует от законодателя изменения процессуальных норм с учетом возможности их применения для обеспечения коммуникации участвующих в деле лиц.

В настоящее время, несмотря на то, что переводчики используют переводческие программы при переводе процессуальных документов, а иногда и в ходе производства допроса, ни в соответствующих документах, ни в протоколах не содержится указание на используемые технические средства. А между тем неправильный перевод и ошибки программы при переводе существенно влияют на отражение существа совершенного преступления в протоколах следственных действий и направления расследования в целом.

Полагаем, законодателю необходимо пересмотреть положения ст. 59 УПК РФ и дополнить ее указанием о праве переводчика пользоваться специализированными переводческими программами и электронными переводческими устройствами (электронными словарями). Сегодня такое указание отсутствует, хотя переводчики такие программы и устройства используют, что вызывает необходимость их легализации в уголовном процессе.

Отвечая на второй вопрос, следует отметить, что уровень современных технологий также не достиг достаточного совершенства, чтобы быть способным обеспечить участников уголовного судопроизводства квалифицированным и профессиональным переводом.

Проведем анализ современных технологий, которые могут быть использованы в ходе перевода в уголовном судопроизводстве.

Начнем с самого простого – это всем известные переводческие программы, которые встречаются в Интернете: *Google Translate*, Яндекс.Переводчик, *OmegaT* и др. Более профессиональными инструментами являются такие, как *SDL Trados Studio*, *Deja Vu*, относящиеся к надежным и мощным, но достаточно сложным и дорогим, и более простые – такие, как *memoQ* или *Smartcat*, недорогие, но качественные. Однако данные программы для большинства переводчиков, участвующих в уголовном судопроизводстве, остаются недоступными, так как не все они занимаются переводом на профессиональной основе. А такой инструмент, как *XTM Cloud*, автоматизирующий рабочий процесс и оказывающий помощь на основе искусственного интеллекта, и вовсе остается недоступным для большинства пользователей; это связано с его высокой ценой и целевой аудиторией – крупные предприятия.

Каждая из данных программ имеет как свои достоинства, так и свои недостатки, и они связаны не только со стоимостью и целевой аудиторией, но и с качеством юридического перевода. Хотя большинство из них регулярно обновляются, имеют интеллектуальную память переводов, но среди требований разработчиков необходим хороший компьютер, без которого программа просто не сможет работать.

Повсеместная цифровизация общества, которая постепенно внедряется и в уголовное судопроизводство, поставила вопрос о возможности замены переводчика искусственным интеллектом. В настоящее время это невозможно, потому что связано с тем, что одним из принципов функционирования даже интеллектуально развитых машин является принцип упрощения и формализации. Если одни тексты, выполненные автоматизированными системами перевода, выглядят связными и логичными, то в других случаях машинный перевод может дать неожиданный результат, который исследователи называют «галлюцинациями». Наиболее частой проблемой является неверный перевод слов и целых фраз, когда в предложении сохраняется логика, но смысл предложения полностью искажается. Многие переводчики пользуются автоматическим переводом, а затем редактируют тексты, предложенные искусственным интеллектом [18].

Согласно прогнозу аналитической и консалтинговой компании *Tractica* «распознавание голоса и речи» является самым успешным в применении искусственного интеллекта. Такие технологии распространены по всему миру, соответственно, используются на многих языках, что уже является успешной коммуникацией с Интер-

нетом вне зависимости от языка, на котором говорит пользователь [19]. Именно это подчеркивает способность искусственного интеллекта работать на различных языках и транслировать информацию для любой аудитории [20, с. 205].

Однако данные программы практически бесполезны, когда речь идет о языках, в которых отсутствует письменность, автохтонных языках, цыганском языке с его диалектами и некоторых других.

Есть предложение применить «метод экспериментального использования цифровых технологий, сопровождаемый необходимым правовым регулированием, в том числе предусматривающий согласие участников процесса на участие в таком эксперименте. Например, сначала цифровые технологии могли бы вводиться наряду и параллельно с традиционными «человеческими» формами производства, учитывая согласие участников соответствующего процессуального действия» [4, с. 95].

Подобного рода экспериментальный подход к последовательной цифровизации уголовно-процессуальной сферы предполагает отслеживание как плюсов, так и минусов, связанных с внедрением электронной документации с целью последовательного освоения современной процессуальной практики, корректировки соответствующих механизмов правового регулирования, минимизации возникающих рисков, а также возможно более многофакторного учета при разработке соответствующего программного обеспечения [1, с. 219].

Заключение

Все подходы к использованию современных технологий в уголовном судопроизводстве для перевода можно объединить в три основных: утилитарный, программно-синтетический и нейросетевой.

Полагаем, что в настоящее время, при современном развитии технологий, наиболее приемлемым является программно-синтетический подход. При нем перевод осуществляет переводчик-человек, который для ускорения процесса может использовать специализированные переводческие программы.

Ставить вопрос о возможности использования только программного переводчика полагаем преждевременным. Возможность использования специализированных переводческих программ должна быть предусмотрена действующим законодательством; более того, об этом должно быть указано в процессуальных документах. Поэтому думается, что ч. 3 ст. 59 УПК РФ должна быть дополнена п. 4 следующего содержания:

4) «пользоваться переводческими программами и электронными устройствами (электронными переводчиками) для перевода, о чем должно быть сообщено дознавателю, следователю и суду, а также участнику судопроизводства, которому обеспечивается участие переводчика».

Было бы верным в протоколах следственных действий, где участвует переводчик, указывать те переводческие программы, которые он использовал при переводе. Это необходимо, в частности, и для того, чтобы в случае неправильного или неверного перевода можно было понять, кто допустил такую ошибку. А в конце переведенных документов, необходимых для обязательного вручения участни-

кам процесса, не владеющим или не в полной мере владеющим языком уголовного судопроизводства, должно содержаться указание, что перевод был осуществлен с использованием определенной программы.

Подобный подход, как нам представляется, обеспечит соблюдение прав и законных интересов как участников уголовного судопроизводства, так и интересов правосудия, а в случае обжалования позволит проверить перевод профессиональным переводчиком, исключив ошибки при их наличии и восстановив права участвующих в деле лиц.

Пристатейный библиографический список

1. *Шушеначев А. В.* Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1.
2. *Арзуманов И. А., Худолшеева В. В., Епишкин Д. А.* Язык как форма реализации межкультурной коммуникации в российском уголовном процессе // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1.
3. *Антонович Е. К.* Правосубъектность переводчика в уголовном судопроизводстве в условиях цифровизации // Lex russica. 2021. Т. 74. № 9.
4. *Савицкая И. Г.* К вопросу об участии переводчика в уголовном процессе России // Общественная безопасность, законность и правопорядок в III тысячелетии. 2021. № 7-1.
5. *Мазюк Р. В.* Перевод на язык уголовного судопроизводства как средство защиты прав и процессуальных интересов его участников // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2015. № 1 (7).
6. *Волынская О. В.* Предназначение переводчика в современном уголовном судопроизводстве // Вестник экономической безопасности. 2022. № 1.
7. *Сладченко Н. С.* Проблемы актуальности переводчика как участника судебного процесса // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 10-2.
8. *Казначей И. В.* Оптимизация условий предварительного расследования посредством использования электронного переводчика // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. № 3 (37).
9. *Николаев А. В., Арзуманян А. А.* Реализация концепции применения электронного переводчика в следственных и процессуальных действиях // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2019. № 10.
10. *Родивилина В. А.* Процессуальные особенности использования технических средств в стадии предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2016.
11. *Мазюк Р. В.* Смартфон как средство реализации процессуального интереса участников уголовного судопроизводства в надлежащем переводе на их родной язык // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях : сборник материалов XXI Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. Т. 1. Иркутск : ФГКОУ ВО ВСИ МВД России, 2016.

12. Вилкова Т. Ю. Реализация принципа языка уголовного судопроизводства на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования в условиях развития цифровых технологий // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 3А.

13. Романько А. Г. О некоторых вопросах реализации принципа языка уголовного судопроизводства в условиях цифровизации // Право и практика. 2023. № 3.

14. Чурикова А. Ю. Использование информационных технологий и систем в уголовном судопроизводстве: возможности, риски, правовое регулирование : автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Саратов, 2024.

15. Веревошников Е. А. Перспективы применения технологий искусственного интеллекта в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2025. № 1 (71).

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13 декабря 2012 г № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Шестакова Л. А., Кочнев М. Е. Проблемы и перспективы использования цифровых технологий в уголовном судопроизводстве РФ // Juridical Analytical Journal. 2024. № 19 (1).

18. Загорьян С. Г., Мисник И. В. Переводчик и его роль в современном российском уголовном судопроизводстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 6.

19. Nigmatullin F. Рынок искусственного интеллекта, прогноз развития до 2025 года // vc.ru : сайт. URL: <https://vc.ru/future/105785-rynok-iskusstvennogo-intellekta-prognozrazvitiya-do-2025-goda> (дата обращения: 29.08.2025).

20. Баканов Н. Я. Замена переводчика на искусственный интеллект в уголовном судопроизводстве. Вымысел или реальность? // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : материалы VII Всероссийской молодежной научно-практической конференции (Москва, 27 ноября 2023 года). М. : Московская академия Следственного комитета им. А. Я. Сухарева, 2024.

21. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex russica. 2019. № 5 (150).

References

1. Shushenachev A. V. Digital Technologies in Criminal Procedure: Problems and Risks. *Bulletin of the Russian Law Academy*, 2024, no. 1. (In Russ.)

2. Arzumanov I. A., Khudolsheeva V. V., Epishkin D. A. Language as a Form of Inter-cultural Communication in Russian Criminal Procedure. *Business. Education. Law*, 2022, no. 1. (In Russ.)

3. Antonovich E. K. Legal Capacity of an Interpreter in Criminal Proceedings in the Context of Digitalization. *Lex russica*, 2021, vol. 74, no. 9. (In Russ.)

4. Savitskaia I. G. On the Participation of an Interpreter in Criminal Procedure in Russia. *Public Safety, Legality, and Law and Order in the III Millennium*, 2021, no. 7-1. (In Russ.)

5. Maziuk R. V. Translation into the Language of Criminal Proceedings as a Means of Protecting the Rights and Procedural Interests of its Participants. *Siberian Criminal Procedural and Forensic Readings*, 2015, no. 1 (7). (In Russ.)
6. Volynskaia O. V. The Purpose of an Interpreter in Modern Criminal Proceedings. *Bulletin of Economic Security*, 2022, no. 1. (In Russ.)
7. Sladchenko N. S. Problems of the Relevance of an Interpreter as a Participant in Judicial Proceedings. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2021, no. 10-2. (In Russ.)
8. Kaznachei I. V. Optimization of Preliminary Investigation Conditions Through the Use of an Electronic Translator. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2016, no. 3 (37). (In Russ.)
9. Nikolaev A. V., Arzumanian A. A. Implementation of the Concept of Using an Electronic Translator in Investigative and Procedural Actions. *Science and Education: Economy and Economics; Entrepreneurship; Law and Management*, 2019, no. 10. (In Russ.)
10. Rodivilina V. A. Procedural Features of the Use of Technical Means at the Preliminary Investigation Stage: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Irkutsk, 2016. (In Russ.)
11. Maziuk R. V. Smartphone as a Means of Realizing the Procedural Interest of Participants in Criminal Proceedings in Proper Translation into Their Native Language. In Activities of Law Enforcement Agencies in Modern Conditions: Collection of Materials of the XXI International Scientific and Practical Conference. In 2 vols. Vol. 1. Irkutsk: East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2016. (In Russ.)
12. Vilkova T. Iu. Implementation of the Principle of the Language of Criminal Proceedings at the Stages of Initiation of a Criminal Case and Preliminary Investigation in the Context of the Development of Digital Technologies. *Issues of Russian and International Law*, 2019, vol. 9, no. 3A. (In Russ.)
13. Romanko A. G. On Some Issues of Implementing the Principle of the Language of Criminal Proceedings in the Context of Digitalization. *Law and Practice*, 2023, no. 3. (In Russ.)
14. Churikova A. Iu. Use of Information Technologies and Systems in Criminal Proceedings: Opportunities, Risks, Legal Regulation: Synopsis of a Thesis for a Candidate Degree in Law Sciences. Saratov, 2024. (In Russ.)
15. Verevoshnikov E. A. Prospects for the Application of Artificial Intelligence Technologies in Criminal Proceedings. *Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2025, no. 1 (71). (In Russ.)
16. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of December 13, 2012 No. 35 "On the Openness and Publicity of Court Proceedings and on Access to Information on the Activities of Courts" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
17. Shestakova L. A., Kochnev M. E. Problems and Prospects of Using Digital Technologies in Criminal Proceedings in the Russian Federation. *Juridical Analytical Journal*, 2024, no. 19 (1). (In Russ.)
18. Zagorian S. G., Misnik I. V. The Translator and His Role in Modern Russian Criminal Proceedings. *Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences*, 2024, no. 6. (In Russ.)

19. *Nigmatullin F.* Artificial Intelligence Market, Development Forecast up to 2025. URL: <https://vc.ru/future/105785-rynok-iskusstvennogo-intellekta-prognozrazvitiya-do-2025-goda> (date of the application: 29.08.2025). (In Russ.)

20. *Bakanov N. Ia.* Replacing a Translator with Artificial Intelligence in Criminal Proceedings. Fiction or Reality? In *Investigative Activity: Problems, Their Solution, Development Prospects: Proceedings of the VII All-Russian Youth Scientific and Practical Conference (Moscow, November 27, 2023)*. Moscow: Moscow Academy of the Investigative Committee named after A. Ia. Sukharev, 2024. (In Russ.)

21. *Voskobitova L. A.* Criminal Proceedings and Digital Technologies: Compatibility Issues. *Lex russica*, 2019, no. 5 (150). (In Russ.)

Сведения об авторах:

Н. Ю. Волосова – доктор юридических наук, доцент.

Ю. Г. Торбин – доктор юридических наук, профессор.

Information about the authors:

N. Yu. Volosova – Doctor of Law, Associate Professor.

Yu. G. Torbin – Doctor of Law, Professor.

Статья поступила в редакцию 30.10.2025; одобрена после рецензирования 22.12.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 30.10.2025; approved after reviewing 22.12.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 343.72

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-137-151>

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ РАССЛЕДОВАНИЯ МОШЕННИЧЕСТВА, СОВЕРШАЕМОГО В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Вячеслав Викторович Лавринов^{1,2}

Татьяна Алексеевна Пасикова³

¹ Ростовский филиал Санкт-Петербургской академии Следственного комитета РФ, 344064, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Волоколамская, д. 3В

² Ростовский филиал Российской таможенной академии, 344002, г. Ростов-на-Дону, пр. Буденновский, д. 20

³ Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия им. В. М. Лебедева, 344038, Россия, г. Ростов-на-Дону, пр. Ленина, д. 66

¹ vvl-rostov@mail.ru

³ tatyana-plotko@yandex.ru

Аннотация

Расследование и квалификация мошенничества представляют особую сложность, что связано с необходимостью учитывать не только положения уголовного права, но и иные нормы, источником которых являются в том числе положения иностранного законодательства. Это обуславливает актуальность исследуемой авторами темы. Цель исследования – рассмотреть вопросы, связанные с расследованием уголовных дел о мошенничестве, совершаемом в рамках соглашений (договоров), при регулировании которых используются положения международного частного и иностранного (в том числе английского) права. Указывается, что при квалификации подобных деяний следует учитывать, что применение норм иностранного права для регулирования отношений, возникающих на основании соглашений, возможно, даже если соглашение (договор) составлено на территории Российской Федерации, при наличии соответствующих положений в самом соглашении.

Ключевые слова: мошенничество; международное частное право; представительство; предпринимательская деятельность; распределение прибыли; коммерческая тайна.

Для цитирования: Лавринов В. В., Пасикова Т. А. Проблемные вопросы расследования мошенничества, совершаемого в сфере международного частного права // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 137–151. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-137-151>

Research Article

PROBLEMATIC ISSUES IN INVESTIGATING FRAUD IN THE FIELD OF INTERNATIONAL PRIVATE LAW

Vyacheslav V. Lavrinov^{1,2}

Tatyana A. Pasikova³

¹ Rostov Branch of the St. Petersburg Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 3B Volokolamskaia St., Rostov-on-Don, 344064, Russia

² Rostov Branch of the Russian Customs Academy, 20 Budennovskii Ave., Rostov-on-Don, 344002, Russia

³ Rostov Branch of Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, 66 Lenin Ave., Rostov-on-Don, 344038, Russia

¹ vvl-rostov@mail.ru

³ tatyana-plotko@yandex.ru

Abstract

The investigation and qualification of fraud is particularly challenging due to the need to consider not only the provisions of criminal law, but also other norms, including those derived from foreign legislation, which makes the topic of this research relevant. The purpose of this study is to explore the issues related to the investigation of criminal cases involving fraud related to agreements (contracts) that utilize the provisions of international private and foreign (including English) law. It is pointed out that when qualifying such acts, it should be taken into account that the application of foreign law norms in regulating relations arising from agreements, even if the agreement (contract) is drawn up in the territory of the Russian Federation, is possible if the agreement contains relevant provisions.

Keywords: fraud; international private law; representation; entrepreneurial activity; profit distribution; commercial secret.

For citation: Lavrinov V. V., Pasikova T. A. Problematic Issues in Investigating Fraud in the Field of International Private Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 137–151. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-137-151>

Введение

Особенностью предпринимательской деятельности является то, что она, будучи направленной на получение прибыли, осуществляется на свой страх и риск. Как правило, такая деятельность основана на определенном доверии, в том числе как к лицам, совместно с которыми она осуществляется, так и к контрагентам. Безусловно, совместная деятельность способствует как достижению определенных поставленных коммерческих целей, так и увеличению получаемой прибыли. Совместная предпринимательская деятельность может, с учетом специфики, выходить как за пределы территориальных образований, субъектов Российской Федерации, так и за пределы самой Российской Федерации. Кроме того, в предпринимательской деятельности могут участвовать как резиденты Российской Федерации (физические и юридические лица), так и нерезиденты. С учетом этого, регулирование предпринимательской деятельности, прав и обязанностей ее участников, может осуществляться как законодательством Российской Федерации, так и иностранным законодательством, в том числе корпоративным. Международное частное право, которое носит как материальный, так и прецедентный характер, с учетом своей специфики достаточно сложно для правоприменения и требует знания и понимания как определенных нормативных актов (в том числе иностранных, которые весьма существенно по структуре и содержанию отличаются от привычных для российского предпринимателя), так и зачастую судебной зарубежной практики. И в этой ситуации желание получить большую прибыль толкает российских предпринимателей на выход на международный уровень, даже с учетом определенного правового нигилизма, связанного с незнанием либо недопониманием специфики правового регулирования в сфере международного частного права. При этом не учитываются (либо учитываются, но этому не придается должного значения) следующие моменты: предпринимательская деятельность не всегда осуществляется лицами, намеренными оставаться в рамках правового поля. Российские предприниматели порой надеются использовать как подобное незнание своими контрагентами положений международного частного права, так и собственное знание установленных международным частным правом требований, допущений, разрешений, прав и обязанностей. Иногда такое использование сопряжено с обманом или злоупотреблением доверием и влечет за собой завладение чужим имуществом или попытку его завладеть (либо правом на имущество). Чаще всего имеет место факт разногласий между участниками договорных отношений по поводу распределения и получения прибыли.

1. Значение норм иностранного права при квалификации мошенничества

При проведении процессуальной проверки и расследовании уголовных дел о преступлениях подобной категории следователю (особенно на первоначальном этапе) неясно, в чем именно заключается мошенничество, кто и в отношении кого совершил преступление (совершил хищение имущества путем обмана или злоупотребления доверием) и на основании каких нормативно-правовых актов принимать решение, связанное с квалификацией совершенного деяния. Более того, не исключена ситуация, когда имеет место не преступление, а факт разногласий между участниками договорных отношений по поводу распределения и получения прибыли, т.е. гражданско-правовых отношений. Разногласия между сторонами, возникшие по таким отношениям, подлежат рассмотрению в соответствующем суде, что влечет за собой отсутствие оснований для привлечения кого-либо к уголовной ответственности (и, соответственно, перенос спора из гражданско-правовой плоскости в уголовно-правовую и уголовно-процессуальную со всеми вытекающими отсюда последствиями).

В этой ситуации перед следователем возникает проблема: как квалифицировать подобные деяния – как уголовно наказуемое преступление или рассматривать как гражданско-правовые отношения. Однако для того, чтобы правильно ответить на этот вопрос, следователь должен знать (или принять меры к получению такого знания) ответы на ряд вопросов, связанных с положениями международного частного права.

Установление соответствующих сведений и обстоятельств входит в предмет доказывания (ст. 73 Уголовно-процессуального кодекса РФ [1]) и должно улавливаться в ходе следствия, так как только после их установления возможно решить вопросы квалификации. Безусловно, предмет доказывания и входящие в него обстоятельства (в том числе связанные с решением вопросов правового характера) устанавливаются путем проведения следственных и иных процессуальных действий. Проведение таких действий по конкретному уголовному делу входит в круг полномочий соответствующего должностного лица правоохранительного органа.

Один из таких вопросов связан с тем, нормы какого права (российского или иностранного) применяются в тех или иных случаях при осуществлении предпринимательской деятельности. Чаще всего данный вопрос возникает в связи с тем, что в предпринимательской деятельности нередко используются нормы корпоративного права, которое свое наибольшее развитие получило в Великобритании. В связи с этим нормы английского права нередко применяются и при регулировании отношений, возникающих и существующих за пределами Великобритании, в том числе в Российской Федерации. Данный вопрос связан с тем, что нередко в том или ином договоре, соглашении (связанных с предпринимательской или корпоративной деятельностью) указывается, что возникающие при реализации такого соглашения правоотношения и вопросы регламентируются, разрешаются и подпадают под действие не российского права, а права иностранного (в том числе, например, английского). Более того, нередки случаи, когда предметом соглашения (договора) является прибыль, получаемая от деятельности иностранной орга-

низации. Наличие подобного иностранного элемента существенно осложняет определение соответствующих норм, подлежащих применению. И в зависимости от того, нормы какого права (государства) будут применены, возможно кардинально противоположное участие в деятельности соответствующей организации, его управление, распределение прибыли, принятие решений и т.п., что, соответственно, может использовать в своих целях то или иное лицо и влиять на вопрос о наличии в его действиях мошенничества (преступления, предусмотренного ст. 159 Уголовного кодекса РФ [2] (далее – УК РФ)). Соответственно, перед следователем (а в дальнейшем перед прокурором, судьей) встает вопрос: возможно ли применение норм права другого государства (в том числе английского права (права Великобритании)) и перевод возникающих вопросов (в данной ситуации гражданско-правового характера) в юрисдикцию не российского, а иностранного права при регулировании отношений, возникающих на основании того или иного соглашения (мы говорим о добровольном подписании подобного соглашения, договора), в котором имеется зафиксированное волеизъявление сторон о передаче возникающих вопросов в юрисдикцию иного государства (права иного государства, в том числе английского), если договор составлен на территории Российской Федерации?

Несмотря на то что результат ответа на данный вопрос повлияет на процессуальное решение уголовного характера (об отказе или возбуждении уголовного дела, предъявлении обвинения и т.п.), правоприменитель (следователь, прокурор, судья) должен обратиться к нормам гражданско-правового характера.

Из системного анализа ст. 1210 Гражданского кодекса РФ [3] (далее – ГК РФ) и ст. 14 Арбитражного процессуального кодекса РФ [4] следует, что при заключении договора закон позволяет сторонам выбрать нормы иностранного права, которые подлежат применению к их правам и обязанностям. Соответственно, заключение договора (соглашения), в котором будет указываться на возможность применения в ходе его реализации, а также устранения возникающих разногласий с применением положений иностранного права, не может рассматриваться как мошенничество, так как допускается положениями права российского.

На допустимости применения норм иностранного права стоит также Верховный Суд РФ [5; 6].

Таким образом, при проведении процессуальных проверок и расследовании уголовных дел о мошенничестве, связанном с использованием и применением положений международного частного права путем обмана или злоупотреблением доверием, следует сделать вывод, что применение норм иностранного права (в том числе английского права (права Великобритании)) при регулировании отношений, возникающих на основании соглашений (договоров) (в том числе отнесение вопросов гражданско-правового характера в иностранную юрисдикцию (например, английского права), даже если соглашение (договор) составлено на территории Российской Федерации, возможно. Игнорирование такого положения может привести к неверной квалификации и, как следствие, к привлечению к уголовной ответственности невиновного лица, так и к неправомерному освобождению лица, совершившего мошенничество.

2. Значение положений российского и иностранного права о представительстве и третьих лицах при квалификации мошенничества

Нередко следователь сталкивается с еще одной проблемой, связанной с квалификацией тех или иных действий как мошенничества. Данный вопрос связан с совершением представительства и действий (в том числе юридически значимых) одних лиц от имени других. И следователь, расследуя уголовное дело, решает вопрос: могут ли интересы участников соответствующих договоров (соглашений) представлять третьи лица, выполняя при этом соответствующие действия (в том числе связанные, например, с получением или распределением прибыли), при наличии ссылки о возможности регулирования правоотношений иностранного права, и какой нормой урегулирован данный вопрос?

В данном случае в соответствии с российским законодательством порядок осуществления представительства и выдачи доверенности регламентируется гл. 10 ГК РФ (ст. 182–189 [7]). Следует также учитывать положения заключенного между сторонами соглашения (договора), если данный вопрос затрагивался, и положения законодательства, связанного с осуществлением представительства.

Нередко в договоры (соглашения) включается положение о том, что, за исключением случаев, когда в договоре (соглашении) прямо не указано иное, договор (соглашение) не наделяет какое-либо лицо или сторону (помимо сторон договора (соглашения)) какими-либо правами на основании Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8], что не всегда позволяет сделать однозначный вывод о возможности осуществления данного представительства в соответствии с имеющейся доверенностью. В подобных ситуациях следует устанавливать правовой статус (мы имеем в виду гражданско-правовой, а не уголовно-процессуальный), в том числе выяснять, является ли то или иное лицо третьим лицом или представителем, так как признание лица третьим лицом исключает, как правило, возможность участия в соответствующих договорах (соглашениях) как не являющихся субъектами таковых.

Кроме того, следует учитывать положение, согласно которому все сомнения толкуются в пользу обвиняемого.

В случае, если то или иное лицо выступает именно представителем, следует учитывать положения заключенного договора (соглашения, контракта и т.п.), а также положения гражданского законодательства, связанного с представительством и доверенностью. При этом следует учитывать положение п. 1 ст. 182 ГК РФ, согласно которому сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого. При этом согласно п. 4 ст. 182 ГК РФ не допускается совершение через представителя сделки, которая по своему характеру может быть совершена только лично, а равно других сделок, указанных в законе.

Согласно ст. 1217.1 ГК РФ, если иное не вытекает из закона, отношения между представляемым или представителем и третьим лицом определяются по праву страны, которое выбрано представляемым в доверенности, при условии, что третье лицо и представитель были извещены об этом выборе.

По общему правилу отношения между представляемым или представителем и третьим лицом определяются по праву того государства, в котором живет или осуществляет деятельность представитель. Если третье лицо не знало и не должно было знать об этих обстоятельствах, то применяется право страны, где преимущественно действовал представитель в конкретном случае.

Следует также учитывать сведения о том, какое право выбрано в доверенности и что третье лицо (третьи лица, в том числе иные участники договора (соглашения, контракта и т.п.)) было извещено об этом выборе.

В целом следует ответить, что интересы участников соглашения (договора, контракта и т.п.) могут представлять иные лица. В российском законодательстве данные правоотношения регламентируются ст. 182–189 ГК РФ.

С предыдущим вопросом связан еще один вопрос, также связанный с возможностью квалификации мошенничества по делам рассматриваемой категории, а именно имеет ли полученная на территории Российской Федерации доверенность на представление интересов юридическую силу при решении споров по подобным соглашениям (договорам, контрактам и т.п.) и их реализации, включая осуществление юридически значимых действий представителем от имени представляемого.

Прежде всего по уголовным делам о мошенничестве такие вопросы связаны с распределением полученной (или предполагаемой) прибыли. Вопрос заключается в том, может ли принимать участие в распределении прибыли не только непосредственно сам участник соглашения (договора, контракта), но и его представитель (в том числе при отсутствии представляемого лица), что, соответственно, может повлечь за собой хищение денежных средств или иного имущества (права на имущество).

При ответе на данный вопрос следует учитывать, что по правилам ст. 155, 156, 185 ГК РФ доверенность является односторонней сделкой, которая, в зависимости от характера имеющихся в ней пороков, может быть признана в установленном законом порядке как недействительной, так и ничтожной в силу ст. 168 ГК РФ, в связи с чем следователю следует устанавливать сведения о признании ее недействительной либо прекращении ее действий, либо отсутствии таковых, а также круг действий и полномочий, предусмотренных в той или иной доверенности.

В случае если в доверенности полномочия, связанные с совершением сделок и иных действий гражданско-правового характера, не предусмотрены, то осуществление вышеуказанных юридически значимых действий невозможно.

В случае, если такие действия в доверенности предусмотрены, то отказ в представительстве при реализации положений договора (соглашения, контракта) возможен только в определенных случаях, предусмотренных п. 4 ст. 182 ГК РФ, в том числе при совершении сделки, которая носит личный характер.

На наш взгляд, не имеется оснований считать, что действия, связанные с распределением и получением прибыли, относятся к таким обстоятельствам. В законе запрета на совершение рассматриваемых действий через представителя не имеется. Реализация прав представляемого не является сделкой, которая устанавливает, изменяет или прекращает права и обязанности.

Каких-либо особых препятствий для осуществления юридически значимых действий представителем от имени представляемого, связанных с реализацией подобных договоров (соглашений, контрактов), при наличии действующей доверенности, не имеется.

Таким образом, полученная на территории РФ доверенность на представление интересов участников соответствующих договоров (соглашений, контрактов) имеет юридическую силу при решении споров по таким договорам (соглашениям, контрактам), включая распределение прибыли (при наличии соответствующих полномочий в доверенности).

При расследовании уголовных дел о мошенничестве, связанном с соглашениями, в которых используются положения международного частного права, при реализации которых возникают вопросы распределения прибыли и осуществления представительства, следовательно, используя предоставленные ему уголовно-процессуальным законодательством полномочия, также должен выяснить дополнительно следующие обстоятельства:

а) повлечет ли за собой представительство в рамках реализации того или иного контракта (соглашения, договора) нарушение коммерческой тайны, что, в свою очередь, нарушает права иных участников контракта (соглашения, договора) (что также делает необходимым принятие решения о наличии либо отсутствии признаков преступления, предусмотренного ст. 183 УК РФ)?

б) является ли представитель третьим лицом, которое может быть рассмотрено как какое-либо лицо или сторона (помимо сторон настоящего договора), которое соответствующее соглашение (договор, контракт) не наделяет какими-либо правами на основании ранее упомянутого Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г.?

Следует полагать, что реализация интересов участников договора (соглашения, контракта) путем участия представителя в обсуждении полученной общей прибыли указанных компаний от совместной деятельности и ее распределении не может рассматриваться как нарушение коммерческой тайны, в соответствии с Федеральным законом от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» [9], согласно ч. 1 ст. 6.1 которого права обладателя информации, составляющей коммерческую тайну, возникают с момента установления им в отношении этой информации режима коммерческой тайны в соответствии со ст. 10 данного Закона. Кроме того, обмен информацией о полученной прибыли в целях ее распределения является способом реализации подобных соглашений (договоров, контрактов). Право на получение такой информации имеют все участники соглашения (договора, контракта). Данное право может быть реализовано (при невозможности его реализации лично) участником путем предоставления соответствующей доверенности своему представителю, действующему во взаимоотношениях с участниками соглашения (договора, контракта) не от собственного имени, а от имени представляемого лица, в связи с чем представительство интересов участника в рамках подобного договора (соглашения, контракта) не повлечет за собой нарушение коммерческой тайны и нарушение прав иных участников соглашения (договора, контракта). Это,

в свою очередь, исключает уголовную ответственность по ст. 183 УК РФ (незаконное получение и разглашение коммерческой тайны).

Рассмотрение вопроса, является ли представитель третьим лицом, которое может быть рассмотрено как какое-либо лицо или сторона (помимо сторон договора (соглашения, контракта)), которое такое соглашение (договор, контракт) не наделяет какими-либо правами на основании Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8], нами исследовано с позиции российского материального права и английского права.

В соответствии с положениями российского права третьим лицом признается субъект материальных правоотношений, связанный с рассматриваемым правоотношением. Такое лицо обладает собственными субъективными правами либо охраняемыми законом интересами, которые могут как совпадать с интересами участников гражданских (в том числе договорных) правоотношений, так и не совпадать.

Согласно ст. 430 ГК РФ договором в пользу третьего лица признается договор, по которому исполнение производится не участникам соглашения, а третьему лицу.

На аналогичной позиции стоит и Пленум Верховного Суда РФ [6; 10].

Следует признать, что при выдаче доверенности у представителя никаких прав, вытекающих из договора, не возникает, и, соответственно, у сторон соглашения (договора, контракта) не образуется каких-либо корреспондируемых им обязательств. При реализации полномочий, указанных в доверенности, представитель реализует не свои собственные права и законные интересы, а только права представляемого лица, вытекающие из заключенного соглашения (договора, контракта). В связи с этим представитель не может быть рассмотрен как третье лицо.

Рассматривая положения английского права, следует учитывать положения некоторых нормативных актов, регламентирующих применение доверенности в гражданском праве, а также правовое положение третьих лиц, в том числе Закон «О доверенностях» 1971 г. [11] и Закон «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8].

Рассматривая вопросы доверенности, следует учитывать, что выдача доверенности в Великобритании регулируется ч. 10 Закона «О доверенностях» 1971 г. Обычная доверенность, в отличие от постоянной доверенности, которая выдается для передачи решений, касающихся вопросов медицинского обслуживания и социальной защиты населения, может быть выдана только для решения вопросов, связанных с недвижимостью или при решении финансовых вопросов. Доверитель отвечает за действия доверенного лица, возложенные на него доверенностью, на все время действия доверенности [12].

Представитель не относится к категории третьих лиц. Основным правилом, определяющим правовое положение третьего лица в договоре в английском праве, является правило о недопустимости вмешательства, согласно которому третьи лица не приобретают прав и обязанностей по договору. Третье лицо, согласно английскому праву, – это лицо, не являющееся стороной договора и не участвовавшее в заключении договора, но имеющее интерес в его исполнении [13, р. 270; цит. по: 14, с. 107].

В английском праве только стороны договора могут приобретать права и обязанности в соответствии с ним. При этом согласно выработанному судебной практикой «правилу недопустимости вмешательства третьих лиц в договор» (далее – правило недопустимости вмешательства) третьи лица не приобретают прав по заключенному договору даже в том случае, если он был заключен в их пользу.

В 1999 г. из этого правила появился ряд исключений, в том числе возникших после принятия Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. С принятием Закона у третьих лиц появилась возможность требовать исполнения договоров, в том числе и безвозмездных [14].

Обращение к тексту Закона Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8] позволяет определить круг таких лиц, а именно лиц, имеющих право обеспечить принудительное исполнение договорных условий (не входящее в число сторон договора), в следующих случаях:

- условия договора в прямой форме предусматривают такое право соответствующего лица;
- из содержания этого условия следует, что оно предполагает предоставление ему выгоды.

Согласно положениям указанного Закона если стороны договора не хотят, чтобы кто-либо другой мог требовать исполнения договора, то они могут ясно выразить это в договоре [8].

Однако представитель под данную категорию третьего лица не подпадает, так как лично для него (как правило) договор никаких прав не предоставляет (так же как и обязанностей). В результате реализации условий соглашения (договора, контракта) лично для себя как третье лицо он никаких выгод не получает, самостоятельных требований не заявляет и заявить не может, являясь лишь исполнителем воли, реализуя права и законные интересы своего доверителя (представляемого лица).

Таким образом, при наличии доверенности представитель может представлять интересы представляемого лица – участника соглашения (договора, контракта) в рамках соответствующего соглашения (договора, контракта) (при наличии таких полномочий в доверенности), что основано на положениях ст. 182–189, 430 ГК РФ [7], постановлений Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» [6], от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» [10], законов Великобритании «О доверенностях» 1971 г. [11], «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. [8].

3. Значение положений о распределении прибыли и форс-мажорных обязательствах при квалификации мошенничества

И здесь возникает еще один вопрос, связанный с квалификацией хищения имущества (прав на имущество), полученного в результате предпринимательской деятельности в рамках соответствующего контракта (соглашения, договора) между его участниками. А именно: в случае, если один из участников соглашения (договора, контракта) не может самостоятельно исполнять взятые на себя права и обя-

зательства в связи с наличием объективных обстоятельств (например, заболевания), обязаны ли иные участники соглашения (договора, контракта) выполнять взятые на себя обязательства или имеют возможность аккумулировать прибыль у себя с целью последующего распределения ее после прекращения таких обстоятельств (например, выздоровления одного из участников соглашения (договора, контракта))? Или их действия следует рассматривать как мошенничество?

Отвечая на этот вопрос, следует учитывать, что права и обязанности участников соответствующего соглашения (договора, контракта), в том числе связанные с распределением прибыли, определяются, как правило, положениями соответствующего соглашения (контракта, договора).

Общая черта российского регулирования со многими иностранными и международными актами, а также международными договорными обычаями – действие непреодолимой силы («форс-мажор») освобождает от ответственности за нарушение обязательства, но не прекращает само обязательство и не изменяет сроки его исполнения [15].

С учетом положений российского законодательства, в данном случае следует применять положения нормы ст. 401 ГК РФ, в соответствии с которой (п. 1) лицо, не исполнившее обязательства либо исполнившее его ненадлежащим образом, несет ответственность при наличии вины (умысла или неосторожности), кроме случаев, когда законом или договором предусмотрены иные основания ответственности.

Если иное не предусмотрено законом или договором, лицо, не исполнившее или ненадлежащим образом исполнившее обязательство при осуществлении предпринимательской деятельности, несет ответственность, если не докажет, что надлежащее исполнение оказалось невозможным вследствие непреодолимой силы (п. 3 ст. 401 ГК РФ).

Для английского права данный вопрос неактуален, так как взыскание убытков не зависит от наличия или отсутствия вины и даже обстоятельств непреодолимой силы [16]. Для того чтобы иметь юридический эффект, условие о форс-мажоре в соответствии с английским правом должно быть включено в договор. Так, стороны вправе предусмотреть, что при возникновении конкретных чрезвычайных обстоятельств могут наступить определенные в договоре правовые последствия. Оговорка о форс-мажоре должна быть в достаточной степени детализированной, иначе суд может признать такое договорное условие ничтожным [17; цит. по: 18].

Заболевание иного лица не является основанием для невыполнения своих обязательств иными участниками соглашения (договора, контракта). Таким образом, в случае, если один из участников соглашения (контракта, договора) не может самостоятельно исполнять взятые на себя права и обязательства в связи с заболеванием, иные участники соглашения (договора, контракта) обязаны выполнять взятые на себя обязательства. Однако данный вопрос необходимо рассматривать с учетом иных возможных положений соглашения (договора, контракта).

В некоторых случаях участники подобного соглашения (договора, контракта), при невозможности одного из участников реализовать свои полномочия в результате форс-мажорных обстоятельств, желая присвоить полученную прибыль, даже при наличии представителя такого участника (через которого он намеревается ре-

ализовать свои полномочия), отказываются ее распределять и делится ею (в том числе через представителя), ссылаясь на то, что соглашение (договор, контракт) носит личный характер, не предусматривая возможность реализации вытекающих из соглашения (контракта, договора) полномочий. Данные показания можно опровергнуть, выяснив, имеет ли представитель право получать прибыль по такому соглашению (договору, контракту), имея доверенность от участника и учитывая, что он (участник) не может самостоятельно представлять свои интересы как следствие форс-мажорных обстоятельств.

В соответствии со ст. 185 ГК РФ представитель имеет право получать прибыль по таким соглашениям (контрактам, договорам), имея доверенность (в случае предоставления ему таких полномочий в доверенности от участника). Соответственно, отказ остальных участников от распределения и передачи части прибыли в этом случае позволяет сделать вывод о наличии признаков соответствующего преступления против собственности.

Также при наличии соответствующей доверенности представитель в соответствии со ст. 185 ГК РФ имеет право получать сведения, связанные с реализацией соответствующего соглашения. Отсутствие таких полномочий в доверенности препятствует возможности получения таких сведений (информации). Представитель также, согласно ст. 185 ГК РФ, имеет право участвовать в обсуждении вопроса о распределении прибыли вместо участника, имея доверенность от участника в случае предоставления таких полномочий в доверенности. Отсутствие таких полномочий в доверенности препятствует возможности получения таких сведений (информации). Круг полномочий должен быть прямо зафиксирован в доверенности [19].

При отсутствии таких полномочий в доверенности представитель получать прибыль возможности не имеет. В случае, если в соглашении (договоре, контракте) указан конкретный адрес направления прибыли (получатель, банковские реквизиты), то прибыль подлежит направлению именно по предусмотренным в соглашении (договоре, контракте) реквизитам. Изменение получателя и банковских реквизитов получателя прибыли возможно только при изменении условий соглашения (договоре, контракте).

Заключение

Подводя итоги, следует сказать, что при расследовании и квалификации преступлений, связанных с совершением мошенничества при реализации соглашений (договоров, контрактов), содержащих положения международного частного и иностранного (в том числе английского) права (включая распределение прибыли), даже если такие соглашения заключены на территории Российской Федерации, следует учитывать возможность применения норм как российского, так и иностранного права при регулировании отношений, возникающих на основании соглашений. Это требует знания и понимания таких норм правоприменителем.

Пристатейный библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ // Российская газета. 2001. 22 дек. № 249.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552.
4. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» // Российская газета. 2017. 4 июля. № 144.
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. 2019. 17 июля. № 154.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
8. Закон Великобритании «О договорах (правах третьих лиц)» 1999 г. // *Juris facto* : сайт. URL: https://perevodzakonov.ru/zakony/contracts_third_parties_rights_act_1999.pdf?ysclid=lvglhlczhd349284957 (дата обращения 24.08.2025).
9. Федеральный закон от 29 июля 2004 г. № 98-ФЗ «О коммерческой тайне» // СЗ РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. 2016. 5 дек. № 275.
11. Закон Великобритании «О доверенностях» 1971 г. // *Legislation.gov.uk* : сайт. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/27/1991-02-01> (дата обращения 24.08.2025).
12. Виды доверенностей в Великобритании // Англия: медиа-портал : сайт. URL: <https://angliya.com/publication/vidy-doverennostey-v-velikobritanii/> (дата обращения 24.08.2025).
13. *Elliott C., Quinn F. Contract Law*. 8th ed. London : Pearson Education Limited, 2011.
14. Чурилов А. Ю. Особенности правового положения третьих лиц в английском праве // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2015. № 4 (45).
15. Попов Д. А. Форсаж (о форс-мажоре и новой реальности) // Оборонно-промышленный комплекс: вопросы права. 2020. № 4.
16. Перемена лиц в обязательстве и ответственность за нарушение обязательства : комментарий к статьям 330–333, 380–381, 382–406.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М. : М-Логос, 2022.
17. *British Electrical and Associated Industries (Cardiff) Ltd v. Patley Pressings Ltd*. [1953] 1 WLR 280.

18. Архипов Д. А. Модификация обязательств при наступлении форс-мажора: теория и практика // Судья. 2020. № 7.

19. Письмо Федеральной нотариальной палаты от 22 июля 2016 г. № 2668/03-16-3 «О Методических рекомендациях по удостоверению доверенностей» (вместе с Методическими рекомендациями по удостоверению доверенностей, утв. решением Правления ФНП от 18 июля 2016 г., протокол № 07/16) // СПС «КонсультантПлюс».

References

1. Criminal Procedural Code of the Russian Federation of December 18, 2001 No. 174-FZ. *Rossiiskaia Gazeta*, December 22, 2001, no. 249. (In Russ.)
2. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
3. Civil Code of the Russian Federation (Part Three) of November 26, 2001 No. 146-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2001, no. 49, art. 4552. (In Russ.)
4. Arbitration Procedural Code of the Russian Federation of July 24, 2002 No. 95-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 30, art. 3012. (In Russ.)
5. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 27, 2017 No. 23 "On the Consideration by Arbitration Courts of Cases on Economic Disputes Arising from Relations Complicated by a Foreign Element". *Rossiiskaia Gazeta*, July 4, 2017, no. 144. (In Russ.)
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of July 9, 2019 No. 24 "On the Application of the Norms of Private International Law by the Courts of the Russian Federation". *Rossiiskaia Gazeta*, July 17, 2019, no. 154. (In Russ.)
7. Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994 No. 51-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1994, no. 32, art. 3301. (In Russ.)
8. Contracts (Rights of Third Parties) Act 1999 of the United Kingdom. URL: https://perevodzakonov.ru/zakony/contracts_third_parties_rights_act_1999.pdf?ysclid=lvglhlczhd349284957 (date of the application: 24.08.2025). (In Russ.)
9. Federal Law of July 29, 2004 No. 98-FZ "On Commercial Secrets". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2004, no. 32, art. 3283. (In Russ.)
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of November 22, 2016 No. 54 "On Some Issues of the Application of the General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Performance". *Rossiiskaia Gazeta*, December 5, 2016, no. 275. (In Russ.)
11. Powers of Attorney Act 1971 of the United Kingdom. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1971/27/1991-02-01> (date of the application: 24.08.2025).
12. Types of Powers of Attorney in the UK. URL: <https://angliya.com/publication/vidy-doverennostey-v-velikobritanii/> (date of the application: 24.08.2025).
13. Elliott C., Quinn F. Contract Law. 8th ed. London: Pearson Education Limited, 2011.
14. Churilov A. Iu. Features of the Legal Status of Third Parties in English Law. *Bulletin of Omsk University. Series "Law"*, 2015, no. 4 (45). (In Russ.)
15. Popov D. A. Forsage (on Force Majeure and the New Reality). *Defense-Industrial Complex: Legal Issues*, 2020, no. 4. (In Russ.)

16. Karapetov A. G. (ed.). Change of Persons in an Obligation and Liability for Breach of an Obligation: Commentary to Articles 330–333, 380–381, 382–406.1 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow: M-Logos, 2022. (In Russ.)

17. *British Electrical and Associated Industries (Cardiff) Ltd v. Patley Pressings Ltd.* [1953] 1 WLR 280.

18. Arkhipov D. A. Modification of Obligations upon the Occurrence of Force Majeure: Theory and Practice. *Judge*, 2020, no. 7. (In Russ.)

19. Letter of the Federal Notary Chamber of July 22, 2016 No. 2668/03-16-3 “On the Methodological Recommendations for the Certification of Powers of Attorney” (together with the Methodological Recommendations for the Certification of Powers of Attorney, approved by the decision of the Board of the Federal Notary Chamber of July 18, 2016, protocol No. 07/16) (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. В. Лавринов – кандидат юридических наук, доцент, полковник юстиции.

Т. А. Пасикова – кандидат юридических наук.

Information about the authors:

V. V. Lavrinov – PhD in Law, Associate Professor, Colonel of Justice.

T. A. Pasikova – PhD in Law.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025; одобрена после рецензирования 01.10.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 25.08.2025; approved after reviewing 01.10.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 343

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-152-163>

ПРОБЛЕМЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИФРОВИЗАЦИИ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

Вадим Михайлович Пашин¹

Максим Александрович Лещов²

^{1,2} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

¹ paschin@mail.ru

² m.leschov@yandex.ru

Аннотация

Оперативно-разыскная деятельность органов внутренних дел, призванная оказывать действенную помощь обществу при охране правопорядка и общественной безопасности, в условиях глобальной цифровизации претерпевает существенные изменения. В связи с этим профессиональная подготовка оперативных сотрудников, имеющих определенные знания и навыки в сфере применения цифровых технологий для раскрытия и расследования преступлений, возрастает день ото дня, поскольку цифровизация приобретает глобальные масштабы. Целью настоящей статьи является исследование проблем профессиональной подготовки сотрудников подразделений оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел в условиях глобальной цифровизации и путей их решения. Для достижения цели исследования использовался комплекс научных методов познания, среди которых метод сравнительного правоведения, позволяющий выявлять основные закономерности развития систем правового регулирования по заданной теме работы и выявлять специфические особенности, связанные с этим процессом.

Ключевые слова: кадровая политика МВД России; цифровизация общества; профессиональная подготовка; оперативно-разыскная деятельность; управлен-

ческие решения; криминалистическая значимая информация; компетенции для работы с цифровыми данными.

Для цитирования: Пашин В. М., Лещов М. А. Проблемы профессиональной подготовки сотрудников подразделений оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел в условиях глобальной цифровизации и пути их решения // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 152–163. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-152-163>

Research Article

PROBLEMS OF PROFESSIONAL TRAINING OF EMPLOYEES OF OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE CONTEXT OF GLOBAL DIGITALIZATION AND WAYS TO SOLVE THEM

Vadim M. Pashin¹

Maxim A. Leshchov²

^{1,2} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

¹ paschin@mail.ru

² m.leschov@yandex.ru

Abstract

The operational investigative activities of the internal affairs bodies, designed to provide effective assistance to society in protecting law and order and public safety, are undergoing significant changes in the context of global digitalization. In this regard, the professional training of operational staff with certain knowledge and skills in the field of digital technologies for the detection and investigation of crimes is increasing day by day, as digitalization is gaining global proportions. The purpose of this article is to study the problems of professional training of employees of operational investigative activities of law enforcement agencies in the context of global digitalization and ways to solve them. To achieve the purpose of the study, a set of scientific methods of cognition was used, among them the method of comparative law, which allows identifying the main patterns of development of legal regulation systems on a given topic of work and identifying specific features associated with this process.

Keywords: personnel policy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation; digitalization of society; professional training; operational investigative activities; management decisions; criminalistically significant information; competencies for working with digital data.

For citation: *Pashin V. M., Leshchov M. A. Problems of Professional Training of Employees of Operational Investigative Activities of Law Enforcement Agencies in the Context of Global Digitalization and Ways to Solve Them. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 2, pp. 152–163. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-152-163>

Введение

Кадровая политика МВД России влияет на формирование стратегии кадровой работы в ОВД, устанавливая цели и задачи, определяя научные основы подбора, расстановки и развития кадров, совершенствования форм и методов работы с кадрами в конкретно-исторических условиях того или иного периода развития страны [1, с. 101]. Ее целью служит формирование профессионального состава кадров, их сохранение, воспроизводство, укрепление, развитие, рациональное и эффективное использование в служебной деятельности [2, с. 288]. Значимость профессиональной подготовки сотрудников в условиях глобальной цифровизации, особенно ее оперативного состава, велика, поскольку от их профессионализма зависит результативность раскрытия преступлений. Необходимость приобретения соответствующих знаний, навыков и умений при использовании информационных технологий сотрудниками ОВД является необходимым условием раскрытия и расследования преступлений.

1. Важность знаний и навыков в сфере применения цифровых технологий для принятия правильных управленческих решений

Эффективность организации ОВД на всех уровнях требует ее обеспечения квалифицированными кадрами, которые должны обладать высоким уровнем знаний в сфере цифровых технологий, используемых в оперативных целях. Поэтому уместно говорить о том, что в настоящее время актуальность настоящей статьи обусловлена происходящими качественными изменениями, касающимися требований к профессиональным навыкам сотрудников оперативно-разыскных подразделений. Необходимость в их приобретении продиктована цифровизацией самого общества и требуется не только оперативному, но и руководящему составу. В современной реальности это критически важный фактор, определяющий эффективность работы всего подразделения, а зачастую и исход расследования. Задача начальствующего (руководящего) состава при осуществлении должностных обязанностей, в том числе, заключается в принятии под свою персональную ответственность управленческих решений. Поэтому руководители должны уметь оценивать эффективность использования информационных технологий в работе подразделения и вносить необходимые коррективы в стратегию и тактику расследования и оперативно-разыскных действий.

В специальной литературе отмечается, что управление – это процесс необходимый для формулирования и достижения цели в организации при оптимальном использовании ресурсов. Он связан с прогнозированием, планированием, организацией, мотивацией, координацией и контролем [3]. В. Н. Уваров отмечает, что при помощи управления осуществляются функции и полномочия госорганов [4, с. 148]. Так, в соответствии с указом Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 [с. 5] к полномочиям МВД России отнесены разработка и осуществление мер по реализации государственной политики в сфере органов внутренних дел, включая организацию и реализацию кадровой политики.

Управление реализуется посредством принятия управленческих решений, которые представляют собой особый класс решений. Любое управленческое решение в сфере ОВД – это ответственное решение. Оно является специально избранным и сформированным процессом, основанным на мыслительных функциях, касающихся сопоставления, сравнительного анализа, синтеза, умозаключения и вывода. Данный процесс должен учитывать множество всевозможных обстоятельств, включая положительные и отрицательные аспекты в его технологическом и ресурсном обеспечении [6, с. 92]. Принятие управленческих решений в целях реализации ОРД в ОВД является специализированной деятельностью, призванной упорядочить не только отношения между сотрудниками правоохранительных органов, но также обозначить приоритетные направления в розыскной деятельности, связанной со своевременным и надлежащим использованием цифровых технологий для решения поставленных перед оперативной группой задач. Наибольший интерес в настоящей статье представляют управленческие решения, связанные с применением в ОРД цифровых технологий, которые имеют свою специфику.

Для того чтобы управленческие решения и распоряжения руководящего состава, связанные с применением цифровых технологий для раскрытия преступления, были эффективными, важно не только иметь опыт, но и обладать навыками использования компьютерной техники. Необходимо, чтобы руководители подразделений имели знания в сфере возможностей использования в ОРД ключевых элементов цифровых технологий, а именно возможностей *Internet of Things (IoT)*, искусственного интеллекта (*AI*), Больших данных (*Big Data*), облачных вычислений (*Cloud Computing*), автоматизированных информационно-поисковых систем и т.п. Это напрямую связано с рациональным использованием имеющихся ресурсов, а также с анализом ситуации и ее оценки в сочетании с выбором оптимальных способов действий, применяемых в условиях цифровизации для раскрытия преступления. Руководящему (начальствующему) составу правоохранительных органов, включая руководителей подразделений ОРД, при принятии управленческого решения следует уделять необходимое внимание факторам, объективно влияющим на процесс профессионализма кадрового состава. При этом принятое управленческое решение должно быть реализовано, т.е. исполнено [7, с. 9].

2. Необходимость наличия цифровых компетенций у сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность

Сотрудник оперативно-разыскного подразделения должен решать задачи, поставленные перед ним руководством. В условиях цифровизации общества, а также в условиях, когда при осуществлении ОРД возможно использовать «блага» информационных технологий и цифровизации с целью расследования и раскрытия преступлений, простого владения компьютером уже недостаточно. Сотрудник должен ясно понимать поставленные перед ним задачи и пути их решения, иметь представление о способах получения оперативной информации посредством применения современных технических средств, а также обладать навыками анализа получаемых данных. Как было показано, цифровые технологии, используемые в ОРД, имеют широкий спектр применения, поэтому сотрудники оперативно-разыскной службы должны обладать определенными познаниями в данной области, чтобы эффективно раскрывать преступления. При этом криминалистически значимая информация, включающая в себя всю информацию о расследуемом преступлении, полученную при изучении выявленных следов [8, с. 9] при проведении ОРМ, весьма разнообразна. В условиях цифровизации не менее разнообразными являются источники получения такой информации. При этом, если оперативно-разыскным службам, занимающимся ОРМ по раскрытию киберпреступлений, необходимы более глубокие познания в данной области, то и иные сотрудники оперативно-разыскных подразделений должны обладать соответствующими знаниями, поскольку преступления, которые еще недавно считались традиционными, переходят в цифровое пространство. Необходимо учитывать, что цифровые технологии, используемые при осуществлении ОРД, имея чрезвычайно широкий спектр применения – от простейшего анализа данных с мобильных телефонов до сложнейшего дешифрования зашифрованных коммуникаций и анализа больших данных – могут быть применены для раскрытия разных по своей общественной опасности преступлений. Поэтому сотрудники ОВД должны обладать не просто определенными познаниями в данной области, а систематизированными и постоянно обновляемыми знаниями, позволяющими эффективно раскрывать преступления в условиях стремительно развивающихся технологий. Это даже не просто вопрос эффективности, а вопрос принципиальной возможности проведения успешных расследований. Сотрудники, специализирующиеся на раскрытии киберпреступлений (например, подразделения по борьбе с компьютерной преступностью), нуждаются в глубоких экспертных знаниях в области программирования, криптографии, сетевых технологий и анализа цифровых следов. В то же время сотрудники других подразделений ОВД должны обладать достаточным уровнем компетенций для работы с цифровыми данными в рамках своих специализаций. Например, сотрудник, занимающийся расследованием убийства, должен уметь грамотно изъять и зафиксировать данные с телефонов жертвы и подозреваемых, правильно интерпретировать геолокационные данные, оценить временные метки сообщений и файлов и, при необходимости, провести первичный анализ цифровых носителей. Аналогично, сотрудник, занимающийся расследованием экономических преступлений, должен уметь анализировать финансовые транзакции, выявленные посредством

цифровых технологий, проводить анализ данных из бухгалтерских программ и баз данных, выявлять признаки мошенничества и отмыwania денег, используя цифровые инструменты и методы анализа.

Недостаток цифровых компетенций у сотрудников, осуществляющих оперативно-разыскную деятельность, может привести к серьезным последствиям: утере важных улик, невозможности доказать вину подозреваемого, затягиванию расследования и в конечном счете к безнаказанности преступников. Однако преступление должно влечь за собой неотвратимость наказания, поскольку среди задач ОРД следует выделить задачу, связанную с неотвратимостью наказания за совершенное преступление, решению которой подчинено само существование уголовной юстиции. В сферу ее влияния входят не только всесторонне-полное и объективное раскрытие конкретных преступлений и изобличение виновного, но также формирование у граждан понимания о неотвратимости наказания, что оказывает в том числе общепреventивное воздействие на общественность.

Современные преступники активно используют цифровые технологии для планирования и совершения преступлений, маскировки своих действий и затруднения работы правоохранительных органов. Ими активно используется шифрование, анонимизирующие сети, криптовалюты, облачные хранилища и другие цифровые технологии для планирования, совершения и сокрытия преступной деятельности.

Сотрудники, осуществляющие ОРД, должны обладать знаниями в области компьютерной криминалистики, сетевых технологий, анализа больших данных, цифровой криптографии и стенографии. Такие знания способны позволить им извлекать, анализировать и использовать цифровые доказательства, которые зачастую являются единственным источником информации о преступлении. Конечно, эксперты или специалисты в области цифровых технологий способны восстановить поврежденные цифровые данные или извлечь из предоставленных сотрудниками уголовного розыска электронных носителей или сложных оптических запоминающих устройств информацию, необходимую для расследования преступления, что является незаменимым преимуществом, однако их работа часто ограничена техническими аспектами. Кроме того, сотрудник уголовного розыска должен иметь навыки грамотной постановки вопросов специалистам, которые не должны выходить за пределы их знаний, а это в условиях цифровизации ОВД, вызывает необходимость прохождения сотрудниками оперативно-разыскных подразделений специальной подготовки и знаний хотя бы основ информационно-технического обеспечения. Проведенный опрос сотрудников уголовного розыска указал на значимую роль специалиста в области цифровых технологий. При этом также указывалось на необходимость привлечения такого специалиста уже на этапе планирования оперативных мероприятий, для получения компетентных разъяснений, прежде всего связанных с поиском значимой для дела информации (цифровых следов) и применения мер к их сохранности. Кроме того, было отмечено, что область познания специалистов достаточно широка, поскольку она может включать в себя как познания в сфере компьютерных устройств и программирования, а также познания в области сетевого взаимодействия и эксплуатации сетевой инфраструктуры и т.п., поэтому иногда недостаточно привлечение одного специалиста

и следует привлекать нескольких с углубленными познаниями в определенных областях цифровых технологий. При этом от сотрудника требуется понимание, какого специалиста необходимо привлечь к работе и какими знаниями должен обладать такой специалист, чтобы обеспечить надлежащую фиксацию доказательств, исключив их утрату. Поэтому для привлечения компетентного в необходимой области специалиста сотруднику ОВД необходим базовый уровень в сфере использования компьютерных технологий [9, с. 106].

Как представляется, в данной сфере необходимо задействовать максимально весь потенциал оперативных сотрудников, которые, не имея специализированного образования, могут, при соответствующей базе обучения, получив необходимые знания в цифровой сфере, более эффективно расследовать преступления. При этом для восстановления полной картины преступления часто требуется более широкий взгляд, который могут обеспечить сотрудники ОВД, обладающие глубоким пониманием контекста дела. Задействование всего потенциала оперативников, дополняющего экспертизу специалистов по цифровым технологиям, критически важно для успешного расследования преступлений.

Проблема состоит в том, что сотрудники уголовного розыска, как правило, не имеют специальной подготовки в области криминалистического анализа данных и цифровой криминалистики. Их знания ограничиваются базовым пониманием работы компьютеров и мобильных устройств, а также частичным пониманием возможностей цифровых технологий, используемых при осуществлении ОРД. Так, опрос сотрудников уголовного розыска также выявил проблему, связанную с определением источника, содержащего криминалистически значимую информацию в крупных компьютерных сетях, поскольку они не обладают не только знаниями, связанными с процессами операционных систем, но и базовыми знаниями об устройстве компьютеров, о функционировании их сетей и т.п., что может привести к утрате доказательств. Однако представляется, что сотрудники уже на настоящем этапе развития цифровых технологий, должны быть компетентны в работе с различными специализированными программными средствами, позволяющими анализировать метаданные файлов, извлекать информацию из различных форматов данных и визуализировать результаты анализа. Например, расследование мошенничества с банковскими картами, взлом компьютерных систем или распространение вредоносных программ невозможно без глубокого понимания принципов работы компьютерных сетей, операционных сетей и баз данных. Сотрудники должны уметь анализировать сетевой трафик и выявлять скрытые связи между участниками преступной деятельности, уметь интерпретировать цифровые данные для расследования преступлений на основе компьютерных технологий, баз данных, используя аналитические методы.

Кроме того, знания в области информационных технологий необходимы для эффективного взаимодействия с другими правоохранительными органами и специализированными организациями. Обмен данными, совместное расследование международных преступлений – все это требует общего языкового понимания и способности работать с различными форматами данных и технологиями. Проведено анкетирование сотрудников районных, областных и специальных оперативно-розыскных подразделений (всего было проанкетировано 55 человек) по

вопросу необходимости получения знаний в сфере возможностей использования ключевых элементов цифровых технологий при осуществлении ОРД. В результате анкетирования было установлено, что самостоятельная учеба для них способствует повышению профессиональных знаний (46 респондентов), а 43 отметили пользу обучения в составе группы на рабочем месте. Среди факторов, которые отрицательно влияют на качество оперативно-разыскной деятельности, 23 опрошенных назвали недостаточный опыт в расследовании дел с применением цифровых технологий, 17 – недостаточные знания в области цифровой криминалистики, криминалистического анализа данных и других дисциплин, 39 – большую загруженность раскрытием преступлений, 15 – отсутствие необходимой литературы по методике расследования дел, в том числе с применением цифровых технологий, или ее низкое качество. 49 респондентов признают необходимость получения знаний и навыков в сфере возможностей использования в ОРД ключевых элементов цифровых технологий, 6 – затруднились ответить. 35 опрошенных считают, что имеют представление о способах получения оперативной информации посредством применения современных технических средств, но в недостаточной степени обладают навыками анализа получаемых данных, 20 – затруднились ответить.

3. Программа организации обучения сотрудников ОВД в сфере цифровых технологий

На основании этих данных можно сделать вывод, что необходимо организовать обучение сотрудников ОВД в сфере применения цифровых технологий. В целях обеспечения высокого уровня профессиональной подготовки работников должна действовать система непрерывного обучения и повышения квалификации служащих, включающая индивидуальную и групповую учебу по специальным планам. Чтобы эффективно использовать потенциал сотрудников уголовного розыска, необходима программа обучения, которая восполнила бы этот пробел, не превращая их в полноценных цифровых экспертов (специалистов ИТ), а давая им базовые знания и навыки, необходимые для работы на начальном этапе расследования. Эта программа обучения должна быть модульной и адаптированной к различным уровням подготовки и уровням доступа к информации. Например, начальный модуль может включать в себя основы цифровой криминалистики: понятие о цепочке хранения доказательств; принципы работы с цифровыми носителями информации; опасность изменения или утраты данных при некорректной работе. Особое внимание следует уделять практическим навыкам безопасного изъятия и упаковки электронных устройств с места преступления.

Второй модуль может включать в себя работу с метаданными: обучение распознаванию и извлечению метаданных из различных типов файлов (фотографии, видео, документы), включая скрытые данные; умение интерпретировать полученную информацию и использовать ее для построения временной линии событий. Третий модуль – идентификация типов цифровых носителей: практическое ознакомление с различными типами носителей информации (флеш-накопители, жесткие диски, SIM-карты, облачные хранилища), их особенностями и методами доступа к информации. Четвертый модуль – взаимодействие с экспертами (специалиста-

ми /П), должен в себя включать: обучение эффективному общению с экспертом по цифровым технологиям, умению правильно формулировать запросы и интерпретировать полученные результаты. Пятый модуль – обучение базовым навыкам работы с программным обеспечением для анализа данных: знакомство с базовыми инструментами, например, бесплатными утилитами для просмотра метаданных или предварительного анализа содержимого носителей. Обучение работе с этими инструментами должно быть практическим и ориентированным на решение конкретных задач. Более продвинутые модули могут включать в себя изучение специализированного программного обеспечения, более сложных методов анализа данных, а также особенности работы с конкретными типами устройств (например, смартфонами или автомобилями).

Обязательной частью обучения должна стать отработка практических навыков на реальных и смоделированных кейсах. Это позволит служащим оперативно-разыскных подразделений закрепить полученные знания и научиться применять их на практике. Внедрение такой программы обучения позволит существенно повысить эффективность расследований, уменьшив время, затрачиваемое на анализ цифровых данных, и увеличив вероятность раскрытия преступлений, поскольку сотрудники оперативно-разыскных подразделений, обладающие базовыми знаниями и навыками в области цифровой криминалистики, смогут без промедлений, самостоятельно проводить первичный анализ данных, выявлять ключевую информацию и своевременно передавать ее экспертам, что позволит существенно оптимизировать работу оперативно-разыскных и следственных групп и ускорит процесс расследования. Кроме того, это позволит более эффективно использовать ресурсы и избежать дублирования работы.

Регулярные тренировки и аттестации (проводимой не ранее чем через год после прохождения сотрудником соответствующего обучения) помогут поддерживать квалификацию на необходимом уровне. В аттестации должны находить свое отражение следующие сведения: профессиональная подготовленность; способность решать определенные оперативно-служебные задачи; качественность и своевременность выполнения должностных обязанностей; уровень развития, связанный с применением цифровых технологий в ОРД. Одновременно с положительными выводами по результатам аттестации комиссия может включить сотрудников в резерв кадров для выдвижения на руководящую должность.

Что касается внешних условий обучения (т.е. способов организации процесса обучения и способов взаимодействия преподавателя и обучающихся, а также содержания образования и др.), то они должны быть направлены прежде всего на развитие активности личности самого обучающегося, на включение его в самостоятельную поисковую деятельность, развитие творческого мышления и умения приобретать знания. Формы и разновидности внутреннего обучения могут быть как очной, так и смешанной, сочетающей в себе дистанционный формат (онлайн-обучение) и очный с проведением практических занятий в специально подготовленных компьютеризованных классах.

Руководящий состав ОВД, в свою очередь, должен не только понимать важность цифровых компетенций среди своих подчиненных, но и обеспечивать их непре-

рывное профессиональное развитие. Это включает: планирование и финансирование обучения; обеспечение доступа к современному оборудованию и программному обеспечению, в зависимости от уровня доступа сотрудника к информации; создание стимулов для повышения квалификации сотрудников уголовного розыска. В итоге инвестиции в обучение сотрудников в области информационных технологий – это инвестиции в повышение эффективности борьбы с преступностью и обеспечение безопасности граждан. При этом сотрудники ОВД должны строго соблюдать законодательство в области защиты персональных данных и информационной безопасности. Нарушение этих норм может привести к серьезным правовым последствиям и подорвать доверие к правоохранительным органам. Поэтому обучение должно включать в себя не только технические аспекты, но и юридические и этические нормы.

Заключение

Подводя итоги, следует сделать вывод о том, что значимость профессиональной подготовки сотрудников в условиях глобальной цифровизации, особенно ее оперативного состава, велика. Современные преступники активно используют цифровые технологии для планирования и совершения преступлений, а также для сокрытия цифровых следов своей противоправной деятельности. Это требует от сотрудников ОВД не только глубокого понимания традиционных методов криминалистики, но и владения современными цифровыми инструментами расследования.

Для эффективного противодействия преступности сотрудники оперативно-розыскных подразделений должны получать знания и навыки, связанные с применением цифровых технологий. Это подразумевает внедрение целевых программ обучения данных сотрудников, включающих как теоретические курсы по информационной безопасности, криминалистике цифровых данных, анализу больших данных и специальным программным средствам, так и практические занятия, отрабатывающие навыки работы с различными цифровыми устройствами и программным обеспечением. Необходимо разрабатывать современные учебные программы, соответствующие последним достижениям в области криминалистики и развития цифровых технологий. Эти программы обучения должны быть модульными и адаптированными к различным уровням подготовки и уровням доступа к информации. Например, модули могут включать: основы цифровой криминалистики; работу с метаданными; идентификацию типов цифровых носителей; навыки взаимодействия с экспертами (специалистами ИТ); обучение базовым навыкам работы с программным обеспечением для анализа данных. Более продвинутые модули могут включать изучение специализированного программного обеспечения, более сложных методов анализа данных, а также особенностей работы с конкретными типами устройств.

Эффективное использование цифровых технологий в ОРД требует строгого соблюдения законодательства в области защиты персональных данных и информационной безопасности, поэтому, кроме получения знаний в цифровой технической сфере, программы обучения должны содержать дисциплины, касающиеся правовых аспектов в сфере развития законодательства в рассматриваемой области.

Пристатейный библиографический список

1. Кибанов А. Я. Основы управления персоналом. М. : Инфра-М, 2022.
2. Кибанов А. Я., Ивановская Л. В. Управление персоналом: теория и практика. Кадровая политика и стратегия управления персоналом : учебно-практическое пособие / под ред. А. Я. Кибанова. М. : Инфра-М, 2025.
3. Мескон М., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента / пер. с англ. // Практический менеджмент качества : сайт. URL: <https://pqm-online.com/assets/files/lib/books/meskon.pdf> (дата обращения: 10.10.2025).
4. Уваров В. Н. Государственная служба и управление. Петропавловск : СКЮА, 2017.
5. Указ Президента РФ от 21 декабря 2016 г. № 699 (ред. от 1 июня 2021 г.) «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации и Типового положения о территориальном органе Министерства внутренних дел Российской Федерации по субъекту Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 52 (ч. V). Ст. 7614.
6. Петрова О. В. Методология принятия управленческих решений : учебное пособие. М. : Академия управления МВД России, 2020.
7. Запольский С. В. Финансовый механизм и право: новые вызовы // Административное и финансовое право в условиях новой экономической реальности: опыт и перспективы : материалы Всероссийской научно-практической конференции (14–15 октября 2017 г.) / отв. ред. Е. А. Бочкарева. Краснодар : Издательский Дом – Юг, 2017.
8. Яблоков Н. П. Криминалистика : учебник и практикум для среднего профессионального образования. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Норма, 2025.
9. Методические рекомендации по расследованию преступлений в сфере компьютерной информации : учебное пособие / под ред. И. Г. Чекунова. М. : Мос. ун-т МВД России им. В. Я. Кикотя, 2018.

References

1. Kibanov A. Ia. Fundamentals of Personnel Management. Moscow: Infra-M, 2022. (In Russ.)
2. Kibanov A. Ia., Ivanovskaia L. V.; Kibanov A. Ia. (ed.). Personnel Management: Theory and Practice. HR Policy and Strategy of Personnel Management: Study Guide. Moscow: Infra-M, 2025. (In Russ.)
3. Meskon M., Albert M., Khedouri F. Fundamentals of Management. URL: <https://pqm-online.com/assets/files/lib/books/meskon.pdf> (date of the application: 10.10.2025). (In Russ.)
4. Uvarov V. N. Public Service and Management. Petropavlovsk: SKUA, 2017. (In Russ.)
5. Decree of the President of the Russian Federation of December 21, 2016 No. 699 (as amended on June 1, 2021) "On Approval of the Regulation on the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Model Regulation on the Territorial Body of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation for a Subject of the Russian

Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2016, no. 52 (part V), art. 7614. (In Russ.)

6. Petrova O. V. *Methodology for Making Management Decisions: Study Guide*. Moscow: Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2020. (In Russ.)

7. Zapolskii S. V. *Financial Mechanism and Law: New Challenges*. In *Bochkareva E. A. (ed.). Administrative and Financial Law in the Context of the New Economic Reality: Experience and Prospects: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference (October 14–15, 2017)*. Krasnodar: Publishing House – Iug, 2017. (In Russ.)

8. Iablokov N. P. *Forensic Science: Textbook and Workshop for Secondary Vocational Education*. 3rd ed. Moscow: Norma, 2025. (In Russ.)

9. Chekunov I. G. (ed.). *Methodological Recommendations for Investigating Computer Crimes: Textbook*. Moscow: Kikot Moscow State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2018. (In Russ.)

Сведения об авторах:

В. М. Пашин – доктор юридических наук, доцент.

М. А. Лещов – аспирант.

Information about the authors:

V. M. Pashin – Doctor of Law, Associate Professor.

M. A. Leshchov – Postgraduate Student.

Статья поступила в редакцию 13.01.2025; одобрена после рецензирования 24.02.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 13.01.2025; approved after reviewing 24.02.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 343.3/.7

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-164-178>

ЭКСТРЕМИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МОЛОДЕЖИ: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ПРИЗЫВОВ (УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

Марина Петровна Ситникова

Вятский гуманитарно-экономический колледжа, 610000,

Россия, г. Киров, ул. Спасская, д. 6

solnyschko@mail.ru

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена ростом экстремистской деятельности в молодежной среде России на фоне социальных трансформаций и развития цифровых коммуникаций. Цель статьи – комплексный анализ уголовно-правовых аспектов публичных призывов к экстремистской деятельности, выявление проблем квалификации и законодательных пробелов, а также разработка предложений по их устранению. Методология базируется на системном, сравнительно-правовом, формально-юридическом и статистическом анализе. Научная новизна проявляется в формулировке авторского определения «публичный призыв» как целенаправленного публичного выражения, направленного на формирование у неопределенного круга лиц мотивации к экстремистским действиям. Это устраняет неоднозначность толкования в цифровых платформах и отличается от существующих определений отсутствием акцента на формальных носителях информации. Также обоснована необходимость включения понятия «пропаганда экстремизма» в объективную сторону ст. 280 УК РФ на основе анализа судебной практики. Разработан проект новой редакции ст. 280 УК РФ с учетом специфики молодежной аудитории и онлайн-среды, включая квалифицирующие признаки за вовлечение молодежи и механизмы превентивного мониторинга.

Ключевые слова: экстремизм; молодежь; экстремистская деятельность; молодежная среда; проблемы квалификации; публичные призывы.

Для цитирования: *Ситникова М. П.* Экстремистская деятельность молодежи: проблемы квалификации публичных призывов (уголовно-правовой аспект) // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 164–178. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-164-178>

Research Article

EXTREMIST ACTIVITY OF YOUTH: PROBLEMS OF QUALIFICATION OF PUBLIC APPEALS (CRIMINAL LAW ASPECT)

Marina P. Sitnikova

Vyatka College of Humanities and Economics, 6 Spasskaia St.,
Kirov, 610000, Russia
solnyschko@mail.ru

Abstract

The relevance of the study is due to the growth of extremist activity among Russian youth against the background of social transformations and the development of digital communications. The purpose of the article is a comprehensive analysis of the criminal law aspects of public calls for extremist activity, identification of qualification problems and legislative gaps, as well as the development of proposals to eliminate them. The methodology is based on systematic, comparative legal, formal legal and statistical analysis. The scientific novelty is manifested in the formulation of the author's definition of "public appeal" as a purposeful public expression aimed at forming motivation for extremist actions among an indefinite circle of people, which eliminates ambiguity of interpretation in digital platforms and differs from existing definitions by the lack of emphasis on formal media; substantiating the need to include the concept of "propaganda of extremism" in the objective side of Article 280. The Criminal Code of the Russian Federation based on the analysis of judicial practice; the development of a draft of a new version of Article 280 of the Criminal Code of the Russian Federation, taking into account the specifics of the youth audience and the online environment, including qualifying criteria for youth involvement and preventive monitoring mechanisms.

Keywords: extremism; youth; extremist activity; youth environment; qualification problems; public appeals.

For citation: *Sitnikova M. P. Extremist Activity of Youth: Problems of Qualification of Public Appeals (Criminal Law Aspect). Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 2, pp. 164–178. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-164-178>*

Введение

Современное общество характеризуется динамичными преобразованиями социальных взаимосвязей, затрагивающими различные аспекты общественной жизни. В контексте этих трансформаций Россия переживает процессы становления общественных отношений, сопровождающиеся активизацией деструктивных явлений, таких как терроризм, сепаратизм, экстремизм и национализм. При этом экстремизм демонстрирует тенденцию к широкому распространению, приобретая значительную актуальность в молодежной среде.

Анализ статистических данных о динамике преступлений экстремистской направленности в России за 2015–2024 гг. выявил существенную вариативность как в количественных (число зарегистрированных преступлений), так и в качественных (структура и характер совершаемых деяний) характеристиках. Данный вывод подтверждают эмпирические данные МВД России [1] (см. Таблицу 1).

Таблица 1. Статистические показатели преступлений экстремистской направленности в России (2015–2024 гг.)

Год	Количество преступлений
2015	1329 (+27,7)
2016	1450 (+9,1%)
2017	1521 (+4,9%),
2018	1265 (-16,8 %)
2019	585 (-53,8 %)
2020	833 (+42,4 %)
2021	1057 (+26,9%)
2022	1566 (+48,2%)
2023	1340 (-14,4 %)
2024	1719 (+28,3%)

Согласно статистическим данным, предоставленным МВД России и ФСБ России, лица в возрасте от 16 до 35 лет составляют 80% участников экстремистских организаций и 70% от общего числа зарегистрированных случаев преступлений, мотивированных политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненавистью или враждой [2, с. 49].

В силу многогранности и высокой социальной значимости проблема экстремистской деятельности в молодежной среде является объектом междисциплинарных исследований представителей политических наук, социологии, философии, психологии, юриспруденции и истории. Накоплен значительный массив научных публикаций, включая статьи, диссертации и монографии, посвященные данной теме. Динамика социальных трансформаций и изменение ценностных ориентаций молодежи обуславливают актуальность теоретического анализа феномена экстремизма в молодежной среде и необходимость дальнейшего изучения недостаточно исследованных аспектов. Это предопределяет целесообразность написания настоящей статьи для разработки эффективных механизмов решения проблем.

1. Социокультурные и криминологические аспекты экстремистской деятельности в молодежной среде

Молодежь представляет собой одну из наиболее восприимчивых к распространению экстремистских идеологий социальных групп. В силу возрастных особенностей и повышенной чувствительности к социально-политической обстановке данная категория населения активно аккумулирует и реализует протестный потенциал с деструктивной направленностью. Недостаточная сформированность устойчивых идеологических ориентиров делает ее подверженной влиянию политических, социальных и экономических факторов, что приводит к радикальным взглядам.

В последнее время наблюдается активизация неформальных молодежных группировок в российских регионах, с изменением динамики агрессивных действий и тактики акций. Растет вовлеченность несовершеннолетних в экстремистскую деятельность, обусловленную юношеским максимализмом и радикализмом мировоззрения. Особенно сильное воздействие оказывают идеи, апеллирующие к патриотическим и религиозным чувствам, что требует усиления профилактики и контрпропаганды.

Современные стратегии контроля, противодействия, профилактики и предотвращения экстремистской деятельности демонстрируют ограниченную эффективность – субъекты продолжают пропаганду, организацию собраний, совершенствование структуры групп, модернизацию технического обеспечения, повышение идеологической и физической подготовки.

Эскалация экстремистских настроений в молодежной среде связана с развитием средств коммуникации. Коммуникативная трансформация начала XXI в. усложнила ситуацию, изменив каналы распространения и формы проявления экстремизма. Отсутствие эффективного контроля информационных потоков создает условия для формирования экстремистских объединений. Интернет способствует экстерриториальному распространению активности – экстремисты используют чаты, форумы и блоги для пропаганды и вербовки, деструктивно влияя на формирующуюся психику молодежи.

2. Правовое регулирование публичных призывов к экстремистской деятельности в Российской Федерации

Эволюция отечественного уголовного законодательства, направленного на противодействие экстремистской деятельности, характеризуется динамичностью, однако сохраняет актуальность проблема неэффективности, обусловленная, в частности, несовершенством положений Особенной части Уголовного кодекса РФ [3] (далее – УК РФ) и их противоречивым толкованием в контексте квалификации соответствующих преступлений. Всесторонний анализ и систематизация российского законодательства в данной области выявляют существенные проблемы и коллизии, которые препятствуют эффективной реализации мер по борьбе с экстремизмом.

Противодействие экстремистской деятельности молодежи со стороны государства носит комплексный характер. Оно включает уголовно-правовые меры, закрепленные в УК РФ [3]. Одной из наиболее часто применяемых статей для привлечения к уголовной ответственности молодежи за такие деяния является ст. 280 «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Примером может служить прецедент в Саратове, где гражданин был задержан по подозрению в совершении преступления, предусмотренного данной статьей. Задержание стало следствием распространения в сети Интернет посредством аккаунта в социальной сети «ВКонтакте» призывов к насильственным действиям в отношении представителей правоохранительных органов. В результате проведенных оперативно-разыскных мероприятий установлено, что данные призывы были размещены в открытом доступе. На основании фактов в июле 2022 г. было возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 280 УК РФ [4].

В феврале 2023 г. Набережночелнинским городским судом Республики Татарстан было вынесено обвинительное заключение в отношении 20-летнего гражданина, жителя указанного региона. Обвинение строилось на совокупности деяний, квалифицированных по ст. 148 «Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий» и ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности». Установлено, что обвиняемый посредством публикаций в социальных сетях распространял материалы, содержащие признаки экстремистской направленности, а также высказывания, направленные на оскорбление чувств верующих мусульман. Суд, рассмотрев представленные доказательства, признал подсудимого виновным в инкриминируемых ему преступлениях [5].

В контексте общественной коммуникации термин «публичные призывы» обозначает устные, письменные или иные формы выражения для инициирования действий, изменения поведения или формирования установок. Такие призывы могут включать участие в массовых мероприятиях, поддержку общественных инициатив или влияние на общественное мнение. В России их юридическая интерпретация и последствия оцениваются на соответствие законодательству. Анализ правового регулирования выявляет два ключевых аспекта, вызывающих трудности в правоприменении:

1) что считать «призывом»? Какие высказывания или действия квалифицируются как прямой призыв к экстремизму, а какие – как личное выражение собственного мнения?

2) свойства признака «публичность»? Как это понятие соотносится с распространением информации в сети интернет и социальных медиа?

Эти вопросы требуют дополнительной проработки для более точной квалификации правонарушений по вышеуказанной статье. Так, п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» под публичными призывами понимает «выраженные в любой форме (например, в устной, письменной, с использованием технических средств) обращения к другим лицам с целью побудить их к осуществлению экстремистской деятельности» [6].

А. И. Рарог под публичными призывами понимает призывы, обращенные к широкому кругу людей и преследующие цель вовлечения масс в экстремистскую деятельность [7, с. 521].

А. В. Бриллиантов и И. Я. Иванова характеризуют призыв как «форму психического воздействия на сознание и волю людей с целью побудить их к совершению определенных действий» [8, с. 955]. Авторы определяют призыв как инструмент изменения поведения и мотивирования к действиям через психологические механизмы. Ключевое слово в их определении – «побудить», что отличает призыв от простого сообщения: он не констатирует факты, а стремится заставить человека действовать. Это подчеркивает его целенаправленный характер и инструментальную функцию, позволяя критически анализировать цели, методы воздействия и последствия. В зависимости от контекста призыв может быть эффективным или манипулятивным, поэтому важно различать цели и оценивать методы. В данном случае целью является мобилизация широкого круга лиц для совершения актов экстремистского характера. Публичные призывы должны быть ясными для получателей в плане нелегитимности предлагаемых действий.

Разнообразие публичных призывов обусловлено их многофункциональностью и полиморфностью, что проявляется в классификации по следующим основаниям:

1) по цели:

- пропаганда (рекламные кампании, политические кампании, пропагандистские статьи);
- образование (лекции, семинары, мастер-классы, публикации, сайты);
- мобилизация (призывы к действию, сбор подписей, волонтерство, пожертвования);
- информирование (новости, репортажи, аналитические статьи, обзоры);
- развлечение (конкурсы, игры, викторины, флешмобы, творческие проекты).

2) по методу:

- прямой (открытый вид словесного воздействия на поведение человека);
- скрытый (словесная конструкция, которая косвенно формирует у индивида желание совершить определенное действие или вызывает необходимость совершения таких действий, но открыто ни к чему не побуждает;
- эмоциональный призыв (апеллирование к эмоциям, например, чувство справедливости, сострадания);
- рациональный призыв (апеллирование к логике и здравому смыслу, например, предоставление фактов и доказательств);

- вдохновляющий призыв (мотивирование людей на действие).

3) по форме:

- словесный (устные, письменные, электронные обращения, заявления, слоганы);

- визуальный (плакаты, картинки, видео, графики);

- символический (флаги, знаки, жесты, символы).

- комбинированный (сочетание нескольких форм, например, видео с текстом и музыкой) и др.

Выбор формы публичного призыва зависит от цели, целевой аудитории, контекста и доступных ресурсов. Ключевое отличие между явным и скрытым призывом заключается в отсутствии глагола в повелительном наклонении в скрытом. Поскольку в российском уголовном праве отсутствует четкое определение «призыва», за скрытые призывы уголовная ответственность не наступает, так как не образуется полный состав преступления.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (п. 4) разъясняется: «вопрос о публичности призывов должен разрешаться судами с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств дела (обращения к группе людей в общественных местах, на собраниях, митингах, демонстрациях, распространение листовок, вывешивание плакатов, распространение обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.п.). Преступление считается оконченным с момента публичного провозглашения (распространения) хотя бы одного обращения независимо от того, удалось побудить других граждан к осуществлению экстремистской деятельности или нет» [6]. Однако в случае однократного публичного призыва к осуществлению экстремистской деятельности обвиняемым его положение, согласно данному разъяснению, будет ухудшаться. На наш взгляд, разрешить данную проблему необходимо на законодательном уровне, указав в названии соответствующей статьи не призывы, а призыв с толкованием в примечании понятия «публичный призыв».

С. В. Борисов утверждает, что «особенности данного преступления предполагают гораздо более широкий круг лиц, выступающих адресатами соответствующих действий, но минимальный порог их количества, образующих публику и публичность, – два человека» [9, с. 259].

С. М. Кочои считает, что не имеет значения число лиц, к которым обращены призывы. Нужно обращать внимание на качественную сторону таких призывов, т.е. лицо должно именно призывать, а не использовать иные формы коммуникации между людьми (разговор, дискуссии, обмен мнениями) [10, с. 44].

Для квалификации призывов к экстремизму по ст. 280 УК РФ необходимо установить признак массовости, т.е. распространение среди неограниченного круга лиц. Термин «призыв» предполагает обращение к широкой аудитории. Если воздействие направлено на конкретное лицо для склонения к преступлению, то это подстрекательство. Ключевой отличительный признак: призыв формирует мотивацию к экстремизму у неопределенной аудитории, подстрекательство – индивидуальное воздействие.

На основании вышеизложенного мы предлагаем к примечанию 1 ст. 280 УК РФ указать определение публичного призыва: *«Под публичным призывом к осуществлению экстремисткой деятельности в настоящем Кодексе следует понимать психическое воздействие на сознание и волю неограниченного круга лиц с целью побуждения данных лиц к осуществлению экстремисткой деятельности».*

3. Проблемы квалификации публичных призывов к экстремистской деятельности в России

В контексте рассматриваемого состава преступления субъекты, как правило, прибегают к использованию и распространению материалов экстремистского характера. Определение таких материалов в соответствии с положениями Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» [11] является ключевым для квалификации деяния. Перечень экстремистских материалов, публикуемый на официальном сайте Министерства юстиции РФ, в настоящее время доступен в открытом доступе и содержит значительное количество наименований [12]. Субъекты, стремящиеся распространить экстремистскую идеологию и привлечь сторонников к противоправной деятельности, используют экстремистские материалы для пропаганды. Эта пропаганда направлена на внедрение экстремистских взглядов в общественное сознание и стимулирование действий в их поддержку. Например, в Ижевске возбуждено уголовное дело против 33-летнего гражданина Ч. за преступления, предусмотренные ст. 280, 282 и 205.2 УК РФ. Установлено, что он вербовал молодежь, предоставляя доступ к экстремистской литературе, и планировал выезд в Сирию для участия в террористической деятельности. Его действия были пресечены, и суд приговорил гр-а Ч. к двум годам лишения свободы и штрафу в 200 тыс. руб. [13]. Автор А. И. Долгова склоняется к тому, что пропаганда экстремизма среди молодежи особенно эффективна из-за особенностей психологии подросткового и юношеского возраста, характеризующегося поиском идентичности и подверженностью влиянию [14, с. 47]. Автор подчеркивает, что экстремистские материалы часто эксплуатируют социальные сети для формирования «групповой идентичности», что усиливает риск вовлечения в радикальные действия.

Интеграция Интернета в повседневную жизнь, особенно молодежи, актуализирует проблемы противодействия экстремизму в сети. Социальные сети являются платформой для пропаганды и организации экстремистских явлений, обеспечивая доступ к радикальному контенту среди молодежи [15, с. 194].

Эмпирические данные Роскомнадзора за 2024 г. показывают рост блокировок экстремистского контента на 25% по сравнению с предыдущим годом, с преобладанием случаев в социальных сетях [16]. Исследования киберэкстремизма подтверждают, что молодежь (14–35 лет) составляет до 70% аудитории радикального контента в сети [17].

Лидеры экстремистских движений и группировок используют возможности компьютерных систем и сети Интернет для целенаправленного воздействия на молодое поколение с недостаточно сформированным мировоззрением. Через блогосферу, форумы и чаты они транслируют свои идеологии, проводя скрытую

пропаганду и вербуй сторонников. В последнее время усиливается активность противоправных субъектов в интернет-среде благодаря таким свойствам сети, как экономичность, оперативность распространения информации, всеобщая доступность, обширная аудитория, анонимность и дистанционный характер акций. Так, например, 21-летний житель Кирова Н., пренебрегая национальными и расовыми признаками, размещал в интернете графические и текстовые материалы националистического содержания, призывая к экстремистской деятельности. В ходе следствия он признал свою вину и раскаялся. Собранные доказательства позволили суду признать гр-а Н. виновным по ч. 2 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ, назначив наказание в виде 2 лет и 3 месяцев лишения свободы условно с испытательным сроком 2 года и 6 месяцев [18].

Автор А. Э. Жалинский утверждает, что анонимность в интернете снижает порог ответственности, способствуя распространению экстремизма [19, с. 180]. Это подтверждается данными о росте дел по ст. 280 УК РФ на 15% в 2024 г. среди лиц 18–25 лет [20].

В п. 6.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» указывается, что «при совершении публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи или с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», преступление следует считать оконченным с момента размещения обращений в указанных сетях общего пользования (например, на сайтах, форумах или в блогах), отправления сообщений другим лицам» [6]. С одной стороны, специфика интернет-пространства обусловлена неограниченным охватом аудитории, что предполагает широкий доступ к информации согласно принципу публичности. С другой стороны, оно включает сегменты с ограниченным доступом, такие как закрытые чаты, личные страницы и адресные рассылки, включая экстремистский контент. В этих контекстах публичность как признак коммуникации минимизируется, уступая месту свободе слова в приватной коммуникации. Это создает трудности для правоохранительных органов при квалификации, например, пропаганды экстремистской идеологии в личном блоге как акта распространения, требующего юридической оценки.

Для разграничения составов преступлений по ст. 280–282 УК РФ необходимо проанализировать признаки, отличающие публичные призывы к экстремистской деятельности от возбуждения ненависти или вражды. Ключевое различие – в степени опосредованности воздействия на адресата. Статья 282 УК РФ предполагает формирование негативного отношения к представителям определенных социальных групп (национальных, расовых, религиозных и иных), а ст. 280 УК РФ – наличие прямого призыва к экстремистским действиям. Отсутствие прямых просьб, требований или агитации к экстремизму – важный критерий разграничения. Тем не менее публичное разжигание ненависти, по сути, побуждает к действиям экстремистского характера. Однако эмпирические данные показывают более частое применение ст. 282 УК РФ при квалификации подобных деяний, что указывает на необходимость теоретического осмысления и совершенствования правоприменительной практики.

Если действия виновного одновременно призывают к экстремизму и возбуждают ненависть или вражду, а также унижают достоинство человека или группы по социальным признакам, они образуют совокупность преступлений по ст. 280 и 282 УК РФ.

Квалификация преступлений, связанных с разжиганием ненависти или вражды и унижением достоинства по социально значимым признакам, требует наличия призывов к экстремистской деятельности. Например, Самарский районный суд г. Самары признал гражданина Д. виновным по ч. 2 ст. 280 и ч. 1 ст. 282 УК РФ за размещение в социальной сети материалов, содержащих лингвистические признаки разжигания ненависти к лицам кавказской национальности [21].

Анализ судебной практики выявил тенденцию к конкуренции составов преступлений, предусмотренных ст. 280 и 282 УК РФ, которая выражается в квалификации деяния только по одной из статей, несмотря на наличие признаков обоих составов (публичное разжигание ненависти/вражды и призывы к насильственным действиям). Например, приговор Нижегородского районного суда от 27 февраля 2019 г. в отношении А. иллюстрирует подобную квалификацию по ч. 2 ст. 280 УК РФ при наличии признаков ст. 282 УК РФ [22].

Криминологические исследования указывают на необходимость унификации квалификации, ссылаясь на Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», где подчеркивается приоритет ст. 280 при наличии прямых призывов [23]. Полагаем, что призывы к экстремизму могут осуществляться не только вербально. Средствами служат визуальные, аудиальные и иные виды информации, включая современные технологии (например, мобильную связь, *Bluetooth*), для распространения среди неопределенного круга лиц. Так, Пермский городской суд оправдал М. по п. «а» ч. 2 ст. 282 УК РФ, указав на отсутствие прямого умысла на возбуждение ненависти/вражды или унижение достоинства по национальным/религиозным признакам, поскольку мотивом было убийство потерпевшего. Суд также отметил отсутствие публичности.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отменила решение, сославшись на ст. 17 УК РФ: одно действие может содержать признаки нескольких преступлений и не исключает умысла на вред разным объектам. Она признала выводы суда необоснованными, учитывая ненависть к евреям и их религии, выбор общественного места (синагоги), демонстративность, нацистские выкрики и ориентацию на неограниченный круг лиц. Пермский суд не оценил показания потерпевших и свидетелей, подтверждающие унижение пострадавших и всех евреев, исповедующих иудаизм [24]. Этот пример иллюстрирует проблему неопределенности объективной стороны преступления по ч. 1 ст. 282 УК РФ, затрудняющую однозначную квалификацию.

Заключение

Все вышеперечисленное свидетельствует о проникновении экстремистских идей в молодежную среду и их возможной реализации в экстремистской деятельности. Имеющиеся недочеты уголовного законодательства и ошибки в практике

его применения являются проблемами противодействия экстремистской деятельности, в том числе в среде молодежи. На основании этого мы предлагаем:

1) включить понятие «пропаганда экстремистской деятельности» в объективную сторону состава преступления по ст. 280 УК РФ;

2) добавить квалифицирующий признак – п «б» ч. 2 ст. 280 УК РФ – «*в отношении молодежи*». Предлагаемый признак требует четкого определения понятия «молодежи» во избежание произвола в правоприменительной практике и обеспечения принципа определенности уголовного закона (ст. 3 УК РФ). В данном случае признак носит бланкетный характер, поскольку отсылает к нормам смежного законодательства, а именно к Федеральному закону «О молодежной политике в Российской Федерации» [25], где молодежь определяется как «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет включительно». Обоснование включения данного квалифицирующего признака в ч. 2 ст. 280 УК РФ заключается в необходимости дифференциации ответственности за экстремистскую пропаганду и призывы, направленные на наиболее восприимчивую аудиторию. Такая квалификация повысит эффективность профилактики экстремизма в молодежной среде, стимулируя правоохранительные органы к более активному мониторингу и вмешательству. Вместе с тем, это не создает неопределенности, поскольку бланкетная отсылка позволяет ссылаться на действующее федеральное законодательство, а возрастные границы молодежи (14–35 лет) соответствуют критериям, используемым в других отраслях права (например, в трудовом законодательстве для молодежной занятости или в социальной политике). В случае отсутствия прямого указания на возраст в материалах дела суд может оценивать контекст (например, размещение контента в молодежных сообществах в соцсетях), но приоритет отдается формальному критерию из Федерального закона. Это предложение не противоречит принципам уголовного права, поскольку усиливает защиту уязвимых групп без расширения состава преступления до необоснованных пределов. В перспективе, для минимизации рисков, можно рассмотреть включение данного определения непосредственно в примечание к ст. 280 УК РФ, но на данном этапе бланкетная отсылка представляется оптимальной.

Таким образом, мы предлагаем следующие наименование и редакцию ст. 280 УК РФ «Публичный призыв к экстремистской деятельности и (или) ее пропаганда»:

1. *Публичный призыв к осуществлению экстремистской деятельности и (или) ее пропаганда*, – наказываются...;

2. То же деяния, совершенные:

а) с использованием экстремистских материалов, средств массовой информации, информационно – телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет»;

б) *в отношении молодежи*, – наказываются...

Примечания 1. *Под публичным призывом к осуществлению экстремистской деятельности в настоящем Кодексе следует понимать психическое воздействие на сознание и волю неограниченного круга лиц с целью побуждения данных лиц к осуществлению экстремистской деятельности.*

2. Под пропагандой экстремистской деятельности в настоящем Кодексе следует понимать распространение экстремистских взглядов и идей с целью их внедрения в общественное сознание и активизации массовой практической экстремистской деятельности».

Пристатейный библиографический список

1. Официальные данные МВД РФ по состоянию на 1 декабря 2024 г.
2. Зубкина О. С. Экстремизм в современном интернет-пространстве // Ростовский научный журнал. 2019. № 1.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Житель Саратова задержан за экстремистские призывы в интернете // Экстремизму – НЕТ!: сайт. URL: <https://extremizmu.net/zhitel-saratova-zaderzhan-za-ekstremistskie-prizyv-v-internete/> (дата обращения: 01.12.2025).
5. В Татарстане к уголовной ответственности за экстремизм привлечен местный житель // Экстремизму – НЕТ!: сайт. URL: https://extremizmu.net/v-tatarstane-k-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-ekstremizm-privlechyon-mestnyj-zhitel/?feed_id=465&unique_id=63e1009b5a2d6 (дата обращения: 01.12.2025).
6. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. № 142.
7. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть / отв. ред. Б. В. Здравомыслов. М. : Юристъ, 1996.
8. Бриллиантов А. В., Иванова И. Я. Уголовное право России. Части Общая и Особенная : учебник. 2-е изд. М. : Проспект, 2015.
9. Борисов С. В. Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения : дис. ... докт. юрид. наук. М., 2012.
10. Кочои С. М. Расизм: уголовно-правовое противодействие : монография. М. : Проспект, 2007.
11. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.
12. Федеральный список экстремистских материалов // Министерство юстиции Российской Федерации : сайт. URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=21 (дата обращения: 01.12.2025).
13. Информационные и аналитические материалы 2015 г. // Следственный комитет Российской Федерации по Удмуртской Республике : сайт. URL: <http://udm.sledcom.ru/document/1026182> (дата обращения: 01.12.2025).
14. Долгова А. И. Экстремизм в молодежной среде: социологические аспекты // Социологические исследования. 2024. № 3.
15. Бахрова В. П. Интернет как инструмент пропаганды и организации экстремизма // Синергия наук. 2019. № 32.
16. Официальный отчет Роскомнадзора о деятельности в сфере противодействия экстремизму по состоянию на 31 декабря 2024 г.

17. Криминология : учебник / под ред. В. Н. Кудрявцева. М. : Юрайт, 2024.
18. Кировчанин признан виновным в распространении экстремистских материалов, а также публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности // Следственный комитет Российской Федерации по Кировской области : сайт. URL: <http://kirov.sledcom.ru/news/item/1145904> (дата обращения: 01.03.2025).
19. Жалинский А. Э. Уголовное право в условиях цифровой трансформации. М. : Проспект, 2024.
20. Официальная статистика Судебного департамента при Верховном Суде РФ по состоянию на 1 декабря 2025 г.
21. Приговор Самарского районного суда г. Самары от 12 декабря 2018 г. по делу № 1-16/18 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mViblaz9syJt/> (дата обращения: 01.12.2025).
22. Справка по итогам изучения практики рассмотрения судами Нижегородской области уголовных дел о преступлениях экстремистской направленности. Н. Новгород, 2015.
23. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. А. В. Наумова. М. : Юристъ, 2024.
24. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 г. № 5-о06-57 // Архив Верховного Суда РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/vsrf/?page=2> (дата обращения: 01.12.2025).
25. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2021. № 1 (ч. I). Ст. 28.

References

1. Official Data of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation as of December 1, 2024. (In Russ.)
2. Zubkina O. S. Extremism in the Modern Internet Space. *Rostov Scientific Journal*, 2019, no. 1. (In Russ.)
3. Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996 No. 63-FZ. *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 1996, no. 25, art. 2954. (In Russ.)
4. A Resident of Saratov Was Detained for Extremist Appeals on the Internet. URL: <https://extremizmu.net/zhitel-saratova-zaderzhan-za-ekstremistskie-prizvyvy-v-internete/> (date of the application: 01.12.2025). (In Russ.)
5. A Local Resident Has Been Brought to Criminal Responsibility for Extremism in Tatarstan. URL: https://extremizmu.net/v-tatarstane-k-ugolovnoj-otvetstvennosti-za-ekstremizm-privlechyon-mestnyj-zhitel/?feed_id=465&_unique_id=63e1009b5a2d6 (date of the application: 01.12.2025). (In Russ.)
6. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 28, 2011 No. 11 "On Judicial Practice in Criminal Cases of Extremist Crimes". *Rossiiskaia Gazeta*, 2011, no. 142. (In Russ.)
7. Zdravomyslov B. V. (ed.). Criminal Law of the Russian Federation: Special Part. Moscow: Iurist, 1996. (In Russ.)

8. *Diamonds A. V., Ivanova I. Ia.* Russian Criminal Law. Common and Special Parts: Textbook. 2nd ed. Moscow: Prospekt, 2015. (In Russ.)
9. *Borisov S. V.* Crimes of Extremist Orientation: Problems of Legislation and Law Enforcement: Thesis for a Doctor Degree in Law Sciences. Moscow, 2012. (In Russ.)
10. *Kochoi S. M.* Racism: Criminal Law Counteraction: Monograph. Moscow: Prospekt, 2007. (In Russ.)
11. Federal Law of July 25, 2002 No. 114-FZ "On Countering Extremist Activities". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2002, no. 30, art. 3031. (In Russ.)
12. Federal List of Extremist Materials. URL: http://minjust.ru/ru/extremist-materials?field_extremist_content_value=&page=21 (date of the application: 01.12.2025). (In Russ.)
13. Informational and Analytical Materials 2015. URL: <http://udm.sledcom.ru/document/1026182> (date of the application: 01.12.2025). (In Russ.)
14. *Dolgova A. I.* Extremism Among Young People: Sociological Aspects. *Sociological Research*, 2024, no. 3. (In Russ.)
15. *Bakhrova V. P.* The Internet as a Tool for Propaganda and Organization of Extremism. *Synergy of Sciences*, 2019, no. 32. (In Russ.)
16. Roskomnadzor's Official Report on Counter-Extremism Activities as of December 31, 2024. (In Russ.)
17. *Kudriavtsev V. N. (ed.).* Criminology: Textbook. Moscow: Iurait, 2024. (In Russ.)
18. Kirov Resident Found Guilty of Distributing Extremist Materials, as Well as Public Calls to Carry Out Extremist Activities. URL: <http://kirov.sledcom.ru/news/item/1145904> (date of the application: 01.12.2025). (In Russ.)
19. *Zhalinskii A. E.* Criminal Law in the Context of Digital Transformation. Moscow: Prospekt, 2024. (In Russ.)
20. Official Statistics of the Judicial Department at the Supreme Court of the Russian Federation as of December 1, 2025. (In Russ.)
21. Verdict of the Samara District Court of Samara of December 12, 2018 in Case No. 1-16/18. URL: <http://sudact.ru/regular/doc/mViblaz9syJt/> (date of the application: 01.12.2025). (In Russ.)
22. Information on the Results of the Study of the Practice of Consideration by the Courts of the Nizhny Novgorod Region of Criminal Cases of Extremist Crimes. Nizhny Novgorod, 2015. (In Russ.)
23. *Naumov A. V. (ed.).* Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation. Moscow: Iurist, 2024. (In Russ.)
24. Cassation Ruling of the Judicial Board for Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of December 20, 2011 No. 5-o06-57. URL: <https://sudact.ru/vsrif/?page=2> (date of the application: 01.12.2025). (In Russ.)
25. Federal Law of the Russian Federation of December 30, 2020 No. 489-FZ "On Youth Policy in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2020, no. 1 (part I), art. 28. (In Russ.)

Сведения об авторе:

М. П. Ситникова – преподаватель.

Information about the author:

M. P. Sitnikova – Teacher.

Статья поступила в редакцию 25.06.2025; одобрена после рецензирования 19.11.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 25.06.2025; approved after reviewing 19.11.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 34:796(075:8)

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-179-192>

О РАЗГРАНИЧЕНИИ ПОНЯТИЙ «АДАПТИВНАЯ ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА», «АДАПТИВНЫЙ СПОРТ» В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Сергей Александрович Филиппов

Саратовская государственная юридическая академия, 410056,

Россия, г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

s.filippov85@icloud.com

Аннотация

Статья посвящена анализу правового регулирования и концептуальных основ развития адаптивной физической культуры и спорта в Российской Федерации в контексте реабилитации и социальной интеграции лиц с ограниченными возможностями здоровья. Целью исследования является выявление и систематизация терминологических и содержательных противоречий в действующем федеральном законодательстве, в первую очередь в Федеральном законе от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации». Методологическую основу работы составили системный анализ, сравнительно-правовой метод, примененный для изучения законодательных актов, а также контент-анализ научных публикаций и официальных документов в сфере физической культуры и социальной защиты инвалидов. В результате проведенного исследования обоснована необходимость совершенствования законодательных дефиниций. Автором критически проанализированы существующие в законе формулировки, разграничивающие понятия «адаптивная физическая культура» и «адаптивный спорт». Сформулированы предложения по их уточнению, в рамках которых предлагается закрепить в определении адаптивного спорта его ключевой признак – соревновательную деятельность. Доказывается, что эффективная интеграция лиц с инвалидностью требует реализации комплексного подхода, интегрирующего медицинские, педагогические и социальные аспекты в системе адаптивной физической культуры.

Ключевые слова: право; адаптивный спорт; физкультура; инвалидность; правовое регулирование.

Для цитирования: Филиппов С. А. О разграничении понятий «адаптивная физическая культура», «адаптивный спорт» в законодательстве Российской Федерации // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 179–192. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-179-192>

Research Article

ON DELIMITING THE CONCEPTS OF ADAPTIVE PHYSICAL CULTURE AND ADAPTIVE SPORTS IN THE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergey A. Filippov

Saratov State Law Academy, 1 Volskaia St., Saratov, 410056, Russia
s.filippov85@gmail.com

Abstract

This article analyzes the legal framework and conceptual foundations for the development of adaptive physical culture and sports in the Russian Federation, focusing on their role in the rehabilitation and social integration of persons with disabilities. The study aims to identify and systematize terminological and substantive contradictions within current federal legislation, primarily in Federal Law of December 4, 2007 No. 329-FZ “On Physical Culture and Sports in the Russian Federation”. The research methodology is based on systems analysis, the comparative legal method for examining legislative acts, and content analysis of scientific literature and official documents in the fields of physical culture and social protection of persons with disabilities. The study substantiates the need for improving legislative definitions. The author provides a critical analysis of the existing legal formulations that distinguish between the concepts of “adaptive physical culture” and “adaptive sports”. Concrete proposals for their clarification are formulated, suggesting that the definition of adaptive sports should explicitly incorporate its key feature – competitive activity. The paper argues that the effective integration of persons with disabilities requires a comprehensive approach that merges medical, pedagogical, and social aspects within the system of adaptive physical culture.

Keywords: law; adaptive sports; physical culture; disability; legal regulation.

For citation: *Filippov S. A. On Delimiting the Concepts of Adaptive Physical Culture and Adaptive Sports in the Legislation of the Russian Federation. Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 179–192. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-179-192>

Введение

Развитие физкультуры и спорта в России базируется на ряде ключевых принципов. Их цель – согласовать государственную политику с общественными запросами. Основная задача – обеспечение равного доступа к занятиям спортом для всех граждан, способствуя тем самым достижению общенациональных целей.

28 мая 2025 г. Президент РФ провел заседание Совета по развитию физической культуры и спорта, посвященное вопросам адаптивной физкультуры и спорта. На нем Губернатор Тульской области Д. Миляев, возглавляющий профильную комиссию Госсовета и рабочую группу по подготовке заседания, представил главе государства ряд инициатив. В качестве ключевого предложения, наконец-то прозвучал тезис о необходимости законодательного закрепления основных терминов, таких как «адаптивная физическая культура», «адаптивный спорт», а также уточнение понятия «физическая реабилитация и абилитация инвалидов» [1].

Согласно ст. 31 Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – Закон № 329-ФЗ) адаптивная физическая культура является частью физической культуры, использующей комплекс эффективных средств физической реабилитации и абилитации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья. Спорт инвалидов (адаптивный спорт) направлен на социальную адаптацию и физическую реабилитацию и абилитацию инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Данные определения нельзя назвать удачными ни с точки зрения юридической техники, ни с точки зрения целей правового регулирования соответствующих отношений.

В настоящей работе мы не будем подробно анализировать вопрос о возможности и корректности использования термина «инвалид» в национальном законодательстве, хотя он и представляет значительный интерес, а сосредоточимся на разграничении категорий «адаптивная физическая культура» и «адаптивный спорт».

Основная часть

Значительный вклад в исследование теоретических концепций и организации адаптивной физической культуры, а также в совершенствование ее методик внесли С. П. Евсеев, В. М. Выдрин, Ю. М. Николаев, О. Н. Рубцова, Л. В. Шапкина и др. [2].

Представляется, что заслуживает внимания тезис Т. М. Гавриловой, отметившей, что адаптивная физическая культура основывается на общей физической культуре, выступающей по отношению к ней родовым понятием. Вместе с тем в отличие от базовой дисциплины объектом познания и преобразования в адаптивной физической культуре выступают не здоровые индивиды, а лица с ограниченными функциональными возможностями. Учитывая специфичность данной категории занима-

ющихся в контексте физической культуры, неизбежным становится существенное, а в ряде случаев и кардинальное видоизменение (приспособление, коррекция, или, иными словами, адаптация) задач, принципов, методов и организационных форм ключевых разделов исходной дисциплины. Это обстоятельство и обусловило закрепление термина «адаптивная физическая культура» [3, с. 13].

Правовое регулирование адаптивного спорта привлекает внимание исследователей, в том числе молодых ученых, что несомненно является позитивным фактом. Под ним, в частности, понимают систему нормативных актов различных уровней, формирующих основы государственной политики в данной сфере, в которую входят федеральное и региональное законодательство, нормативные документы, регламентирующие систему спортивной подготовки и ее научно-методическое обеспечение, а также специализированные правовые акты, посвященные вопросам спортивной подготовки в адаптивном спорте [4, с. 159–160].

Авторами справедливо обращается внимание на отсутствующие в Законе № 329-ФЗ определения понятий «адаптивный спорт» и «спортсмен-инвалид», в связи с чем предлагается использование понятия изложенного в Концепции развития спортивной индустрии до 2035 года: «Адаптивный спорт – спорт, ориентированный на инвалидов и других маломобильных граждан, в том числе с целью их комплексной реабилитации и абилитации за счет возможностей спорта».

Полагаем, что данное понятие является неудачным как из-за использования терминов «спортсмен-инвалид» и «инвалид», так и потому, что указанная концепция имеет иную целевую направленность, а именно «создание в стране современной, конкурентоспособной, устойчивой и структурно сбалансированной индустрии, производящей спортивную продукцию для целевых групп потребителей, с учетом текущих и перспективных социально-экономических условий» [5].

В настоящее время понятие «адаптивный спорт» используется в широком смысле и включает в себя собственно адаптивную физическую культуру, а также спортивную составляющую для «особой» группы людей.

Однако, по нашему убеждению, адаптивный спорт все же должен относиться к области спорта высшего спортивного мастерства.

Как уместно подметил А. В. Долгов, международно-правовая база, в частности Конвенция ООН о правах инвалидов 2006 г., устанавливает важные стандарты обеспечения доступности спортивных мероприятий для лиц с ограниченными возможностями. Однако на федеральном уровне наблюдается существенный пробел в регулировании – отсутствие четких законодательных определений ключевых понятий «адаптивная физическая культура» и «адаптивный спорт» в Законе № 329-ФЗ, где этим вопросам посвящены лишь две статьи (12 и 31), которые в законе используются наравне с такими понятиями, как «инвалид» и «лица с ограниченными возможностями здоровья», будучи там не закрепленными [6, с. 132].

И. Цвок разделяет понятия адаптивной физической культуры и адаптивного спорта, в разрезе высшего спортивного мастерства, и уверено заключает, что основу адаптивного спорта составляет соревновательная деятельность вкупе с регулярной подготовкой к ней. Главная цель данного вида спорта заключается в выявлении и развитии предельных адаптационных ресурсов организма в пределах

существующих физиологических рамок, а также совершенствовании спортивных навыков путем задействования сохранившихся функциональных резервов на базе имеющейся подготовки. «Содержание адаптивного спорта (как базового, так и высших достижений) направлено, прежде всего, на формирование у инвалидов (особенно талантливой молодежи) высокого спортивного мастерства и достижение ими наивысших результатов в его различных видах в состязаниях с людьми, имеющих аналогичные проблемы со здоровьем» [7, с. 52].

М. О. Пасичник справедливо отмечает, что физическая культура и спорт выступают действенным инструментом реабилитации и социальной адаптации детей и подростков с особыми потребностями. Поэтому физическую культуру для детей-инвалидов называют адаптивной. Она оказывает многогранное воздействие на занимающихся, выступая ключевым фактором улучшения двигательных возможностей и формирования способности адаптироваться к неблагоприятным внешним условиям и физическим нагрузкам с точки зрения психологии и физиологии. Ее целью выступает способствование максимальному развитию жизнеспособности человека с устойчивыми отклонениями в состоянии здоровья или инвалидностью путем создания оптимальных условий для функционирования его природной двигательной активности и духовных сил, она выступает основным средством комплексной реабилитации лиц с ограниченными возможностями [8, с. 601].

Л. В. Сунагатова, подчеркивает, что адаптивная физкультура является ключевым элементом системы реабилитации инвалидов и людей с особенностями здоровья, включая различные ее формы и направления, такие как адаптивное физическое образование, адаптивный спорт, двигательная рекреация, физическая реабилитация, экстремальные виды активности и тд. Эта сфера глубоко проникает во все области жизни человека, служа фундаментом для социально-трудовой, социально-бытовой и социально-культурной реабилитации, а также являясь основным средством медицинской, технической, психологической и педагогической реабилитации. Мобильность человека с ограниченными возможностями является одним из главных индикаторов успеха реабилитационного процесса [9, с. 320].

Задачи адаптивной физической культуры состоят в укреплении здоровья, оптимизации физического развития, адаптации организма к неблагоприятным факторам среды, освоении базовых двигательных техник и жизненно значимых навыков, развитии физических способностей, приобретении специальных знаний, стимулировании регулярной самостоятельной двигательной активности, формировании морально-волевых качеств и самостоятельности. К специфическим задачам относятся коррекционная, компенсаторная и профилактическая работа, способствующие достижению указанных целей [10, с. 9–10].

Содержание адаптивного физического воспитания направлено на формирование у инвалидов и людей с отклонениями в состоянии здоровья специальных знаний, жизненно необходимых двигательных умений и навыков, на развитие ключевых физических и специализированных качеств, повышение функциональных возможностей различных органов и систем организма, на полноценную реализацию генетического потенциала и сохранение оставшихся двигательных возможностей [11, с. 10–12].

Невозможно не согласиться, что адаптивная физическая культура положительно воздействует на здоровье и общее психофизическое состояние людей с ограниченными возможностями, эффективно решая проблему их социализации [8, с. 603]. Авторы обращают внимание, подвергая критике, излишнюю увлеченность спортивных организаций и отдельных субъектов в задачах по достижению высоких спортивных результатов в спортивных соревнованиях, т.е. спортизацией этой работы в ущерб ее физкультурно-оздоровительной направленности.

Н. А. Строгова заключает, что физическая реабилитация представляет важный компонент комплексного восстановления, сочетающий медицинские, социальные и профессиональные аспекты. Она использует физические упражнения, элементы спорта и природные факторы для восстановления функций организма и улучшения адаптации. Адаптивная физическая культура – современное направление работы с людьми, имеющими стойкие нарушения здоровья. Оно развивает двигательные навыки через коррекционно-развивающее воздействие, объединяя медицину, педагогику и физическое воспитание. Основные задачи – восстановление психофизических функций, активизация двигательной деятельности и профилактика вторичных нарушений [12].

Долгое время существовало убеждение, что термины «инвалид», «физическая активность» и уж тем более «спорт» несовместимы друг с другом, и физическая культура предлагалась лишь некоторым инвалидам как временное дополнение к физиотерапии и лекарственной терапии, отмечает У. А. Марченкова. Физическая культура и спорт не воспринимались как эффективные методы реабилитации инвалидов, сохранения их физических возможностей и укрепления здоровья. Адаптивная физическая культура представляет собой систему спортивно-оздоровительных мероприятий, направленных на реабилитацию и адаптацию людей с ограниченными возможностями к обычной социальной среде, преодоление психологических преград, мешающих чувствовать себя полноценно живущими, а также осознание важности собственного вклада в общественное развитие.

Принципиальным является то, что разделяются понятия физической культуры и спорта в сфере адаптивных отношений.

Одним из ключевых направлений адаптивной физической культуры является адаптивный спорт, основное направление которого сосредоточено на развитии двигательной активности как важного биологического, психического и социального фактора, влияющего на организм и личность человека.

Адаптивный спорт представляет собой разновидность адаптивной физической культуры, которая удовлетворяет потребность личности в самореализации, сравнении своих способностей с возможностями других людей, а также в коммуникации и социализации, а также формирование спортивной культуры у инвалидов, вовлечение их в общественную жизнь и ознакомление с ценностями физической культуры, такими как мобилизация, технологии, интеллект и другие. Основное содержание адаптивного спорта направлено на развитие у инвалидов высокого уровня спортивного мастерства и достижение ими наилучших результатов в различных видах спорта на соревнованиях с участием людей с аналогичными проблемами со здоровьем [13, с. 604–605].

Адаптивные виды спорта развиваются в двух направлениях: оздоровительно-развлекательное и достижение высоких результатов (спорт высших достижений). Последнее направление развивают спортивные клубы, общественные организации инвалидов и специализированные школы. Особенно ярко выражена социальная адаптация спортсменов-инвалидов через участие в соревнованиях, где они испытывают чувство патриотизма, командного духа, победы и другие важные эмоции.

М. Е. Абросимова предлагает достаточно точное разграничение: адаптивная физическая культура представляет собой значимое социальное явление, направленное на интеграцию лиц, ранее исключенных или ограниченных в участии в социальных процессах. Ее основная задача заключается в восстановлении и развитии социальных связей, включении человека в полноценную жизнедеятельность, наполненную новыми ценностями и переживаниями. По своей сути, адаптивная физкультура выступает не столько в качестве терапевтического метода, сколько является средством переориентации внимания людей с инвалидностью с проблем здоровья на сферу межличностного взаимодействия, активного досуга и эмоционально насыщенной деятельности. Такой подход способствует формированию нового качества жизни через вовлечение в социально значимые формы активности. Адаптивный же спорт представляет собой одно из направлений адаптивной физической культуры. Его основная задача заключается в раскрытии потенциала спортсменов и сопоставлении их достижений с результатами других участников, имеющих сходные ограничения по здоровью. В отличие от иных форм адаптивной физкультуры данный вид деятельности имеет ярко выраженную соревновательную направленность, где ключевым ориентиром выступает достижение наивысших спортивных показателей [14, с. 66].

В. М. Выдрин в качестве цели адаптивной физической культуры называет максимальное развитие возможностей человека с устойчивыми нарушениями здоровья путем оптимизации работы его физических способностей и духовного потенциала.

Содержание же адаптивного спорта, по его мнению, сосредоточено на достижении инвалидами высокого уровня мастерства и наилучших результатов в соревнованиях среди людей с аналогичными проблемами. Основные направления развития адаптивного спорта связаны с международными движениями, такими как Паралимпиада и Специальная Олимпиада. Важнейшей задачей адаптивного спорта является формирование спортивной культуры у инвалидов, вовлечение их в общественный опыт этой сферы и усвоение ценностей физической культуры, включая мобилизационные, технологические и интеллектуальные аспекты [11, с. 10–12].

Обратим внимание, что автор также отделяет физическую культуру от спорта. Думается, исходя из контекста, примененного словосочетания адаптивный спорт, используется им в качестве спорта высшего спортивного мастерства, что является, на наш взгляд, правильным.

Задачей адаптивного спорта выступает раскрытие потенциала каждого человека и сравнении его достижений с результатами тех, кто сталкивается с аналогичными трудностями в развитии. Адаптивный спорт направлен на состязательность и достижение высоких результатов. Основная идея здесь – стремление к рекор-

дам, что отличает его от других направлений адаптивной физкультуры. Важнейшим условием для занятий адаптивным спортом является грамотная классификация участников по уровню возможностей, что позволяет обеспечить равные шансы на успех, замечает К. Е. Брюхова [15, с. 12].

Абсолютно оправданно пишут Н. А. Сайфулина и М. М. Кошелева, выделяя в отдельную группу инвалидов «спортсменов-инвалидов», обратив внимание, что фиксирование такого понятия на законодательном уровне отсутствует, в том числе и не определен круг субъектов, относящихся к их числу, несмотря на то, что для таких лиц предоставляются специальные льготы и спортивные стипендии.

Хотя в полном объеме согласиться сложно, но заметно верное направление мысли, где авторы предлагают включить в ст. 2 Закона № 329-ФЗ п. 22, 23 с дефиницией: «Спортсмен, спортсмен-инвалид – физическое лицо, занимающееся выбранными видом или видами спорта и выступающее на спортивных соревнованиях; спортсмен, спортсмен-инвалид высокого класса – спортсмен, имеющий спортивное звание и выступающий на спортивных соревнованиях в целях достижения высоких спортивных результатов» [16, с. 8].

Напомним, что Закон № 329-ФЗ определяет адаптивную физическую культуру как комплекс средств физической реабилитации и абилитации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья, адаптивный спорт же, по мнению законодателя, направлен на социальную адаптацию, физическую реабилитацию и абилитацию названных лиц.

В частности, Л. П. Матвеев пишет, что адаптивная двигательная реабилитация направлена на восстановление утраченных или нарушенных функций у инвалидов вследствие различных заболеваний, травм, физического и психологического напряжения, вызванных профессиональной деятельностью или жизненными обстоятельствами. Ее главная цель состоит в формировании адекватной реакции инвалидов на болезнь, направленной на использование природных и экологически обоснованных методов восстановления организма, а также обучение использованию соответствующих комплексов физических упражнений, приемов, закалывающих процедур и других средств [17].

А. Г. Щедрина подмечает, что оздоровительная физическая культура является частью общего понятия физическая культура. Она включает различные формы, средства и методы, направленные на укрепление здоровья и поддержание активного образа жизни. Основной задачей оздоровительной физкультуры является улучшение общего состояния здоровья, повышение устойчивости организма к неблагоприятным внешним факторам и профилактика заболеваний. Эти занятия не ориентированы на достижение спортивных рекордов или лечение болезней и подходят для всех здоровых людей [18, с. 5–7].

С. П. Евсеев, называет адаптивный спорт одним из ключевых элементов адаптивной физической культуры, предназначенной для людей с особенностями здоровья, которая включает в себя еще несколько направлений: адаптивное физическое воспитание, двигательную рекреацию, физическую реабилитацию, а также экстремальные и творческие виды двигательной активности. Эта сфера отражает структуру и виды обычной физической культуры, адаптированные специально

для такой категории людей. В термин «отклонения в состоянии здоровья» включаются инвалиды первой, второй и третьей группы старше 18 лет, детей-инвалиды, учащиеся с ограниченными возможностями здоровья, в том числе ученики и студенты специальных медицинских групп. Все они могут заниматься адаптивными видами спорта, однако выбор конкретного вида спорта зависит от особенностей их состояния здоровья [19; 20; 21].

Признаем, необходимо учитывать, что, хотя физическая культура и адаптивный спорт базируются на общих исходных положениях, они существенно различаются по своему практическому назначению.

Адаптивная физическая культура поддерживает методическую преемственность с лечебной физкультурой, допуская в случае необходимости их взаимодополняемость. В отличие от этого адаптивный спорт выполняет иную социальную функцию – он становится инструментом общественного признания и демонстрации особых способностей личности. Оба направления при этом играют ключевую роль в процессах социализации и реинтеграции в общество, выступая эффективными социальными технологиями [22, с. 2–7].

Адаптивный спорт – вид адаптивной физической культуры, позволяющий человеку с особыми потребностями развивать свои физические и личностные способности, сравнивать их с возможностями других людей, сталкивающихся с подобными трудностями, активно взаимодействовать с окружающими и достигать самореализации. Ключевыми элементами адаптивного спорта являются участие в соревнованиях и систематическая подготовка к ним. Конкурентный характер занятий играет важную роль в осознании собственного места в обществе, ведь без сравнения с другими невозможно точно определить свои сильные и слабые стороны.

Ученый заключает, что адаптивный спорт является наиболее действенным способом комплексной реабилитации и абилитации инвалидов, детей-инвалидов, учащихся с ограниченными возможностями здоровья, а также студентов специальных медицинских групп. Он способствует их успешной интеграции в общество и повышению качества жизни.

На проблемы в понятийном аппарате в исследуемой области общественных отношений еще в далеком 2009 г. обращали внимание С. С. Воеводина и А. А. Тарасенко, которые писали, что для повышения эффективности правового регулирования в области адаптивной физической культуры и спорта необходимо устранение противоречий в нормах права, понятийном аппарате, относящихся к данному направлению, указывая на важность внесения изменений в Закон № 329-ФЗ с целью определения адаптивной физической культуры как части физической культуры, использующей комплекс эффективных средств физической реабилитации лиц с отклонениями в состоянии здоровья, а также устранить неточность используемого понятия «спорт инвалидов (адаптивный спорт)», а именно вульгаризм ст. 31 того же Закона, заключая о целесообразности применения оборота «лицо с ограниченными возможностями здоровья» [23, с. 51–54].

В этой связи хочется еще раз обратиться к модельному закону о паралимпийском спорте, напомнив об несовершенном, но в целом адекватном определении адаптивной физической культуры – вид физической культуры для лиц с ограничен-

ными возможностями функций опорно-двигательного аппарата, зрения, интеллекта и других функций, содержащий в себе комплекс эффективных средств их физической реабилитации, социальной адаптации и интеграции [24].

Таким образом, можно заключить, что законодатель в регулировании спортивных правоотношений инвалидов прибегает к многообразным словосочетаниям используя целую палитру терминов, применяемых в разных, не всегда относящихся к спорту, нормативно-правовых актах.

Что же касается категорий, применяемых в специальных законах, то понятие «спорт инвалидов» используется только в Законе № 329-ФЗ и является, по нашему мнению, крайне неуместным.

Данное словосочетание является с этической точки зрения просто неприличным, не говоря о предложении воспринимать его как родовое понятие, тем более использовать таковое в федеральном законе.

Заключение

Закон № 329-ФЗ называет некоторые виды спорта в понятийно-правовом смысле (военно-прикладной и служебно-прикладной вид спорта, детско-юношеский спорт, корпоративный спорт), но не содержит формулировки «спорт здоровых людей». В этой связи совершенно точно словосочетание «спорт инвалидов» носит дискриминационный характер.

На основе анализа позиций специалистов в области права и спорта нами принята попытка выявить различия между физической культурой и спортом в контексте спорта высших достижений.

Закон № 329-ФЗ даже в своем названии указывает на отсутствие тождества в понятиях «физическая культура» и «спорт».

Первое является частью общей культуры общества, включающей в себя ценности, нормы и знания, направленные на физическое и умственное развитие человеческих способностей, улучшение двигательной активности и формирование здорового образа жизни. Оно способствует социальной адаптации посредством физического воспитания, подготовки и развития.

Второе, собирательное явление, – это область социально-культурной деятельности, а также совокупность видов спорта, представленная в форме соревнований и особой практики подготовки к ним.

Нельзя сказать, что неправы авторы, считающие, что адаптивные виды спорта развиваются в направлении оздоровления. Но вряд ли достижение высоких результатов, в контексте спорта высших достижений, будет являться вторичным для любого спортсмена с инвалидностью, перешедшего из группы ОФП в спортивную секцию.

Однако думается, что использование формулировки «адаптивный спорт» как родового понятия в анализируемой области приведет к очередной путанице. Поэтому, с нашей точки зрения, словосочетание «адаптивный спорт» точнее использовать применительно к спорту высшего спортивного мастерства.

В качестве понятия широкого смысла видится разумным обозначение спорта инвалидов как «спорт лиц с ограниченными возможностями здоровья».

Адаптивную физкультуру следует рассматривать в аспектах системы мероприятий, помогающих людям с особенностями здоровья в его восстановлении, адаптации и интеграции в общество. Это особенно важно после перенесенных травм и (или) полученной инвалидизации. В этой части содержание п. 2 ст. 31 Закона № 329-ФЗ соответствует описанным в ней задачам, а также, в целом, логике данной статьи, а именно реабилитации и абилитации инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья.

Главной же целью адаптивного спорта является достижение спортсменами с инвалидностью высокого уровня мастерства в отдельном виде спорта (дисциплине), а также наилучших спортивных результатов в соревнованиях среди людей с аналогичными ограничениями по здоровью.

Убеждены, что данная область спорта как многогранное явление ориентирована на высокие спортивные результаты на официальных соревнованиях, аналогично спортсменам, не имеющим физических недостатков, и, как несложно убедиться, полностью коррелирует с определением п. 13 ст. 2 Закона № 329-ФЗ.

Пристатейный библиографический список

1. Дмитрий Мильяев представил Владимиру Путину предложения по развитию адаптивного спорта // Министерство спорта Тульской области : сайт. URL: https://sport.tularegion.ru/press_center/news/dmitriy-milyaev-predstavil-vladimiru-putinu-predlozheniya-po-razvitiyu-adaptivnogo-sporta/?ysclid=mb9gsgis4155570940 (дата обращения: 30.09.2025).
2. Теория и организация адаптивной физической культуры : учебник : в 2 т. Т. 1 : Введение в специальность. История и общая характеристика адаптивной физической культуры / под общ. ред. С. П. Евсеева. М. : Советский спорт, 2003.
3. Гаврилова Т. М. Реабилитация лиц с ограниченными функциональными возможностями средствами адаптивной физической культуры : дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2006.
4. Воеводина С. С., Поповенко А. С., Мельникова А. О. Правовое регулирование адаптивного спорта // Актуальные проблемы правового регулирования спортивных отношений : материалы XI международной научно-практической конференции, посвященной Году науки и технологий-2021: Челябинск, 15 апреля 2021 года / отв. ред. С. А. Захарова. Челябинск : Уральская академия, 2021.
5. Постановление Правительства РФ от 3 июня 2019 г. № 1188-р // СПС «КонсультантПлюс».
6. Долгов А. В. О правовом регулировании в сфере адаптивной физической культуры и спорта лиц с ограниченными возможностями здоровья в Российской Федерации // Евразийская адвокатура. 2023. № 2 (61).
7. Цвук И. Организационно-педагогические и правовые условия спортивной деятельности в адаптивной физической культуре : дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2003.
8. Пасичник М. О., Сунагатова Л. В. Комплексная реабилитация инвалидов средствами адаптивной физической культуры // Молодой ученый. 2012. № 12 (47).

9. Сунагатова Л. В. Роль адаптивной физической культуры в комплексной реабилитации и социальной интеграции лиц с отклонениями в состоянии здоровья // Физическая культура и спорт как фактор здоровья и благополучия : материалы международной научно-практической конференции. 28–29 ноября 2006 года / под ред. О. Г. Киевской.
10. Самыличев А. С., Бахарев Ю. А., Морозов А. М., Федотов Ю. А., Юферев И. Л., Тупицын В. П. Основные положения адаптивной физической культуры : учебно-методическое пособие. Нижний Новгород : ННГУ им. Н. И. Лобачевского, 2022.
11. Выдрин В. М. Методические проблемы теории физической культуры // Теория и практика физической культуры. 1984. № 6.
12. Строгова Н. А. Адаптивная физическая культура в системе комплексной реабилитации и социальной интеграции инвалидов // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnaya-fizicheskaya-kultura-v-sisteme-kompleksnoy-reabilitatsii-i-sotsialnoy-integratsii-invalidov> (дата обращения: 30.09.2025).
13. Сунагатова Л. В., Марченкова У. А. Влияние адаптивного спорта на социальную адаптацию инвалидов студент // Молодой ученый. 2012. № 12 (47).
14. Абросимова М. Е. Параолимпийское движение как фактор реабилитации лиц с ограниченными возможностями // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2010. Т. 10. № 2.
15. Брюхова К. Е. Современный паралимпийский спорт: перспективы его развития // Актуальные проблемы педагогики и психологии. 2022. № 12.
16. Сайфулина Н. А., Кошелева М. М. Некоторые проблемы в определении понятия «инвалид» // Аллея науки. 2022. № 7 (70).
17. Матвеев Л. П. Введение в теорию физической культуры : учебное пособие для институтов физической культуры. М. : ФиС, 1983.
18. Щедрина А. Г. Здоровье и массовая физическая культура. Методологические аспекты // Теория и практика физической культуры. 1989. № 4.
19. Евсеев С. П. Адаптивный спорт (правовые, организационные и методические основы). Методические рекомендации. М. : ФГБУ «Федеральный центр подготовки спортивного резерва» Министерства спорта Российской Федерации, 2021.
20. Евсеев С. П. Адаптивный спорт. Наука о спорте. Энциклопедия систем жизнеобеспечения. М. : ООО «Издательский дом МАГИСТР-ПРЕСС», 2011.
21. Евсеев С. П. Теория и организация адаптивной физической культуры. М. : Спорт, 2016.
22. Евсеев С. П., Попов В. И. Физкультурное образование инвалидов как фактор социализации личности // Теория и практика физической культуры 1998. № 1.
23. Воеводина С. С., Тарасенко А. А. Правовые аспекты адаптивной физической культуры // Физическая культура, спорт – наука и практика. 2009. № 1.
24. Модельный закон «О паралимпийском спорте Принят на тридцать первом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ (постановление от 25 ноября 2008 г. № 31-13) // Межпарламентская ассамблея СНГ : сайт. URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/239.pdf> (дата обращения: 30.09.2025).

References

1. Dmitriy Milyaev presented to Vladimir Putin proposals on the development of adaptive sports. URL: https://sport.tularegion.ru/press_center/news/dmitriy-milyaev-predstavil-vladimiru-putinu-predlozheniya-po-razvitiyu-adaptivnogo-sporta/?ysclid=mb9gsgis4155570940 (date of the application: 30.09.2025). (In Russ.)
2. Evseev S. P. (ed.). Theory and Organization of Adaptive Physical Culture: Textbook. In 2 vols. Vol. 1: Introduction to the Specialty. History and General Characteristics of Adaptive Physical Culture. Moscow: Soviet Sport, 2003. (In Russ.)
3. Gavrilova T. M. Rehabilitation of Persons with Limited Functional Abilities by Means of Adaptive Physical Culture: Thesis for a Candidate Degree in Pedagogical Sciences. Krasnoyarsk, 2006. (In Russ.)
4. Voevodina S. S., Popovenko A. S., Melnikova A. O. Legal Regulation of Adaptive Sports. In Zakharova S. A. (ed.). Current Problems of Legal Regulation of Sports Relations (April 15, 2021) – Materials of the XI International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Year of Science and Technologies-2021: Chelyabinsk, April 15, 2021. Chelyabinsk: Ural Academy, 2021. (In Russ.)
5. Decree of the Government of the Russian Federation of June 3, 2019 No. 1188-r (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)
6. Dolgov A. V. On Legal Regulation in the Field of Adaptive Physical Culture and Sports for Persons with Disabilities in the Russian Federation. *Eurasian Advocacy*, 2023, no. 2 (61). (In Russ.)
7. Tsovk I. Organizational-Pedagogical and Legal Conditions of Sports Activity in Adaptive Physical Culture: Thesis for a Candidate Degree in Pedagogical Sciences. St. Petersburg, 2003. (In Russ.)
8. Pasichnik M. O., Sunagatova L. V. Comprehensive Rehabilitation of Persons with Disabilities by Means of Adaptive Physical Culture. *Young Scientist*, 2012, no. 12 (47). (In Russ.)
9. Sunagatova L. V. The Role of Adaptive Physical Culture in the Comprehensive Rehabilitation and Social Integration of Persons with Health Impairments. In Kievskaya O. G. (ed.). Physical Culture and Sport as a Factor of Health and Well-being: Materials of the International Scientific and Practical Conference. November 28–29, 2006. (In Russ.)
10. Samylichev A. S., Bakharev Iu. A., Morozov A. M., Fedotov Iu. A., Iuferev I. L., Tupitsyn V. P. Basic Principles of Adaptive Physical Culture: Educational Manual. Nizhny Novgorod: N. I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, 2022. (In Russ.)
11. Vydrin V. M. Methodological Problems of the Theory of Physical Culture. *Theory and Practice of Physical Culture*, 1984, no. 6. (In Russ.)
12. Strogova N. A. Adaptive Physical Culture in the System of Comprehensive Rehabilitation and Social Integration of Persons with Disabilities. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptivnaya-fizicheskaya-kultura-v-sisteme-kompleksnoy-reabilitatsii-i-sotsialnoy-integratsii-invalidov> (date of the application: 30.09.2025). (In Russ.)
13. Sunagatova L. V., Marchenkova U. A. The Influence of Adaptive Sports on the Social Adaptation of Students with Disabilities. *Young Scientist*, 2012, no. 12 (47). (In Russ.)

14. *Abrosimova M. E.* The Paralympic Movement as a Factor in the Rehabilitation of Persons with Disabilities. *Izvestiia of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Political Science*, 2010, vol. 10, no. 2. (In Russ.)
15. *Bryukhova K. E.* Modern Paralympic Sport: Prospects for its Development. *Current Issues of Pedagogy and Psychology*, 2022, no. 12. (In Russ.)
16. *Sayfulina N. A., Kosheleva M. M.* Some Problems in Defining the Concept of "Disabled Person". *Alley of Science Scientific and Practical Electronic Journal*, 2022, no. 7 (70). (In Russ.)
17. *Matveev L. P.* Introduction to the Theory of Physical Culture: Textbook for Institutes of Physical Culture. Moscow: Fizkultura i sport, 1983. (In Russ.)
18. *Shchedrina A. G.* Health and Mass Physical Culture. Methodological Aspects. *Theory and Practice of Physical Culture*, 1989, no. 4. (In Russ.)
19. *Evseev S. P.* Adaptive Sport (Legal, Organizational and Methodological Foundations). Moscow: Federal State Budgetary Institution "Federal Center for the Training of Sports Reserves" of the Ministry of Sports of the Russian Federation, 2021. (In Russ.)
20. *Evseev S. P.* Adaptive Sport. Sport Science. Encyclopedia of Life Support Systems. Moscow: ООО "Magistr-Press" Publishing House, 2011. (In Russ.)
21. *Evseev S. P.* Theory and Organization of Adaptive Physical Culture. Moscow: Sport, 2016. (In Russ.)
22. *Evseev S. P., Popov V. I.* Physical Education for Persons with Disabilities as a Factor of Personality Socialization. *Theory and Practice of Physical Culture*, 1998, no. 1. (In Russ.)
23. *Voevodina S. S., Tarasenko A. A.* Legal Aspects of Adaptive Physical Culture. *Physical Culture, Sport – Science and Practice*, 2009, no. 1. (In Russ.)
24. Model Law "On Paralympic Sport", adopted at the 31st plenary meeting of the Interparliamentary Assembly of the Commonwealth of Independent States (resolution of November 25, 2008 No. 31-13). URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/239.pdf> (date of the application: 30.09.2025). (In Russ.)

Сведения об авторе:

С. А. Филиппов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права, мастер спорта России по пулевой стрельбе среди лиц с нарушением ОДА.

Information about the author:

S. A. Filippov – PhD in Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law, Master of Sports of Russia in bullet shooting among persons with disabilities.

Статья поступила в редакцию 31.10.2025; одобрена после рецензирования 29.12.2025; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 31.10.2025; approved after reviewing 29.12.2025; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 347

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-193-202>

САМОЛЕЧЕНИЕ, ОТВЕТСТВЕННОЕ САМОЛЕЧЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ НИВЕЛИРОВАНИЯ ПРАВОВЫХ РИСКОВ

Юлия Борисовна Лекомцева

Замоскворецкий районный суд г. Москвы, 113184,
Россия, г. Москва, ул. Татарская, д. 1

lecomzeva@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу формирующихся вызовов для юридической науки и правоприменительной практики в связи с ростом медиализации в российском обществе, увеличением потребления населением лекарственных препаратов для медицинского применения как по врачебным показаниям, так и вне их (самолечение). В некоторых странах принята и реализуется концепция ответственного самолечения, частью которой является управление отдельной группой рисков. В России имеет место тенденция к росту количества дел, по которым правоприменитель вынужден устанавливать не только факт потребления лекарственного препарата, но и связь между приемом этого препарата и наступившими негативными последствиями для здоровья лица, условия и обстоятельства приема того или иного вещества. Автор анализирует имеющиеся подходы к самолечению, а также реальные и потенциальные риски приема препаратов вне официальных назначений или врачебных рекомендаций..

Ключевые слова: лекарственные препараты; самолечение; ответственное самолечение; ответственность за причиненный здоровью вред; правовые риски.

Для цитирования: *Лекомцева Ю. Б.* Самолечение, ответственное самолечение и проблемы нивелирования правовых рисков // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 193–202. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-193-202>

Research Article

SELF-MEDICATION, RESPONSIBLE SELF-MEDICATION AND PROBLEMS OF LEVELING LEGAL RISKS

Yulia B. Lekomtseva

Zamoskvoretsky District Court of Moscow, 1 Tatarskaia St.,
Moscow, 113184, Russia
lecomzeva@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of emerging challenges for legal science and law enforcement practice in connection with the growth of medicalization in Russian society, the increase in the population's consumption of drugs for medical use both for medical indications and outside of them (self-medication). In some countries, the concept of responsible self-medication has been adopted and implemented, part of which is the management of a separate group of risks. In Russia, there is a tendency towards an increase in the number of cases in which the law enforcement officer is forced to establish not only the fact of consumption of a drug, but also the connection between the intake and the negative consequences for a person's health, the conditions and circumstances of taking a particular substance. The author analyzes available approaches to self-medication, as well as the real and potential risks of taking drugs outside of official prescriptions or medical recommendations.

Keywords: medications; self-medication; responsible self-medication; liability for harm caused to health; legal risks.

For citation: *Lekomtseva Yu. B. Self-Medication, Responsible Self-Medication and Problems of Leveling Legal Risks. Herald of the Russian Law Academy, 2026, no. 2, pp. 193–202. (In Russ.)* <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-193-202>

Введение

Стремительное развитие общества, технологий, в том числе информационных, привело к широкому распространению знаний о заболеваниях человека, их причинах, способах лечения, включая лекарственную терапию.

Если в прошлых столетиях большинство населения страны довольствовалось услугами, оказываемыми всевозможными знахарями и травниками (в условиях недоступности медицинской помощи в сельской местности и малых городах, дефицитом не только врачей, но и фельдшеров), то в настоящее время значительная

часть населения в силу объективных (физическая или экономическая недоступность качественных медицинских услуг, длительность ожидания и проч.) и субъективных (недоверие к медицинскому корпусу и его рекомендациям, наличие доступной информации о болезнях и способах, методах их лечения, лекарственных препаратах и др.) причин прибегает к самолечению, включая самостоятельное применение лекарственных препаратов.

П. Я. Аронсон обращает внимание на два взаимосвязанных процесса: снижение ценности медицинского (корпоративного) знания (активный переход части профессиональных знаний в категорию обыденных) и утрату доверия граждан к медикам [1, с. 5].

Поэтому, несмотря на предпринимаемые на отдельных этапах развития общества (как в России, так и за рубежом) попытки пресечь «тягу к самолечению» у населения, жестко урегулировать процессы назначения и потребления населением лекарств (по различным основаниям), человек часто либо не видит потребности в обращении к специалисту, либо не имеет возможности это сделать (в силу различных барьеров). Поэтому он напрямую обращается в аптеку и осуществляет закупку необходимого ему продукта (за исключением тех случаев, когда существует прямой запрет на отпуск и фармацевт, следуя требованиям законодательства, отказывает в выдаче запрашиваемого препарата).

Не сумев в полной мере преодолеть общественные и отраслевые проблемы, обусловленные самолечением, вновь возникшие проблемы (в связи с переходом страны и отрасли к рынку) высветили новые. При этом поиск возможных решений за рубежом, в первую очередь в странах Европы (так как именно оттуда была частично заимствована модель страховой медицины, превратившаяся в России в бюджетно-страховую), привел к активному обсуждению в экспертных кругах концепции «ответственного самолечения».

Ее фактическому (даже при отсутствии необходимых документов либо при пробельности и фрагментарности законодательства) способствуют: повышение уровня знаний населения о профилактике и лечении заболеваний (переход научных и профессиональных знаний в категорию общедоступных); допустимость рекламы лекарственных средств (по общему правилу – безрецептурных; также доступна информация о рецептурных средствах в специальных изданиях); наличие возможности (фактически и на законных основаниях) приобретения ряда лекарственных препаратов в аптеке без предъявления назначения от врача (без рецепта).

Экономика здравоохранения также вызывает интерес управленцев к феномену ответственного самолечения. В отечественной литературе приводят следующие цифры: около 5% врачебной помощи может быть замещено; практически от 90% медицинского обслуживания, необходимого больным, имеющим хронические заболевания, можно отказаться [2, с. 13].

Исторически процесс можно охарактеризовать как качели: от основного либо единственного способа лечения (для тех или иных групп населения) к резкому ограничению самолечения (в основном в XX в., когда был развит патернализм в медицине) и внедрению ответственного самолечения (в XXI в.).

1. Самолечение и ответственное самолечение как феномены

Самолечение – один из древнейших феноменов, сопровождающих человеческую цивилизацию с древнейших времен до наших дней. Если анализировать широко известные из истории медицины трактаты о болезнях, а также доступные акты, относящиеся к государству и праву, то мы обнаруживаем в них всевозможные схемы лечения, рецепты снадобий и подобные им упоминания, ориентированные на любого пользователя. Конечно, большинство из них были предназначены для специалистов, но в силу их редкости, ими могли пользоваться любые лица. Более-менее жесткие требования в основном касались врачевания первых лиц государств и придворных. Процесс формализации требований был растянут на много столетий. Даже богатые люди часто были вынуждены лечиться самостоятельно, некоторые из них черпали знания из опыта прошлых поколений либо из специальной литературы [3, с. 17].

В Средние века в некоторых странах Европы начинают предприниматься попытки формализации и стандартизации фармацевтического дела, изготовления известных лекарственных препаратов. В России этот процесс начинается вместе с реформами Петра I в военном деле [4, с. 13]. Однако в современном понимании регулирование сферы изготовления и (или) производства лекарственных средств – это примерно чуть более чем столетний период. При этом уровень внимания к этой сфере до настоящего времени заметно различается (большое значение имеют как развитость рынка, так и местные традиции).

Достижения науки о жизни, биомедицинских наук, бурное развитие фармацевтики к концу XX в. привели, с одной стороны, к резкому увеличению возможностей фармацевтического дела и практической медицины, с другой – к росту нагрузки на медицинский персонал. Лекарственные препараты стали одним из основных инструментов врача (существенно опередив оперативные вмешательства, использование медицинской техники и другие назначения). При этом кадровая проблема в отрасли не была полностью решена даже в советский период (несмотря на наличие больших достижений в деле подготовки и переподготовки медицинских и иных кадров для здравоохранения). В современный период она стоит довольно остро.

В связи с наличием означенных выше проблем во многих странах стали предприниматься попытки выхода из образовавшегося тупика. Появилась концепция «ответственного самолечения».

Она была в целом положительно воспринята в странах Европы по следующим причинам: экономия средств и времени для гражданина-пациента (крайне важно в странах рыночной экономики); снижение нагрузки на медицинские организации и медицинский персонал; снижение затрат на отрасль здравоохранения.

Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) было предложено определение ответственного самолечения как способности людей сохранять здоровье, предотвращать болезнь, поддерживать здоровье и справляться с болезнью и инвалидностью как с определенной поддержкой, так и без поддержки медицинского работника [5].

Экспертами ВОЗ рекомендовалось внедрять соответствующий подход для профилактики отдельных заболеваний (прием витаминов, микроэлементов и др.), лег-

ких расстройствах желудочно-кишечного тракта, аллергических проявлениях, умеренных болях. Однако в дальнейшем как понимание самолечения, так и основания к нему стали заметно расширяться.

В отечественной литературе приводятся следующие состояния, при которых может применяться ответственное самолечение: симптоматическое лечение простуды; лечение аллергических проявлений; симптоматическое лечение дерматологических заболеваний; симптоматическое лечение функциональных расстройств желудочно-кишечного тракта; симптоматическое лечение слабой и умеренной боли; лечение лихорадочных состояний, связанных с простудой и гриппом; лечение и профилактика витамин- и минерал-дефицитных состояний; лечение ряда хронических заболеваний при определенных условиях) [6, с. 107].

Однако и в условиях стационара, при соблюдении всех требований, предъявляемых к осуществлению медицинской помощи, нередко случаи причинения вреда здоровью пациентов [7]. Вне врачебного контроля и более безопасные средства в условиях их массового применения населением, будут приводить к несчастным случаям.

Среди основных проблем, о которых необходимо думать при внедрении управленцами концепции ответственного самолечения, экспертами указывались: риск развития отдельных заболеваний (несвоевременное обращение к врачу, поздняя диагностика серьезных заболеваний, рост затрат на лечение в условиях стационара); рост числа побочных эффектов от приема лекарственных препаратов.

В связи с имеющимися рисками лекарственной терапии без наличия рекомендаций профессионалов, вне врачебного наблюдения, предполагалось, что ответственное самолечение требует большего внимания к информированию граждан (включая подбор лекарств в аптеке), а также разграничение всех продуктов на препараты рецептурного и безрецептурного отпуска, на что ниже будет обращено внимание.

Так называемые безрецептурные лекарственные препараты – это товары особой группы, которые могут применяться при относительно легких симптомах заболеваний, рассчитанные на относительно короткий прием, являющиеся относительно безопасными для потребителей [8, с. 26].

В связи с бурной цифровизацией концепция ответственного самолечения вновь начинает представлять интерес как для фармацевтического бизнеса, так и для организаторов здравоохранения. Вновь брезжит надежда, что некоторые проблемы здравоохранения если не будут разрешены, то их острота будет во многом сглажена.

Наряду с нерешенными проблемами организационного характера, при принятии управленческих решений необходимо также учитывать и риски правового характера, на что ниже будет обращено внимание.

2. Риски самолечения и юридическая ответственность за причиненный здоровью или жизни гражданина вред

Отдельной концепции ответственного самолечения либо иного официального документа в России до настоящего времени не имеется. Однако в некоторых документах этот термин встречается.

Например, в приказе Министерства труда и социальной защиты РФ от 9 марта 2016 г. № 91н «Об утверждении профессионального стандарта «Провизор» [9] в рубрике «Необходимые знания» указаны основы ответственного самолечения.

Имеются упоминания об ответственном самолечении, фармацевтическом консультировании также в нескольких проектах приказа Минздрава России.

В то же время в Стратегии предупреждения распространения антимикробной резистентности в Российской Федерации на период до 2030 года [10] говорится о недопустимости самолечения антибиотиками.

Если обратиться к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [11], то в нем мы находим упоминание лечения, как комплекса определенных мероприятий, выполняемых по назначению медицинского работника. Самолечение в нем не упоминается.

Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» [12] в этапах жизненного цикла лекарственного препарата для медицинского применения выделяет отпуск, различает информационные массивы, характеризующие информацию о лекарственных препаратах, отпускаемых по рецепту и без рецепта на лекарственный препарат ст. 67 Закона).

Нельзя не обратить внимания и на Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» [13]. Статьей 24 Закона закреплены особенности рекламы лекарственных средств.

Следовательно, нормы, регулирующие сферу обращения лекарственных средств, в том числе их отпуск в аптеках, уже частично восприняли концепцию ответственного самолечения. Однако на уровне отношений «медицинский корпус – пациент» практически отсутствует регулирование вопросов самолечения, в особенности ответственного самолечения. Национальные нормативные правовые акты имеют фрагментарный характер, затрагивают лишь отдельные аспекты, связанные с самолечением.

При этом нельзя забывать об основных рисках и угрозах для личности и общества, исходящих от самолечения, в том числе ответственного самолечения. К ним относятся: появление граждан с запущенными заболеваниями (требуют значительных средств на лечение, как правило, из общественных фондов); причинение вреда здоровью (в силу неправильного применения, ошибки в дозировке, способе введения, проявление вредоносных свойств лекарства (в особенности при их недопустимом сочетании)).

На первый взгляд любые риски, связанные с самостоятельным приемом гражданином лекарственного препарата (или нескольких продуктов), полностью лежат на гражданине-потребителе. Такие комментарии часто встречаются как в публикациях, так и в материалах немногочисленной практики.

Однако категорический однозначный ответ на данный вопрос, на наш взгляд, не является верным, в особенности в связи с фактическим развитием ответственного самолечения, приобретением и применением отдельных групп лекарственных препаратов гражданином-потребителем на законных основаниях.

Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей» [14] оперирует понятиями «недостаток товара», «качество товара», «безопасность товара»

и др. Его нормы распространяются и на лекарственные средства, отпускаемые в аптеках. Он в своем составе имеет устаревшую формулировку «медикаменты». В этой связи нельзя не обратить внимания на ст. 14 Закона «Имущественная ответственность за вред, причиненный вследствие недостатков товара (работы, услуги)».

Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» не только оперирует такими категориями, как «побочное действие», «нежелательная реакция», но и содержит в своем составе ст. 69 «Возмещение вреда, причиненного здоровью граждан вследствие применения лекарственных препаратов». Однако ее качество оставляет желать лучшего. В ней указан исчерпывающий и довольно узкий круг оснований, по которым к гражданско-правовой ответственности может быть привлечен производитель либо организация оптовой, либо розничной торговли (аптека). Кроме того, ч. 3 ст. 69 Закона содержит отсылку к законодательству РФ, т.е. к ст. 1084 ГК РФ и др.

Регуляторы, а также сам фармбизнес посредством информирования медицинского сообщества, заинтересованных субъектов обращения лекарственных средств, информируют о наиболее частых нарушениях, что снижает отдельные риски.

В медицинских организациях должна быть налажена эффективная работа по информированию пациентов о рисках самолечения [15]. Периодически выходят письма и другие материалы, в которых обращается внимание на несоблюдение инструкций, недостаточный учет противопоказаний к применению лекарственных препаратов, режимов дозирования и др. [16].

Однако даже самая эффективная профилактика отдельных рисков для здоровья граждан в условиях развития концепции ответственного самолечения, не исключает реализации рисков, фактов причинения вреда здоровью граждан, что обуславливает постановку и решение задачи о создании непротиворечивого механизма возмещения вреда здоровью гражданина-потребителя лекарственных средств.

Заключение

Формирование и внедрение концепции ответственного самолечения в том или ином объеме требует, наряду с организационными, также и правовых решений.

В настоящее время законодательство об охране здоровья граждан и обращении лекарственных средств с позиций концепции ответственного самолечения не состоятельно. С одной стороны, развивается рынок лекарственных средств, реклама лекарственных средств, растет число «самоназначений», с другой – однозначно не решен вопрос относительно имеющихся рисков и угроз в связи с широким бесконтрольным применением населением особых товаров, способных причинить вред их здоровью.

Практика возмещения вреда, причиненного здоровью гражданина-потребителя лекарственного препарата (самостоятельно (вне связи с врачебной рекомендацией) приобретшего по договору в аптеке лекарство), находится на начальном этапе, характеризуется противоречивостью в связи с наличием отдельных законодательных лакун.

При внедрении концепции ответственного самолечения должны быть учтены правовые риски, уточнены нормы о возмещении вреда, причиненного здоровью гражданина – потребителя лекарственных препаратов.

Пристатейный библиографический список

1. Аронсон П. Я. Отказ от профессиональной медицинской помощи как следствие утраты доверия экспертному знанию врача и институциональной среде здравоохранения // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. Вып. 20.
2. Капля-Бубенец В. Ответственное самолечение – осознанный подход к своему здоровью // Ремедиум. 2018. № 4.
3. Годовальников Г. В. Самолечение и фармацевтическая помощь // Рецепт. 2014. № 3.
4. Милушин М. И., Мохов А. А. Законодательство и фармбизнес в 2011 году. Правовое регулирование фармацевтической деятельности в России. М. : Медфорум, 2011.
5. The Role of the Pharmacist in Self-Care and Self-Medication. Report on the 4th WHO Consultative Group on the Role of the Pharmacist. WHO/DAP/98.13. Hague, The Netherlands, August 26–28, 1998.
6. Толпыгина С. Н., Марцевич С. Ю., Концевая А. В., Драпкина О. М. Ответственное самолечение – основополагающие принципы и место в современной системе здравоохранения // Рациональная фармакотерапия в кардиологии. 2018. № 14.
7. Мохов А. А. Некачественное медицинское обслуживание как источник повышенной опасности для окружающих // Современное право. 2004. № 10.
8. Гавриленко Л. Н. Рецептурные и безрецептурные лекарственные средства. Концепция ответственного самолечения (проблемная лекция) // Рецепт. 2012. № 2.
9. Приказ Министерства труда и социальной защиты РФ от 9 марта 2016 г. № 91н «Об утверждении профессионального стандарта «Провизор» // СПС «Гарант».
10. Стратегия предупреждения распространения антимикробной резистентности в Российской Федерации на период до 2030 года (утв. распоряжением Правительства РФ от 25 сентября 2017 г. № 2045-р) // СЗ РФ. 2017. № 41. Ст. 5990.
11. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6724.
12. Федеральный закон от 12 апреля 2010 г. № 61-ФЗ «Об обращении лекарственных средств» // СЗ РФ. 2010. № 16. Ст. 1815.
13. Федеральный закон от 13 марта 2006 г. № 38-ФЗ «О рекламе» // СЗ РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
14. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300-I «О защите прав потребителей» // Российская газета. 7 апреля 1992 г.
15. Предложения (практические рекомендации) по организации внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности в медицинской организации (поликлинике). Вторая версия (утв. ФГБУ «Национальный институт качества» Росздравнадзора 1 июля 2023 г.) // СПС «Гарант».
16. Письмо Федеральной службы по надзору в сфере здравоохранения от 30 июня 2016 г. № 02И-1320/16 «О новых данных по безопасности лекарственных препаратов Санорин, Санорин-Ксило, Санорин с маслом эвкалипта, Санорин-Аналергин» // СПС «Гарант».

References

1. Aronson P. Ia. Refusal from Professional Medical Care as a Consequence of the Loss of Trust in the Doctor's Expert Knowledge and the Institutional Environment of Healthcare. *Izvestiia of Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen*, 2006, iss. 20. (In Russ.)
2. Kaplia-Bubenets V. Responsible Self-Treatment – a Conscious Approach to One's Health. *Remedium*, 2018, no. 4. (In Russ.)
3. Godovalnikov G. V. Self-Medication and Pharmaceutical Care. *Prescription*, 2014, no. 3. (In Russ.)
4. Milushin M. I., Mokhov A. A. Legislation and Pharmaceutical Business in 2011. Legal Regulation of Pharmaceutical Activity in Russia. Moscow: Medforum, 2011. (In Russ.)
5. The Role of the Pharmacist in Self-Care and Self-Medication. Report on the 4th WHO Consultative Group on the Role of the Pharmacist. WHO/DAP/98.13. Hague, The Netherlands, August 26–28, 1998. (In Russ.)
6. Tolpygina S. N., Martsevich S. Iu., Kontsevaia A. V., Drapkina O. M. Responsible Self-Medication: Fundamental Principles and Place in the Modern Healthcare System. *Rational Pharmacotherapy in Cardiology*, 2018, no. 14. (In Russ.)
7. Mokhov A. A. Poor-Quality Medical Care as a Source of Increased Danger to Others. *Modern Law*, 2004, no. 10. (In Russ.)
8. Gavrilenko L. N. Prescription and Non-Prescription Medicines. the Concept of Responsible Self-Medication (Problematic Lecture). *Recipe*, 2012, no. 2. (In Russ.)
9. Order of the Ministry of Labor and Social Protection of the Russian Federation of March 9, 2016, No. 91n "On Approval of the Professional Standard 'Pharmacist'" (SPS "Garant"). (In Russ.)
10. Strategy for Preventing the Spread of Antimicrobial Resistance in the Russian Federation for the Period up to 2030 (approved by Decree of the Government of the Russian Federation of September 25, 2017 No. 2045-r). *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2017, no. 41, art. 5990. (In Russ.)
11. Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FZ "On the Basics of Public Health Protection in the Russian Federation". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2011, no. 48, art. 6724. (In Russ.)
12. Federal Law of April 12, 2010 No. 61-FZ "On the Circulation of Medicines". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2010, no. 16, art. 1815. (In Russ.)
13. Federal Law of March 13, 2006 No. 38-FZ "On Advertising". *Collection of Legislation of the Russian Federation*, 2006, no. 12, art. 1232. (In Russ.)
14. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300-I "On Consumer Rights Protection". *Rossiiskaia Gazeta*, April 7, 1992. (In Russ.)
15. Suggestions (Practical Recommendations) on the Organization of Internal Quality Control and Safety of Medical Activities in a Medical Organization (Polyclinic). The Second Version (approved by the Federal State Budgetary Institution "National Institute of Quality" of Roszdravnadzor on July 1, 2023) (SPS "Garant"). (In Russ.)
16. Letter of the Federal Service for Supervision of Healthcare of June 30, 2016 No. 02I-1320/16 "On New Data on the Safety of the Medications Sanorin, Sanorin-Ksilo, Sanorin with Eucalyptus Oil, and Sanorin-Analergin" (SPS "Garant"). (In Russ.)

Сведения об авторе:

Ю. Б. Лекомцева – федеральный судья.

Information about the author:

Yu. B. Lekomtseva – Federal Judge.

Статья поступила в редакцию 21.11.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 21.11.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 342

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-203-212>

ПРАВОВОЙ СТАТУС АВТОНОМНЫХ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ В АДМИНИСТРАТИВНОМ ПРАВЕ

Луиза Сираджеддиновна Булгакова¹

Виктория Александровна Карташева²

^{1,2} Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)
Университета прокуратуры РФ, 191104, Россия, г. Санкт-Петербург,
Литейный проспект, д. 44

¹ luiza@mail.ru

² kartashevaviks@gmail.com

Аннотация

Статья посвящена проблеме определения правового статуса автономных технических средств в административном праве. Целью исследования является раскрытие понятия «автономные технические средства», определение перспектив их практического применения и выработка предложений по совершенствованию порядка привлечения к административной ответственности за совершение правонарушения с их применением. При проведении исследования были использованы формально-юридический, системный и сравнительно-правовой методы. Выводы авторов и новизна статьи связаны с предложениями по совершенствованию правового положения автономных технических средств путем закрепления в законодательстве понятийного аппарата, уточнения субъектного состава правонарушений и внедрения системы обязательного страхования и учета.

Ключевые слова: автономные технические средства; роботы; беспилотные системы; административная ответственность.

Для цитирования: Булгакова Л. С., Карташева В. А. Правовой статус автономных технических средств в административном праве // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 203–212. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-203-212>

Research Article

THE LEGAL STATUS OF AUTONOMOUS TECHNICAL FACILITIES IN ADMINISTRATIVE LAW

Luisa S. Bulgakova¹

Victoria A. Kartasheva²

^{1,2} St. Petersburg Law Institute (Branch) of University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 44 Liteinyi Ave., St. Petersburg, 191104, Russia

¹ luiza@mail.ru

² kartashevaviks@gmail.com

Abstract

The article is devoted to the problem of determining the legal status of autonomous technical means in administrative law. The purpose of the study is to reveal the concept of «autonomous technical means», to determine the prospects for their practical application and to develop proposals for improving the procedure for bringing to administrative responsibility for committing offenses with their use. During the research, formal legal, systematic and comparative legal methods were used. The authors' conclusions and the novelty of the article are related to proposals to improve the legal status of autonomous technical means by consolidating the conceptual framework in legislation, clarifying the subject matter of offenses and introducing a system of compulsory insurance and accounting.

Keywords: autonomous technical means; robots; unmanned systems; administrative responsibility.

For citation: Bulgakova L. S., Kartasheva V. A. The Legal Status of Autonomous Technical Facilities in Administrative Law. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 203–212. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-203-212>

Введение

Существование современного человека уже немыслимо без информационных технологий. Они проникли во все сферы жизни общества, став не просто вспомогательным инструментом, а социально значимой инфраструктурой, обслуживающей базовые потребности граждан. Сегодня технологии перестали быть опциональным элементом развития, превратившись в императив любой отрасли и сделав дальнейший прогресс без них неосуществимым. Вместе с тем, информатизация

общества не может проводиться без участия государства. Оно должно не только организовывать поступательное технологическое развитие путем обеспечения безопасности внедрения и использования автономных систем, но и само двигаться в сторону прогресса, выступая субъектом их применения.

Актуальность темы цифровизации подтверждается мировым опытом. Так, например, в 2025 г. впервые в мировой истории в Албании нейросеть была назначена на должность министра по госзакупкам [1], а Правительство Абу-Даби запустило программу *Digital Strategy*, предусматривающую полную интеграцию искусственного интеллекта (далее – ИИ) в госуправление [2]. Такая тенденция свидетельствует о том, что практика применения автоматизированных систем будет только распространяться. Российская Федерация не является исключением, потому также стремится к развитию умных технологий. Это подтверждает указ Президента РФ от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» (далее – Концепция), который устанавливает приоритет развития новых рынков беспилотных авиационных систем, автономных транспортных средств, искусственного интеллекта, а также автоматизации и технологизации государственного и муниципального управления [3]. Особенно интересным представляется положение Концепции, определяющее как цель вхождение к 2030 г. Российской Федерации в число 25 ведущих стран мира по показателю плотности роботизации. В свою очередь отечественное законодательство, регулирующее данную сферу, только начинает развиваться, поэтому многие положения нуждаются в дополнении и уточнении.

Основная часть

Административное право как одна из самых динамичных отраслей наиболее охотно и быстро перенимает тенденции цифровизации. В связи с этим одним из ведущих направлений в данной сфере является совершенствование государственного управления в области применения автономных технических средств, поскольку их активное внедрение и использование на практике уже началось. Между тем правовая неопределенность статуса таких систем может создавать проблемы в их применении, поэтому необходимо выработать единый подход к пониманию автономных технических средств для дальнейшего планомерного развития данной отрасли.

Говоря о правовом статусе, в первую очередь следует подчеркнуть, что на сегодняшний день на законодательном уровне до сих пор отсутствует закрепленное понятие указанных технологий. Как правило, упоминание автономных технологий, например, беспилотных автомобилей, летательных средств, промышленных систем и так далее, встречается в узкоспециализированных актах, которые регламентируют работу конкретной отрасли. Тем не менее наиболее общее определение, которое удастся найти, встречается в п. 3.1 ГОСТ Р 60.0.0.4-2023, где устанавливается, что робот есть программируемый исполнительный механизм, обладающий определенным уровнем автономности и предназначенный для выполнения перемещения, манипулирования или позиционирования [4]. То есть это непосредственно объект внешнего мира, который самостоятельно без участия человека может взаимодействовать с окружающей средой. Отдельно отметим определение, которое

дают Ю. М. Батурин и С. В. Полубинская в своем исследовании, определяя робота как функциональную конструкцию, автономного агента, снабженного инструментальными средствами, управляемыми искусственным интеллектом данного агента [5, с. 143]. Подчеркнем, что, включая в понятие ИИ, авторы значительно расширяют возможности системы. Не все роботизированные комплексы снабжены данными техническими элементами, но тем не менее большинство ученых сходятся во мнении, что робот должен обладать определенной степенью автономности, чтобы признаваться таковым [6, с. 100–101].

Существует множество классификаций и модификаций роботизированных технологий, но особую актуальность в сфере государственного управления в последнее время приобретают беспилотные системы. В то же время в законе также до сих пор отсутствует общее положение о том, какие именно технологии могут признаваться таковыми. Так, различные подзаконные нормативные правовые акты, например Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий [7], Положение о федеральном государственном контроле (надзоре) за проведением работ по активным воздействиям на гидрометеорологические процессы [8] закрепляют возможность использования беспилотных систем в ходе проведения профилактического визита и иных мероприятий. При этом в положениях не указывается на конкретные технические средства, которые разрешено использовать. Кроме того, Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [9], во исполнение которого принимались вышеуказанные акты, в целом не содержит какого-либо упоминания о возможности применения беспилотных систем, что на наш взгляд является существенным упущением.

В продолжение темы терминологической аморфности законодательства в данной сфере отметим, что, как правило, указание на отнесение того или иного подводного, наземного или воздушного средства к категории «беспилотных» содержится в специальных актах. Так, например, Воздушный кодекс РФ в ст. 32 устанавливает, что беспилотное воздушное средство (далее – БПВС) есть воздушное судно, управляемое, контролируемое в полете пилотом, находящимся вне борта такого воздушного судна (внешний пилот) [10]. Сейчас такие технологии активнее всего применяются сотрудниками Ространснадзора, Росприроднадзора, Росреестра, которые с помощью данных средств фиксируют нарушения. Вместе с тем включение доказательств, добытых таким путем, в дело об административном правонарушении осуществляется на основании общей нормы, а именно на ст. 26.2 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [11], поскольку ст. 2.6.1 КоАП РФ и постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» [12] сильно ограничивают возможность применения автоматического средства фиксации путем выделения конкретных сфер применения – природопользования, благоустройства и дорожного движения, а также определяя один допустимый тип движу-

щегося технического устройства. Полагаем, что расширение области применения средств автоматической фиксации и их видов путем внесения изменений в вышеуказанные акты не только упростит процесс производства, но и сэкономит как финансовые, так и человеческие ресурсы.

Обратим также внимание, что данные беспилотные суда всегда дистанционно пилотируются должностными лицами, которые самостоятельно выбирают, какие объекты контроля (надзора) попадут на камеру, установленную на БПВС. Так, на основании фото- или видеоматериала, получаемого в режиме реального времени, сотрудники выявляют нарушения законодательства. При этом сейчас большинство БПВС могут работать в автономном или полуавтономном режиме, т.е. выполнять задачи без участия человека. Например, такой системой является беспилотник «Стрекоза», работающий на базе ИИ, способный находить и ликвидировать лесные пожары, а также анализировать состояние воздуха [13]. Однако его ввод и эксплуатация затруднены, так как Воздушный кодекс РФ никак не регулирует функционирование беспилотников в автономном режиме, при этом другие нормативные акты, допускают такую возможность: на это указывает, например, ГОСТ Р 57258-2016 [14], который определяя БПВС, говорит как о возможности ручного управления, так и о выполнении автономного полета. Статус таких технических средств на данный момент находится по большей части вне рамок правового поля. Считаем важным связать такое положение вещей не только с отсутствием надлежащей правовой регламентации, но и, в частности, с затруднительным определением лиц ответственных за работу автономных технических средств, поскольку их действия могут не охватываться волей лица, запускающего функционирование беспилотника.

Подобный пласт проблем наиболее ярко отражает вопрос применения высокоавтоматизированных транспортных средств. Впервые беспилотные автомобили появились на российских дорогах в 2018 г. Так, постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 предусматривало проведение эксперимента по опытной эксплуатации систем [15]. Предполагалось, что каждый автомобиль, участвующий в испытаниях, должен быть застрахован не менее, чем на 10 млн руб., а также иметь сертификат предварительного успешного прохождения тестов в автономном режиме на полигонах. К тому же презюмировалось, что ответственность за дорожно-транспортные и иные происшествия лежит на владельце такого средства, при отсутствии виновных действий других участников дорожного движения, к которым законодательство относит водителей, пешеходов и пассажиров. Это означало, что операторы данных технических систем не могли быть субъектами таких правоотношений. Вместе с тем в 2020 г. была принята Концепция обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств, которая установила, что оператор высокоавтоматизированного аппарата должен соблюдать законодательство в области ПДД наравне с водителем [16]. Данное положение до сих пор не было отражено на уровне федерального законодательства, однако попытки предпринимались. Так, в 2021 г. Министерством транспорта РФ был представлен законопроект «О высокоавтоматизированных транспортных средствах». Указанный нормативный правовой акт вводил разделение обязанностей производителя, диспетчера, водителя высокоавтоматизированного транспортного средства, а так-

же предлагал внести изменения в Федеральный закон «О безопасности дорожного движения», признав участником дорожного движения не только диспетчера, но и саму автоматизированную систему управления транспортного средства [17]. Фактически авторы законопроекта пытались ввести совершенно новую юридическую конструкцию – «электронное лицо», которая ранее не использовалась ни в одной из отраслей российского права [18, с. 42]. Таким образом, наделяя технический комплекс некоторым объемом прав и обязанностей, мы неизбежно приходим к вопросу о признании нового субъекта административной ответственности.

В данном контексте считаем нужным отметить, что уже сейчас большое количество ученых сходятся во мнении о возможном признании роботизированной системы в качестве нового субъекта права [6, с. 105], однако, по нашему мнению, такое решение имеет несколько поспешный характер. Это связано в первую очередь с технической стороной, а именно с отсутствием возможности полного самообучения в процессе функционирования. Подобные технологические комплексы по большей части программируются человеком и последующую автономную работу осуществляют на основе тех алгоритмов, которые были заложены разработчиками. При том это не исключает самообучаемость робота, который также может получать опыт от взаимодействия с окружающей средой, однако зачастую информация, обрабатываемая таким техническим средством, в последующем также корректируется вручную. Именно поэтому говорить об автономных системах как о субъектах административного права мы пока что не можем, поскольку их работа практически полностью зависит от воли человека.

Вместе с тем, переходя к решению вопроса об ответственности за работу высокоавтоматизированных и роботизированных систем, следует также упомянуть роботов-доставщиков. Их количество на дорогах неизбежно растет, но вместе с ними увеличивается и объем коллизий, поскольку такие технические средства уже сейчас становятся участниками дорожных происшествий. Так, например, в сентябре 2025 г. робот-курьер от компании «Яндекс» не уступил дорогу автомобилю с включенными специальными световыми и звуковыми сигналами [19], за что установлена ответственность ч. 1 ст. 12.17 КоАП РФ. Тем не менее субъектом данного правонарушения является либо водитель транспортного средства, либо его собственник, сам же робот-доставщик в соответствии с положениями постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» не является транспортным средством, а оператор такого роботизированного комплекса не является водителем [12]. Данные случаи закон, как уже отмечалось ранее, никак не регулирует, поэтому требуется выработать основные подходы к функционированию автономных систем, которые возможно внедрить уже сейчас.

Прежде всего считаем необходимым создание единого реестра автономных систем, который станет обязательным для всех владельцев данных комплексов. Такой подход позволит в нестандартной ситуации сотрудникам соответствующих служб быстро выяснять всю нужную информацию о беспилотнике, а также найти лиц, отвечающих за функционирование соответствующей системы. К тому же имеет смысл

установить обязанность по страхованию определенных автоматических технических средств по аналогии с ОСАГО. Кроме того, затрагивая данную тему, следует все-таки поднять вопрос привлечения лица к ответственности за совершение административного правонарушения с использованием автономных технических средств. Решение видится в признании виновным в такой ситуации собственника или владельца робота по аналогии со ст. 2.6.1 КоАП РФ. Вместе с тем виновным может быть признан и дистанционный оператор, если будет доказано, что он допустил ошибки в управлении, которые, например, повлекли нарушение норм ПДД техническим средством. Обратим внимание также, что некоторые авторы пишут о возможности привлечения к ответственности производителя, если «неправомерное поведение» робота было вызвано неточностями в алгоритмах, использованием неполных данных и так далее [20, с. 9]. Однако, на наш взгляд, это решение является нецелесообразным, поскольку в таком случае размываются границы ответственности оператора, который при запуске или использовании автономного технического средства должен быть обязательно убежден в его исправности.

Заключение

Исходя из всего вышесказанного следует констатировать, что автономные технические комплексы уже сейчас являются неотъемлемой частью нашей жизни. Их дальнейшая трансформация и усиление процессов технологизации также неизбежны, как и неминуемы преобразования законодательства, которое порой не поспевает за быстрыми изменениями. Поэтому необходимо работать в данной сфере на опережение. Уже сейчас, при обсуждении статуса автоматизированных и роботизированных систем, необходимо учитывать перспективу возможного признания их полноценными субъектами права в будущем. Такой подход позволит не только обеспечить соответствие законодательства реальности, но и обезопасить человека, общество и государство.

Пристатейный библиографический список

1. Politico: в Албании создали первого в мире «ИИ-министра» // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/ekonomika/25029333> (дата обращения: 19.10.2025).
2. Abu Dhabi Government Digital Strategy 2025-2027 // Department of Government Enablement : сайт. URL: <https://www.dge.gov.ae/en/news/cx-strategy> (дата обращения: 19.10.2025)
3. Указ Президента РФ от 7 мая 2025 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // СПС «КонсультантПлюс».
4. ГОСТ Р 60.0.0.4-2023/ISO 8373:2021. Национальный стандарт Российской Федерации. Роботы и робототехнические устройства. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 20 апреля 2023 г. № 255-ст) // СПС «Кодекс».
5. Батулин Ю. М., Полубинская С. В. Искусственный интеллект: правовой статус или правовой режим? // Государство и право. 2022. № 10.

6. Чаннов С. Е. Робот (система искусственного интеллекта) как субъект (квасисубъект) права // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 12.

7. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1090 «О федеральном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий» (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) в области охраны и использования особо охраняемых природных территорий») (ред. от 8 сентября 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

8. Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 г. № 1072 «О федеральном государственном контроле (надзоре) за проведением работ по активным воздействиям на гидрометеорологические процессы» (вместе с «Положением о федеральном государственном контроле (надзоре) за проведением работ по активным воздействиям на гидрометеорологические процессы») (ред. от 27 августа 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

9. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

10. Воздушный кодекс Российской Федерации от 19 марта 1997 г. № 60-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 31 июля 2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

12. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 июня 2019 г. № 20 «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // СПС «КонсультантПлюс».

13. На «Сильные идеи для нового времени» поступило более 290 идей по технологическому развитию // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/19731247> (дата обращения: 19.10.2025).

14. ГОСТ Р 57258-2016. Национальный стандарт Российской Федерации. Системы беспилотные авиационные. Термины и определения (утв. и введен в действие приказом Росстандарта от 10 ноября 2016 № 1674-ст) // СПС «Кодекс».

15. Постановление Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 1415 «О проведении эксперимента по опытной эксплуатации на автомобильных дорогах общего пользования высокоавтоматизированных транспортных средств». // СПС «КонсультантПлюс».

16. Распоряжение Правительства РФ от 25 марта 2020 г. № 724-р «О Концепции обеспечения безопасности дорожного движения с участием беспилотных транспортных средств на автомобильных дорогах общего пользования» // СПС «КонсультантПлюс».

17. Проект федерального закона «О высокоавтоматизированных транспортных средствах и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Федеральный портал проектов нормативно правовых актов : сайт. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/116763/> (дата обращения: 19.10.2025).

18. Баранов П. П. Правовое регулирование робототехники и искусственного интеллекта в России: некоторые подходы к решению проблемы // Северокавказский юридический вестник. 2018. № 1.

19. На видео попал робот-доставщик, который выехал наперез Aurus с мигалкой // Газета.ру : сайт. URL: <https://www.gazeta.ru/auto/news/2025/09/04/26650892.shtml> (дата обращения: 19.10.2025).

20. Зырянов С. М. Проблемы квалификации административных правонарушений, совершаемых с участием беспилотных транспортных средств // Проблемы правоохранительной деятельности. 2024. № 4.

References

1. Politico: Albania has created the world's first "AI minister". URL: <https://tass.ru/ekonomika/25029333> (date of the application: 19.10.2025). (In Russ.)

2. Abu Dhabi Government Digital Strategy 2025–2027. URL: <https://www.dge.gov.ae/en/news/cx-strategy> (date of the application: 19.10.2025).

3. Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2025 No. 309 "On the National Development Goals of the Russian Federation for the Period up to 2030 and for the Future up to 2036" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

4. GOST R 60.0.0.4-2023/ISO 8373:2021. The National Standard of the Russian Federation. Robots and Robotic Devices. Terms and Definitions (approved and put into effect by Rosstandart Order of April 20, 2023 No. 255) (SPS "Code"). (In Russ.)

5. Baturin Iu. M., Polubinskaia S. V. Artificial Intelligence: Legal Status or Legal Regime? *State and Law*, 2022, no. 10. (In Russ.)

6. Channov S. E. Robot (Artificial Intelligence System) as a Subject (Quasi-Subject) of Law. *Actual Problems of Russian Law*, 2022, vol. 17, no. 12. (In Russ.)

7. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 1090 "On Federal State Control (Supervision) in the field of protection and Use of Specially Protected Natural Territories" (together with the "Regulation on Federal State Control (Supervision) in the field of protection and Use of Specially Protected Natural Territories") (as amended on September 8, 2025) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

8. Resolution of the Government of the Russian Federation of June 30, 2021 No. 1072 "On Federal State Control (Supervision) over the Conduct of Work on Active Impacts on Hydrometeorological Processes" (together with the "Regulation on Federal State Control (Supervision) over the Conduct of Work on Active Impacts on Hydrometeorological Processes") (as amended on August 27, 2025) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

9. Federal Law of July 31, 2020 No. 248-FZ "On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

10. Air Code of the Russian Federation of March 19, 1997 No. 60-FZ (as amended on July 31, 2025) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

11. Code of Administrative Offences of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 195-FZ (as amended on July 31, 2025) (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

12. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of June 25, 2019 No. 20 "On Some Issues Arising in Judicial Practice When Considering Cases of Administrative Offenses Provided for in Chapter 12 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation" (SPS "ConsultantPlus"). (In Russ.)

13. The “Strong Ideas for Modern Times” received more than 290 ideas on technological development. URL: <https://tass.ru/novosti-partnerov/19731247> (date of the application: 19.10.2025). (In Russ.)

14. GOST R 57258-2016. The National Standard of the Russian Federation. Unmanned Aircraft Systems. Terms and Definitions (approved and put into effect by Rosstandart Order of November 10, 2016 No. 1674) (SPS “Code”). (In Russ.)

15. Resolution of the Government of the Russian Federation of November 26, 2018 No. 1415 “On Conducting an Experiment on Pilot Operation of Highly Automated Vehicles on Public Roads” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

16. Order of the Government of the Russian Federation of March 25, 2020 No. 724-r “On the Concept of Ensuring Road Safety with the Participation of Unmanned Vehicles on Public Roads” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

17. Draft Federal Law “On Highly Automated Vehicles and on Amendments to Some Legislative Acts of the Russian Federation”. URL: <https://regulation.gov.ru/projects/116763/> (date of the application: 19.10.2025). (In Russ.)

18. Baranov P. P. Legal Regulation of Robotics and Artificial Intelligence in Russia: Some Approaches to Solving the Problem. *North Caucasian Law Bulletin*, 2018, no. 1. (In Russ.)

19. The Video Showed a Delivery Robot That Drove across the Aurus with a Flashing Light. URL: <https://www.gazeta.ru/auto/news/2025/09/04/26650892.shtml> (date of the application: 19.10.2025). (In Russ.)

20. Zyryanov S. M. Problems of Qualification of Administrative Offenses Committed with the Participation of Unmanned Vehicles. *Problems of Law Enforcement*, 2024, no. 4. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Л. С. Булгакова – кандидат юридических наук.

В. А. Карташева – студентка 3-го курса.

Information about the authors:

L. S. Bulgakova – PhD in Law.

V. A. Kartasheva – Third-Year Student.

Статья поступила в редакцию 27.11.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 27.11.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 349+796

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-213-227>

АКТЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ СПОРТИВНЫХ ФЕДЕРАЦИЙ (АССОЦИАЦИЙ) КАК КОМПОНЕНТ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СПОРТСМЕНА-АВТОГОНЩИКА

Александра Вячеславовна Корзун

Государственный академический университет гуманитарных наук,
119049, Россия, г. Москва, Мароновский пер., д. 26

korzun.motorsport@gmail.com

Аннотация

В работе исследуется роль актов международных спортивных федераций (МСФ), прежде всего Международной автомобильной федерации (FIA), в регламентации профессиональной деятельности автогонщика в элитных сериях: *Formula 1*, *WRC*, «24 Heures du Mans». Гипотеза – нормы FIA в составе *lex sportiva* доминируют в вопросах статуса, допуска, контрактных механизмов, дисциплинарной и антидопинговой ответственности, безопасности. Методология основана на формально-юридическом, сравнительно-правовом и системном анализе, а также изучении актов МОК, ВАДА и документов FIA. Отмечается, что акты МСФ формируют специфическую правовую среду, сочетающую автономию и императивный контроль, влияя на квалификацию трудов правового статуса гонщика и взаимодействуя с национальным правом (РФ/Франция), порождая коллизии. Сформулированы предложения по гармонизации российского законодательства с учетом особенностей автоспорта.

Ключевые слова: международные спортивные федерации; ФИА; акты; регламентация; профессиональная деятельность; спортсмен-автогонщик; трудов правовой статус; саморегулирование; Олимпийская хартия; *lex sportiva*.

Для цитирования: Корзун А. В. Акты международных спортивных федераций (ассоциаций) как компонент регламентации профессиональной деятельности

спортсмена-автогонщика // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 213–227. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-213-227>

Research Article

ACTS OF INTERNATIONAL SPORTS FEDERATIONS (ASSOCIATIONS) AS A COMPONENT OF REGULATION OF A PROFESSIONAL RACING DRIVER'S ACTIVITY

Alexandra V. Korzun

State Academic University of the Humanities, 26 Maronovsky Lane,
Moscow, 119049, Russia

korzun.motorsport@gmail.com

Abstract

The article examines the role of international sports federations (ISFs), primarily the Fédération Internationale de l'Automobile (FIA), in regulating the professional activity of racing drivers in elite series (Formula One, WRC, 24 Hours of Le Mans). It argues that FIA norms, as part of *lex sportiva*, decisively shape drivers' status, eligibility, contractual mechanisms, disciplinary and anti-doping liability, and safety. The methodology combines formal legal, comparative and systemic analysis, and review of the Olympic Charter, the WADA Code, and FIA regulations. ISF acts are shown to create a legal environment mixing private autonomy with mandatory oversight, affecting the labor-law qualification of drivers and interacting with national law (Russia/France), raising conflicts. Recommendations are offered for harmonizing Russian law with motor-sport specifics.

Keywords: international sports federations; FIA; acts; regulation; professional activity; racing driver; labor law status; self-regulation; Olympic Charter; *lex sportiva*.

For citation: Korzun A. V. Acts of International Sports Federations (Associations) as a Component of Regulation of a Professional Racing Driver's Activity. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 213–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-213-227>

Введение

Актуальность темы обусловлена высокой коммерциализацией автоспорта элитного уровня (*F1*, *WRC*, «*24 Heures du Mans*») и возросшей плотностью правовых рисков: от допуска (лицензии, также суперлицензии), безопасности и антидопинга до дисциплины и трансферов. При этом профессиональная деятельность гонщика сочетает повышенную опасность, значительные инвестиции и многосубъектную координацию (команды, промоутеры, спонсоры, организаторы, МСФ). Указанное порождает вопрос о том, какова фактическая «центральная ось» регламентации: национальное право, международное публичное право, *lex mercatoria* либо комплекс актов МСФ (*lex sportiva*). Дискуссионным остается вопрос о пределе «наднациональности» актов МСФ и их соотношении с императивами национального трудового и социального права [1–8].

Предмет исследования – система актов МСФ (в первую очередь ФИА) как компонент правовой регламентации профессиональной деятельности автогонщика. Гипотеза: акты ФИА образуют доминирующий регулятивный пласт, формирующий специфическую правовую среду, непосредственно влияющую на трудовую правовую статус гонщика и взаимодействующую с национальными нормами, порождая как возможности (унификация стандартов, процедурная определенность), так и коллизии (юрисдикция споров, социальные гарантии, безопасность) [1; 5–17].

Методология включает: формально-юридический анализ статутных и регламентных актов ФИА (Международный спортивный кодекс, приложения), регламентов конкретных серий (*F1*, *WRC*, *WEC/24 Heures du Mans*), Олимпийской хартии МОК и Кодекса ВАДА; сравнительно-правовой анализ (сопоставление с *lex mercatoria*, сопоставление РФ/Франция); системный подход к спортивному праву; анализ прецедентов трансферных конфликтов (*CRB – Piastrri*; контрактные споры – *Palou*) как иллюстраций институциональной инфраструктуры *lex sportiva* [2; 9–13; 15–20].

Научная новизна состоит в целостном анализе именно «профессиональной» составляющей деятельности автогонщика через призму актов ФИА, с фокусом на их влиянии на квалификацию трудового правового статуса и механизмы взаимодействия с национальным правом (РФ/Франция): в отличие от существующих исследований, данная работа детализирует пересечение дисциплинарной, спортивно-технической и контрактной подсистем в автоспорте элитного уровня и предлагает практико-ориентированные предложения по гармонизации [1; 3–12].

Цель – комплексно показать, как акты ФИА регулируют профессиональную деятельность гонщика, где проходят границы их императивности, и какие модели правового статуса они фактически конструируют.

1. Правовая природа актов FIA

1.1. Место FIA в системе международного спортивного регулирования

МСФ в олимпийской архитектуре действуют в горизонтально-сетевой модели, но Олимпийская хартия закрепляет нормативную роль МОК и связь федераций с олимпийским движением, что опосредованно задает «вертикаль» для федеративных актов (уставы, кодексы, регламенты, решения). В автоспорте ФИА обладает полномочиями по установлению Международного спортивного кодекса (*ISC*) и утверждению

регламентов мировых серий; национальные спортивные органы (ASN) интегрируют эти нормы на уровне национального спорта [1; 3; 9]. Соответственно, нормативные блоки ФИА функционируют как *lex sportiva* – автономная, но институционально встроенная подсистема норм, не тождественная ни международному публичному праву, ни *lex mercatoria* [1; 3]. Дискуссионным остается вопрос о «наднациональности» таких актов: с одной стороны, они основаны на частной автономии ассоциаций и добровольном присоединении участников; с другой – их императивность для допуска/участия и жесткая дисциплинарная инфраструктура сближают их с публично-правовым контролем [1; 3; 4]. В российском правовом порядке признание роли МСФ следует из Федерального закона от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 329-ФЗ) и статуса общероссийских федераций; при этом законодатель сохраняет приоритет императивов охраны труда, антикоррупционных и антидопинговых стандартов [1; 3; 4; 9; 21; 22].

1.2. Нормативные особенности актов ФИА

ISC и его Приложения (например, Приложение L о требованиях к водителям и безопасности, Приложение B о санкциях) выступают «ядром» императивной регламентации; регламенты серий (F1, WRC) конкретизируют допуск, процедуры соревнования, дисциплину, доказательные стандарты и санкции. Отдельный пласт составляют судебнo-дисциплинарные правила ФИА (*Judicial and Disciplinary Rules, JDR*) и институции (Международный апелляционный суд – ICA), обеспечивающие принудительность актов и их интерпретацию [1; 10; 11; 18; 19]. В совокупности это создает многоуровневую систему норм «прямого действия» для гонщика и команды, где формула «согласился участвовать – подчинился» выступает рабочим юридическим тестом *lex sportiva* [1; 10; 11; 18; 19].

Акты ФИА не являются международными договорами в смысле Венской конвенции; они действуют как внутренние нормы частноправовых объединений, обязательные в силу членства/присоединения и опосредованные через договорные конструкции (заявки, лицензии, соглашения с промоутером/командой). При этом национальные правовые порядки (РФ, Франция) признают автономию спорта, но проводят «красные линии»: охрана труда, социальные гарантии, процессуальные стандарты правосудия, публичный порядок. В России гл. 54.1 Трудового кодекса РФ (далее – ТК РФ) и нормы ФЗ № 329-ФЗ обязывают учитывать специфику труда спортсмена; во Франции *Code du sport* предусматривает специальные срочные трудовые договоры для спортсменов и критерии подчинения как основу квалификации отношений [4–7]. Следовательно, акты ФИА включаются в систему источников как «вненациональные» регламенты, чье действие ограничивается императивами закона и судебным контролем по месту исполнения/эффектов [4–7; 14].

В контексте теории источников права важно подчеркнуть, что «наднациональность» федеративных норм не означает их формального приоритета над национальными законами: речь идет о функциональной верховности внутри спортивной системы, обеспечиваемой механизмами допуска и дисциплинарного контроля. Такой «функциональный приоритет» проявляется через институт лицензий и «регламентную оговорку» (*submission clause*), которую фактически подписывает каж-

дый гонщик при получении допуска, принимая обязательность Международного спортивного кодекса (ISC) и приложений [1; 9]. В результате возникает модель частноправового принуждения, сочетающая договорную природу (основание – согласие) и императивные последствия (санкции, недопуск, дисквалификация) [1; 9–11]. В отличие от *lex mercatoria*, где арбитражная инфраструктура носит преимущественно горизонтальный характер, *lex sportiva* опирается на вертикально организованные органы федерации (стюарды, Международный апелляционный суд – ICA) и, где это предусмотрено, на апелляции в КАС (CAS), что придает нормам ФИА практическую «жесткость» исполнения [10; 11; 13]. При этом «жесткость» сопряжена с процессуальными гарантиями, закрепленными в регламентах: право быть заслушанным, право на независимое рассмотрение и на апелляцию, что снижает риски произвольного усмотрения [10; 11; 13; 23].

Особо следует отметить технико-медицинский характер значительной части федеративных норм в автоспорте: Приложение L к ISC содержит детальные предписания о медосмотрах, экипировке и поведении, которые по глубине и способу воздействия ближе к «техническим регламентам безопасности», чем к общим корпоративным правилам [9]. Такая технико-императивная нормативность объясняет, почему акты ФИА нередко воспринимаются как «публичные» требования, хотя их источник – частноправовая федерация. В правовом анализе это оправдывает использование категории «технико-правовых стандартов»: частные по происхождению, но императивные по фактическому действию [1; 9; 17; 24–26].

2. Влияние актов ФИА на статус автогонщика

2.1. Лицензирование и доступ к соревнованиям

Профессиональный статус автогонщика в элитных сериях начинается с допуска: международные лицензии, в F1 – суперлицензия; в выносливости – категоризация пилотов (*Platinum/Gold/Silver/Bronze*), влияющая на комплектование экипажей и стратегию команд [9–11; 19]. Приложение L к ISC устанавливает требования к медосмотрам, зачетам, поведению на трассе и экипировке (включая системы удержания головы HANS, стандарты шлемов и огнезащитной одежды) [9; 17; 24]. Обновления стандартов 8856-2018 (огнезащитная одежда) и 8860-2018 (шлемы, в том числе ABP) демонстрируют «движущуюся» императивность безопасности, которая действует независимо от национальных норм и фактически задает отраслевой минимальный стандарт [7; 24]. Отдельные руководства ФИА по безопасности ралли, а также регламенты WRC и «Ле-Мана» вводят детальные требования к процедурам, зонам сервиса, публикации результатов, поведению пилотов и пр., связывая допуск и участие с соблюдением разветвленной системы контроля [12; 18; 25; 26]. Эти нормы носят публично-подобный характер (санкции, запреты, отзыв допуска), но основаны на частной автономии участия – характерная черта *lex sportiva* [1; 9; 18; 19; 24–26].

2.2. Контракты, дисциплинарная и антидопинговая ответственность

Контракты гонщиков с командами подчинены не только общему праву, но и регламентной инфраструктуре серии. В F1 ключевую роль играет Совет по признанию контрактов (*Contract Recognition Board, CRB*), обеспечивающий приоритет «правиль-

ного» контракта и устранение параллельных сделок: дело О. Пиастри завершилось признанием действительным контракта с *McLaren* (решение *CRB* и подтверждающие официальные заявления серии) [15; 20]. Прецеденты в смежных топ-сериях (дело *Á. Palou*) иллюстрируют, что даже вне *F1* разногласия о «переходах» способны трансформироваться в сложные многоюрисдикционные споры о нарушении договорных обязательств и расчете убытков [16]. В совокупности это подтверждает, что акты МСФ создают специфические «контрактные шлюзы» (регистрация, признание, допуск), влияющие на оборотоспособность прав гонщика и его мобильность на рынке труда, причем регламентные фильтры серии фактически определяют исход спора либо перераспределяют его в пользу спортивной юрисдикции [11; 15; 16; 20; 23].

Дисциплина обеспечивается и «на трассе» (*Stewards*, санкции – предупреждения, штрафы времени, *Stop-and-Go*, дисквалификация; детальные «*Guidelines on the Application of Penalties*») и «в кабинетах» (*ICA* и *JDR* ФИА, право на протест и апелляцию, стандарты доказаний). Регламенты *F1* прямо закрепляют связь со Спортивным кодексом и судебно-дисциплинарными правилами ФИА; решения стюардов могут обжаловаться в пределах, установленных *ISC/JDR* [1; 10; 11; 23]. Таким образом, дисциплинарная подсистема *lex sportiva* замыкается на институтах ФИА, что обеспечивает единообразие практики и предсказуемость для команд и пилотов [1; 10; 11; 23].

Антидопинговая регламентация в автоспорте строится на универсальном Кодексе ВАДА (2021), инкорпорированном в правила ФИА и национальные системы (в РФ – ч. 26 ФЗ № 329-ФЗ о предотвращении допинга; в регламентах серий – процедурные ссылки, тестинг и санкции). Кодекс ВАДА квалифицирует антидопинговые правила как «правила игры» для всех участников; обязанности спортсмена и сопровождающих лиц предельно формализованы [2; 21]. В контуре этики ФИА действуют кодексы поведения/коммуникаций и «*Driving Standards*» (для *F1*), что расширяет сферу «профессиональной» регламентации гонщика за пределы чисто спортивной техники [11; 26]. С точки зрения трудового статуса эти блоки усиливают элементы контроля и подчинения, традиционно характерные для отношений «работник-работодатель», хотя формально исходят из членского и договорного начала [2; 12; 21; 26].

Лицензирование и «порог профессиональности». Процедуры допуска выстраивают у гонщика устойчивый «профессиональный цикл»: медосмотр – сертификация экипировки – получение/подтверждение лицензии – участие в обязательных брифингах – соблюдение стандартов вождения на специализированном треке («*Driving Standards*») – постсоревновательные проверки (юридическая процедура закрытого парка и т.д.) [9–12; 23; 26]. Для *F1* дополнительно действует сверхстрогий фильтр суперлицензии, где критерии квалификации (суперлицензионные очки) и дисциплинарные баллы создают кумулятивную систему ответственности: поведение гонщика оценивается не эпизодически, а на протяжении сезона [11; 26]. В выносливости (*WEC/Ле-Ман*) значима категоризация пилотов (*Platinum/Gold/Silver/Bronze*), влияющая на допуск, состав экипажей и время за рулем; это напрямую воздействует на занятость и доходы гонщиков в классе *GT*, прототипов и гиперкаров [18;

19]. В ралли (WRC) уровень детализации процедур (сектора безопасности, правила передвижения по дорогам общего пользования, сервисные окна) повышает «регламентную нагрузку» и снижает область усмотрения участника [12; 25].

Дисциплинарная вертикаль и предсказуемость санкций. Практика Стюардов и ICA демонстрирует тренд к объективизации состава нарушений (*unsafe release, causing a collision, track limits*, несоблюдение желтых/красных флагов), что повышает предсказуемость для команд и пилотов. Публикация «*Guidelines on the Application of Penalties*» и «*Driving Standards Guidelines*» задает консолидированные критерии оценки инцидентов (расстояние, траектория, преимущество, возможность избежать контакта), уменьшая пространство для «форум-шоппинга» и противоречивой практики [10; 23; 26]. Эта предсказуемость – ключ к снижению транзакционных издержек в «рынке труда» пилотов: чем яснее риски санкций, тем проще проектировать бонусы/малусы в контрактах [11; 23].

Контрактная экосистема и трансферы. Механизм CRB (F1) – редкий пример «регистрационного арбитража» в частном праве спорта: он сочетает реестр контрактов и ускоренное рассмотрение при конфликте записей, что видно на деле О. Пиастри [13; 20]. CRB фактически «обезвреживает» параллельные соглашения и упорядочивает рынок, уменьшая вероятность затяжных гос-судебных процессов. За пределами F1 (например, спор *Á. Palou*) отсутствие аналогичного органа приводит к многоуровневому спору (внутрисерийные процедуры + государственные суды/медиация), что влечет рост издержек и неопределенности [16]. Вывод: инфраструктура договорного признания – критический фактор правовой определенности на рынке труда пилотов [13; 20].

Безопасность как ядро «организации труда». К примеру, стандарты 8860-2018 (шлемы), 8856-2018 (спецодежда (гоночный комбинезон и т.д.)) «объективируют» обязанности гонщика и команды не только по охране труда, но и соблюдение правил безопасности, которые в автоспорте написаны «кровью»: допуск к соревнованию поставлен в зависимость от материально проверяемых требований [17; 24]. Это влияет на договорное распределение рисков: расходы на экипировку, ответственность за своевременную сертификацию и омологацию, порядок досмотра и хранения в соответствии с допустимыми сроками использования – все это целесообразно закреплять в контракте, поскольку регламентный проступок (например, непрошедшая сертификацию деталь на автомобиле) может повлечь спор-санкцию (недопуск / дисквалификацию/ лишение победы) и трудовые последствия (штрафы по договору, лишение выплаты за этап) [9–11; 17; 24].

Антидопинг, данные и приватность. Кодекс ВАДА (2021) и стандарты ISPPPI/ISDP требуют обработку чувствительных данных спортсмена (*whereabouts, TUE*, результаты тестирования) по принципам необходимости и пропорциональности; при этом регламенты ФИА прямо «встраивают» антидопинговую процедуру в систему допуска/дисциплины [2; 21]. В юрисдикциях ЕС добавляется слой GDPR; в типовых договорах целесообразны прозрачные положения о данных, включая правовые основания обработки (исполнение регламентов, защита правовых требований) и сроки хранения [2; 11; 21]. Такая «инфорегуляция» – не факультатив, а часть «профессиональной среды» гонщика.

3. Коллизии и взаимодействие с национальным правом

3.1. Российский правовой порядок

ФЗ № 329-ФЗ институционализирует роль спортивных федераций и отсылки к правилам вида спорта, при этом устанавливает обязательные требования по антидопингу, предотвращению манипулирования результатами, безопасности, страхованию и медобслуживанию [4; 21; 22]. Трудовой кодекс (гл. 54.1) содержит специальные нормы о заключении, переводе, расторжении трудовых договоров со спортсменами, а также об индивидуальных трудовых спорах в профессиональном спорте. Для автогонщика это означает, что даже при опоре на акты ФИА (допуск, лицензии, дисциплина) национальные императивы о защите труда и социальных гарантиях сохраняют приоритет: медицинские осмотры, охрана труда, страхование от несчастных случаев и др. [4; 5; 15]. В результате формируется дуализм: регламентная «надстройка» ФИА определяет условия участия и дисциплину, а трудовые/социальные вопросы решаются в правовом порядке РФ с учетом специальных норм спорта [4; 5; 22].

3.2. Французский правовой порядок

Французское право закрепляет *CDD sportif* – особый срочный трудовой договор со спортсменом-профессионалом (ст. L222-2 и L222-2-3 *Code du sport*), что прямо подталкивает к квалификации отношений гонщика с командой как трудовых при наличии критерия субординации (подчинения). Судебная практика Кассационного суда исходит из материальных признаков подчинения (управленческий контроль, дисциплина, интеграция в организацию работодателя), что воспроизводится и в современных делах [6–8]. Для автоспорта это особенно заметно: жесткая регламентность, командный контроль, требования безопасности и медицинские допуски усиливают аргументы в пользу статуса «работника», даже если договорная оболочка стремится к модели независимого подрядчика [6–8].

Внутренняя юрисдикция ФИА (*Stewards, ICA*) и наднациональный Спортивный арбитражный суд (*CAS*) формируют «скелет» разрешения споров, тогда как национальные суды оставляют за собой контроль по вопросам публичного порядка и трудовых прав. Кодекс *CAS* (2023) допускает апелляции на решения федераций при наличии арбитражной оговорки/статутной ссылки [13]. Регламенты ФИА системно связывают дисциплину и апелляции с *ISC/JDR* (включая компетенцию *ICA*) [1; 23]. На практике трансферные конфликты в *Formula 1* «обрываются» *CRB* на уровне серии, что снижает нагрузку на государственные суды (дело Пиастри); однако договорные споры, выходящие за пределы регистрационно-допускной логики серии, мигрируют в коммерческие суды (история *Á. Palou*) [15; 16; 20]. Дискуссионным остается вопрос о границе «исключительности» спортивной юрисдикции: императивы трудового права и процессуальные гарантии могут требовать национального судебного контроля, особенно когда спор затрагивает социальные права или компенсацию вреда [1; 4–7; 13].

F1. Спортивные регламенты F1 (2025) конкретизируют нормы *ISC*: допуск, проведение соревнований, стандарты безопасности и порядок обжалования. «*Driving Standards Guidelines*» и решения стюардов создают устойчивые прецеденты при-

менения санкций (штраф времени, лишение результата и др.), что обеспечивает предсказуемость и «воспитательный» эффект [10; 11; 23; 26].

WRC. Регламент 2025 г. демонстрирует масштаб «регуляторной матрицы»: классификации, лимиты компонентов, процедуры сервиса, поведение на дороге, экологические требования. Это пример глубоко императивного режима, в котором роль пилота как профессионала детально «расписана», а дисциплина и безопасность превалируют над автономией [12; 25].

«24 часа Ле-Мана» (ACO/FIA WEC). Дополнительные регламенты ACO и спортивные регламенты WEC дополняют «федеральные» нормы ФИА особенностями конкретного мероприятия: скрупулезные требования к хронометражу, к процедуре скрутирования (*Le Pesage*), к медиакоммуникации и др., – это влияет на профессиональный ритм работы экипажа и стратегию команд [12; 18]. Нормы категоризации пилотов (*FIA Driver Categorisation*) прямо отражаются в распределении вахт и темпа гонки [12; 18; 19].

РФ: дуализм спортивной и трудовой юрисдикций. Глава 54.1 ТК РФ и ФЗ № 329-ФЗ формируют «каркас» нацправопорядка, в который встраивается *lex sportiva*. Практичный тест разграничения таков: если спор касается результата соревнования, допуска, дисциплины – первична федеративная юрисдикция (стюарды/ICA и, при наличии, CAS); если спор затрагивает оплату труда, охрану здоровья, страхование, дискриминацию, вред жизни и здоровью, – приоритет у национальных органов и судов [2; 4; 5]. Отсюда – договорная рекомендация: двухканальная юрисдикционная оговорка в договоре с гонщиком, прямо воспроизводящая указанное разграничение [4; 5; 13; 23].

Франция: презумпция трудового статуса. Нормы *Code du sport* о CDD sportif в сочетании с кассационным критерием «*lien de subordination*» фактически формируют презумпцию наемного труда для профессионального спортсмена при наличии управленческого контроля и дисциплины [6; 7]. В автоспорте, где управление и дисциплина «умножены» на жесткие регламенты безопасности и допинга, вероятность квалификации отношений как трудовых еще выше. Следовательно, командам экономически рационально проектировать полноценный трудовой договор (с учетом регламентных требований), а не пытаться «маскировать» его гражданско-правовой оболочкой – риски переквалификации и санкций (включая социальные взносы и штрафы) превосходят краткосрочные выгоды [6; 7].

Страхование и социальные гарантии. Федеративные требования безопасности корреспондируют национальным обязанностям по охране труда и страхованию от несчастных случаев; в РФ – это блок императивов ФЗ № 329-ФЗ и ТК РФ (медосмотры, СИЗ, страхование), во Франции – социальное страхование и коллективные соглашения спорта [4–7; 22]. Рекомендуется закреплять раздел страхования в договоре гонщика (кто оплачивает полис, пределы ответственности, порядок урегулирования), синхронизируя его с перечнями ФИА (8856/8860/8853 и др.) и протоколами меддопуска [9; 17; 24].

Акты МСФ, с одной стороны, конструируют ситуации, в которых гонщик выступает как «индивидуальный подрядчик»: высокая контрактная гибкость, конфиденциальность, зависимость от спонсорских обязательств и результат-ориентированных

опционов; арбитражные «шлюзы» серии (*CRB*) модулируют свободное движение на рынке [11; 15; 20]. С другой стороны, регламенты ФИА углубляют элементы подчинения: стандартизированная дисциплина, контроль за безопасностью и медициной, антидопинговые и этические предписания, санкционные матрицы, – что сближает фактический режим с «классической» моделью трудовых отношений [2; 9–12; 17; 23–25]. В правовых порядках с развитым спортивным трудовым правом (Франция) это приводит к презумпции трудового статуса при наличии материальных признаков субординации; в РФ – к расширительному применению специальных норм ТК РФ (гл. 54.1) и контролю публичного порядка над регламентной автономией ФИА [4–7]. Следовательно, акты ФИА не только задают «технические» условия работы, но и фактически влияют на юридическую квалификацию труда гонщика, размывая границу между независимым подрядом и трудовыми отношениями [4–7; 15–17; 24–26].

Интерпретация «признания» регламентов МСФ. При квалификации отношений и разрешении споров признавать «регламентную императивность» ФИА в пределах допуска/соревновательной дисциплины, но не допускать ее превалирования над охраной труда, социальными гарантиями и процессуальными правами спортсмена. Практический тест: если последствие относится к допуску/результату соревнования – первична юрисдикция ФИА/CAS; если к статусу работника, вреду здоровью, оплате труда – первичен национальный суд/ГИТ [1; 2; 4; 5; 13].

Типовой договор гонщика. Рекомендовать разработку рекомендательного типового трудового договора для автоспорта (либо смешанного договора), интегрирующего неизбежные ссылки на *ISC/JDR* и регламенты серии, с предписанием о приоритете императивов ТК РФ и ФЗ № 329-ФЗ; включить «регламентную оговорку» с разграничением предмета спортивной и трудовой юрисдикции [1; 4; 5; 9–12].

Безопасность и медиализация. Формализовать в подзаконных актах обязательный учет стандартов ФИА (к примеру, 8856-2018/8860-2018 и др.), Приложения L и профильных руководств при проведении соревнований в РФ, а также предусмотреть механизм признания «эквивалентности» стандартов МСФ и российских норм охраны труда [9; 17; 24; 25].

Антидопинговая и антиманипуляционная комплаенс-матрица. Синхронизировать локальные правила клубов/АК с Кодексом ВАДА и ст. 26, 26.2 ФЗ № 329-ФЗ, включая обязательные обучающие модули для гонщиков и персонала, «горячие линии» и процессуальные регламенты уведомления в РУСАДА/ФИА [2; 21; 22].

Процессуальные «мосты» с *CAS/ICA*. Ввести в типовые договоры, уставы федераций и положения о соревнованиях четкую арбитражную оговорку: спортивные споры – по *JDR/ISC/ICA/CAS*; трудовые – по ТК РФ и ГПК/АПК РФ. Это минимизирует коллизионные «зависания» и повышает предсказуемость [1; 2; 4; 5].

Типовой (рамочный) договор гонщика. Рекомендуется включить в него:

- (а) ссылку на применимые регламенты ФИА (*ISC*, Приложение L, регламент серии) и *JDR*;
- (б) разграничение юрисдикций (спортивные вопросы – *ICA/CAS*; трудовые/социальные – суды РФ);
- (в) раздел «Безопасность и экипировка» с отсылкой к актуальным стандартам и распределением затрат/рисков;

(г) раздел «Антидопинг и данные» (основания обработки по *ISPPPI/ISDP* и срок хранения; уведомления *VADA/FIA*);

(д) «трансферную» оговорку (порядок регистрации/признания в компетентном органе серии и запрет параллельных соглашений) [9–13; 13; 23; 24].

Методические письма для федераций/организаторов. Имеет смысл рекомендовать:

(1) использовать публичные «*Driving Standards Guidelines*» и шкалы санкций как обязательные приложения к положению о соревновании;

(2) внедрить чек-листы по экипировке и меддопуску, подписываемые гонщиком и командой перед каждым выездом;

(3) ввести обязательную *data-privacy notice* на старте сезона (*GDPR/ISPPPI*) [2; 10; 23; 26].

Комплаенс-карта команды. Для снижения рисков переквалификации отношений как трудовых при «гражданско-правовой» модели следует минимизировать *C-factor*: ограничивать директивные указания вне гонок, не вводить квазидисциплинарные штрафы без договорной основы, прозрачно оформлять *PR*-обязанности как отдельные услуги (если команда настаивает на подрядной модели). Однако с точки зрения правовой определенности и социальной защиты спортсмена трудовая модель предпочтительнее (особенно при длительной интеграции в программу и регулярной занятости) [4–7].

Заключение

Гипотеза подтверждается: акты ФИА – ключевой, доминирующий компонент регламентации профессиональной деятельности автогонщика, определяющий допуск, дисциплину, безопасность, антидопинг и значительную часть контрактной экосистемы. Их специфика – императивность при частноправовой природе – формирует особую правовую среду *lex sportiva*, глубоко влияющую на квалификацию трудовправового статуса гонщика: регламенты усиливают элементы контроля и подчинения, при этом поддерживая рыночную мобильность через регистрирующие/арбитражные механизмы (*CRB* и др.). Практика РФ и Франции показывает наличие устойчивых точек взаимодействия и коллизий: юрисдикция, социальные гарантии, безопасность. Научная новизна работы состоит в системной демонстрации того, как именно «инфраструктура» актов ФИА пронизывает ежедневную профессиональную жизнь автогонщика; практическая значимость – в предложениях по гармонизации российского регулирования и типизации договоров с учетом неизбежной «двухсистемности» норм [1; 2; 9–13; 18; 19].

Сводно, акты ФИА образуют плотную регулятивную ткань профессиональной деятельности автогонщика, обеспечивая безопасность, дисциплину и процедурную определенность рынка труда пилотов. Их влияние на квалификацию статуса опосредованно, но существенно: взаимодействуя с командной субординацией и экономической зависимостью, федеративные нормы часто приводят к трудовой квалификации в правовых порядках типа Франции и к усиленной защите в РФ с опорой на гл. 54.1 ТК РФ [4–7]. Рекомендации по гармонизации – разработка рамочных договоров, юрисдикционных оговорок, страхового и *data-privacy* блоков – позволяют синхронизировать *lex sportiva* и национальные императивы без подмены последних

[4; 8–9; 22–23; 26]. Продолжение исследований может быть направлено на анализ экономических эффектов *CRB* / «регистрационных арбитражей» и их возможной трансплантации в иные топ-серии (*WEC/IndyCar*), а также на оценку влияния новых стандартов данных (*ISDP-2027*) на профессиональную рутину гонщика [2; 21].

Пристатейный библиографический список

1. Федеральный закон от 4 декабря 2007 г. № 329-ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-329-fz-o/> (дата обращения: 01.09.2025).
2. 2025 FIA World Rally Championship Sporting Regulations (15.01.2025) // FIA : сайт. URL: https://api.fia.com/sites/default/files/wrcsr_2025_january_15_2025_blue_v1_0.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
3. 24 Heures du Mans – Supplementary Regulations 2024 // ACO : сайт. URL: <https://assets.lemans.org/explorer/pdf/courses/2024/24-heures-du-mans/regulations/2024-24-heures-du-mans-supplementary-regulations.pdf> (дата обращения: 01.09.2025).
4. Appendix L to the International Sporting Code // FIA : сайт. URL: https://api.fia.com/sites/default/files/5_-_appendix_l_2024_publie_le_11_decembre_2024.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
5. FIA Driver Categorisation Regulations 2025 (31.12.2024) // FIA : сайт. URL: https://api.fia.com/sites/default/files/driver_categorisation_regulations_2025_0.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
6. Code du sport – art. L222-2-3 // Légifrance : сайт. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000031537872 (дата обращения: 01.09.2025).
7. Cour de cassation (soc.), 23.04.1997, n° 94-13187 // Légifrance : сайт. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007035821/> (дата обращения: 01.09.2025).
8. Cour de cassation (soc.), 19.06.2024, ECLI:FR:CCASS:2024:SO00660 // Légifrance : сайт. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000049774986> (дата обращения: 01.09.2025).
9. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
10. Olympic Charter // International Olympic Committee : сайт. URL: <https://www.olympics.com/ioc/documents/international-olympic-committee/olympic-charter> (дата обращения: 01.09.2025).
11. FIA International Sporting Code // FIA : сайт. URL: <https://www.fia.com/regulations> (дата обращения: 01.09.2025).
12. FIA Judicial and Disciplinary Rules (JDR) // FIA : сайт. URL: <https://api.fia.com/international-court-appeal> (дата обращения: 01.09.2025).
13. 2025 FIA World Endurance Championship Sporting Regulations (v1.1) // FIA/ACO : сайт. URL: https://api.fia.com/sites/default/files/2025_fia_world_endurance_championship_sporting_regulations_mu_v1.1.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
14. Code du sport – art. L222-2 // Légifrance : сайт. URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000031548967 (дата обращения: 01.09.2025).

15. Юрлов С. А. Определенность нормативного регулирования спорта... // КиберЛенинка : сайт. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelennost-normativno-go-regulirovaniya-sporta-kak-predposylka-ustanovleniya-chetkikh-predelov-avtonomii-sportivnyh-organizatsiy-i> (дата обращения: 01.09.2025).
16. Casini L. The Making of a Lex Sportiva by the Court of Arbitration for Sport // German Law Journal : сайт. URL: https://germanlawjournal.com/wp-content/uploads/GLJ_Vol_12_No_05_Casini.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
17. Mitten M. J., Opie H. "Sports Law": Implications for the Development of International, Comparative, and National Law and Global Dispute Resolution // Tulane Law Review : сайт. URL: <https://www.tulanelawreview.org/pub/volume85/issue2/sports-law-implications-for-the-development> (дата обращения: 01.09.2025).
18. ICA Decision 19.03.2025 // FIA : сайт. URL: https://api.fia.com/sites/default/files/documents/ica-2024-15-2025-03-19-ica_decision_en-web.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
19. 2025 Formula One Sporting Regulations (Issue 5, 30.04.2025) // FIA : сайт. URL: https://api.fia.com/system/files/documents/fia_2025_formula_1_sporting_regulations_-_issue_5_-_2025-04-30.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
20. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» // Верховный Суд Российской Федерации : сайт. URL: <https://www.vsrfr.ru/files/10092/> (дата обращения: 01.09.2025).
21. World Anti-Doping Code 2021 // World Anti-Doping Agency : сайт. URL: <https://www.wada-ama.org/en/resources/world-anti-doping-code-and-international-standards/world-anti-doping-code> (дата обращения: 01.09.2025).
22. Code of Sports-related Arbitration (CAS Code, 2023) // Court of Arbitration for Sport : сайт. URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/CAS_Code_2023__EN_.pdf (дата обращения: 01.09.2025).
23. Palou headed to London after Daytona for mediation... // Yahoo Sports : сайт. URL: <https://sports.yahoo.com/palou-headed-london-daytona-mediation-164300494.html> (дата обращения: 01.09.2025).
24. TIMELINE: How the Oscar Piastri saga unfolded // Formula1.com : сайт. URL: <https://www.formula1.com/en/latest/article/timeline-how-the-oscar-piastri-saga-unfolded.3SgAcTkt9El6qM1W7p6HzW> (дата обращения: 01.09.2025).
25. In Full: Contract Recognition Board announcement // Speedcafe : сайт. URL: <https://speedcafe.com/in-full-contract-recognition-board-decision> (дата обращения: 01.09.2025).
26. IndyCar champ Alex Palou admits breach of contract // ESPN : сайт. URL: https://www.espn.com/racing/indycar/story/_/id/38991847/indycar-champ-alex-palou-admits-breach-contract (дата обращения: 01.09.2025).

References

1. Federal Law of December 4, 2007 No. 329-FZ "On Physical Culture and Sports in the Russian Federation". URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-04122007-n-329-fz-o/> (date of the application: 01.09.2025). (In Russ.)

2. 2025 FIA World Rally Championship Sporting Regulations (15.01.2025). URL: https://api.fia.com/sites/default/files/wrcsr_2025_january_15_2025_blue_v1_0.pdf (date of the application: 01.09.2025).

3. 24 Heures du Mans – Supplementary Regulations 2024. URL: <https://assets.le-mans.org/explorer/pdf/courses/2024/24-heures-du-mans/regulations/2024-24-heures-du-mans-supplementary-regulations.pdf> (date of the application: 01.09.2025).

4. Appendix L to the International Sporting Code. URL: https://api.fia.com/sites/default/files/5_-_appendix_l_2024_publie_le_11_decembre_2024.pdf (date of the application: 01.09.2025).

5. FIA Driver Categorisation Regulations 2025 (31.12.2024). URL: https://api.fia.com/sites/default/files/driver_categorisation_regulations_2025_0.pdf (date of the application: 01.09.2025).

6. French Sports Code – art. L222-2-3 (mandatory nature of specific fixed-term contracts). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000031537872 (date of the application: 01.09.2025).

7. French Court of Cassation (Soc.), 23.04.1997, n° 94-13187: criterion of “lien de subordination” (subordination link). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000007035821/> (date of the application: 01.09.2025).

8. French Court of Cassation (Soc.), 19.06.2024, ECLI:FR:CCASS:2024:SO00660: mandatory nature of norms L.222-2-1–L.222-2-8. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/juri/id/JURITEXT000049774986> (date of the application: 01.09.2025).

9. Labor Code of the Russian Federation of December 30, 2001 No. 197-FZ. Chapter 54.1 “Peculiarities of Regulating the Labor of Athletes and Coaches” (SPS “ConsultantPlus”). (In Russ.)

10. Olympic Charter. URL: <https://www.olympics.com/ioc/documents/international-olympic-committee/olympic-charter> (date of the application: 01.09.2025).

11. FIA International Sporting Code. URL: <https://www.fia.com/regulations> (date of the application: 01.09.2025).

12. FIA Judicial and Disciplinary Rules (JDR). URL: <https://api.fia.com/international-court-appeal> (date of the application: 01.09.2025).

13. 2025 FIA World Endurance Championship Sporting Regulations (v1.1). URL: https://api.fia.com/sites/default/files/2025_fia_world_endurance_championship_sporting_regulations_mu_v1.1.pdf (date of the application: 01.09.2025).

14. French Sports Code – art. L222-2 (defining a professional athlete as a “salarié”). URL: https://www.legifrance.gouv.fr/codes/article_lc/LEGIARTI000031548967 (date of the application: 01.09.2025).

15. *Iurlov S. A.* Certainty of Regulatory Regulation of Sports as a Prerequisite for Establishing Clear Limits of Autonomy of Sports Organizations. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opredelennost-normativnogo-regulirovaniya-sporta-kak-predposylka-ustanovleniya-chetkih-predelov-avtonomii-sportivnyh-organizatsiy-i> (date of the application: 01.09.2025). (In Russ.)

16. *Casini L.* The Making of a Lex Sportiva by the Court of Arbitration for Sport. URL: https://germanlawjournal.com/wp-content/uploads/GLJ_Vol_12_No_05_Casini.pdf (date of the application: 01.09.2025).

17. Mitten M. J., Opie H. "Sports Law": Implications for the Development of International, Comparative, and National Law and Global Dispute Resolution. URL: <https://www.tulanelawreview.org/pub/volume85/issue2/sports-law-implications-for-the-development> (date of the application: 01.09.2025).

18. ICA Decision 19.03.2025. URL: https://api.fia.com/sites/default/files/documents/ica-2024-15-2025-03-19-ica_decision_en-web.pdf (date of the application: 01.09.2025).

19. 2025 Formula One Sporting Regulations (Issue 5, 30.04.2025). FIA. URL: https://api.fia.com/system/files/documents/fia_2025_formula_1_sporting_regulations_-_issue_5_-_2025-04-30.pdf (date of the application: 01.09.2025).

20. Ruling of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of March 17, 2004 No. 2 "On the Application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation". URL: <https://www.vsrfr.ru/files/10092/> (date of the application: 01.09.2025).

21. World Anti-Doping Code 2021. URL: <https://www.wada-ama.org/en/resources/world-anti-doping-code-and-international-standards/world-anti-doping-code> (date of the application: 01.09.2025).

22. Code of Sports-related Arbitration (CAS Code, 2023). URL: https://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/CAS_Code_2023_EN_.pdf (date of the application: 01.09.2025).

23. Palou headed to London after Daytona for mediation... URL: <https://sports.yahoo.com/palou-headed-london-daytona-mediation-164300494.html> (date of the application: 01.09.2025).

24. TIMELINE: How the Oscar Piastri saga unfolded. URL: <https://www.formula1.com/en/latest/article/timeline-how-the-oscar-piastri-saga-unfolded.3SgAcTkt9El6qM1W7p6HzW> (date of the application: 01.09.2025).

25. In Full: Contract Recognition Board announcement. URL: <https://speedcafe.com/in-full-contract-recognition-board-decision/> (date of the application: 01.09.2025).

26. IndyCar champ Alex Palou admits breach of contract. URL: https://www.espn.com/racing/indycar/story/_/id/38991847/indycar-champ-alex-palou-admits-breach-contract (date of the application: 01.09.2025).

Сведения об авторе:

А. В. Корзун – аспирант.

Information about the author:

A. V. Korzun – Graduate Student.

Статья поступила в редакцию 21.09.2025; одобрена после рецензирования 19.01.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 21.09.2025; approved after reviewing 19.01.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 340

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-228-236>

СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТЬ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ В СВЕТЕ СУДЕБНОЙ РЕФОРМЫ 1864 Г.

Екатерина Викторовна Корнилова

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России),
117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

katerina22.85@mail.ru

Аннотация

Настоящая статья посвящена рассмотрению принципа состязательности в гражданском процессе России в контексте преобразований, вызванных Судебной реформой 1864 г. В работе рассматриваются теоретические дискуссии того времени относительно сущности, пределов и практической реализации данного принципа. Особое внимание уделяется анализу взглядов ведущих российских процессуалистов, отражающих различные подходы к соотношению состязательных и следственных начал в гражданском судопроизводстве. Исследование основано на анализе исторических источников, в том числе законодательных актов и научных трудов, и направлено на выявление закономерностей развития состязательного начала в российском гражданском процессе и определение его влияния на эффективность защиты прав и законных интересов участников гражданских правоотношений, а как отдельной частности – активности суда как органа в состязательном процессе. В процессе исследования используется расширенный перечень научных методов познания: синтетический анализ документальных источников, метод перекрестного сопоставления тезисов, историко-правовой анализ, компиляция суждений и выводов по общему признаку. Полученные результаты позволяют по-новому взглянуть на значение Судебной реформы 1864 г. для формирования модели гражданского процесса в России.

Ключевые слова: судебная реформа; судебный процесс; состязательность; следственные методы; пореформенный суд.

Для цитирования: Корнилова Е. В. Состязательность в гражданском процессе России в свете судебной реформы 1864 г. // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 228–236. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-228-236>

Research Article

COMPETITIVENESS IN RUSSIAN CIVIL PROCEDURE IN THE LIGHT OF THE JUDICIAL REFORM OF 1864

Ekaterina V. Kornilova

All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia
katerina22.85@mail.ru

Abstract

This article is devoted to the consideration of the principle of competition in the Russian civil procedure in the context of the transformations caused by the Judicial Reform of 1864. The paper examines the theoretical discussions of that time regarding the essence, limits and practical implementation of this principle. Special attention is paid to the analysis of the views of leading Russian processualists, reflecting different approaches to the relationship between adversarial and investigative principles in civil proceedings. The research is based on an analysis of historical sources, including legislative acts and scientific works, and is aimed at identifying patterns of development of the adversarial principle in Russian civil procedure and determining its impact on the effectiveness of protecting the rights and legitimate interests of participants in civil law relations, and in particular, the activity of the court as a body in the adversarial process. The results obtained allow us to take a fresh look at the significance of the Judicial Reform of 1864 for the formation of a model of civil procedure in Russia.

Keywords: judicial reform; judicial process; adversarial; investigative methods; post-reform court.

For citation: Kornilova E. V. Competitiveness in Russian Civil Procedure in the Light of the Judicial Reform of 1864. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 228–236. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-228-236>

Введение

Судебная реформа 1864 г. занимает исключительное место в российской истории из-за своей новизны, поскольку стала логическим следствием ликвидации старой крепостнической системы права в целях решительного преодоления социаль-

но-экономического, культурного, технического и технологического отставания от ушедших вперед стран Западной Европы. Для успеха модернизации необходима была судебная система на новых принципах, которая позволяла бы быстро наращивать экономический потенциал страны и развивать предприимчивость народа.

Старый русский дореформенный суд не мог обеспечить решение новых задач, которые стояли перед Россией. Это был закрытый, келейный суд, часть общей российской администрации. Судьи напрямую подчинялись губернаторам, а тайное, по сути дела, инквизиционное судопроизводство порождало массу злоупотреблений и коррупцию.

Новый судебный порядок расширил круг правоспособных субъектов Российской империи, создал новую прокуратуру и адвокатуру, институт присяжных заседателей и, главное, ввел в судебный процесс состязательность сторон защиты и обвинения. Либеральные преобразования российской юстиции второй половины XIX в. изменили российское общество, так как возникли и стали развиваться принципы демократизма, справедливости и гуманизма, которые успешно приняты сегодня в новой России.

1. Теоретическая основа

Судебная реформа 1864 г. коренным образом изменила российскую судебную систему, внедрив принципиально новые положения, определяющие порядок формирования судебных органов и осуществления правосудия. Наиболее существенные изменения произошли в сфере гражданского судопроизводства, восстановив состязательную модель судопроизводства. Законодатель стремился к созданию судебной системы, отвечающей критериям справедливости, независимости, автономности от административного воздействия, оперативности рассмотрения дел и равенства всех сословий перед законом. До реформы в России существовало четыре сословных группы (дворянство, духовенство, городские обыватели и сельские обыватели), чьи споры рассматривались в отдельных судебных инстанциях.

Устав гражданского судопроизводства 1864 г. (далее – УГС) стал основным нормативным актом, регламентирующим порядок отправления правосудия в гражданских судах. Содержание УГС отражало принципы реформированного суда и закрепило состязательность в качестве ведущей формы гражданского судопроизводства [1, с. 56]. Состязательность как принцип правосудия была основана на диспозитивности, процессуальном равноправии сторон, гласности судебного разбирательства и свободной оценке доказательств.

Согласно ст. 4 УГС инициатива возбуждения гражданского дела принадлежала исключительно частным лицам, суд был лишен права инициировать разбирательство. Заинтересованные лица должны были обращаться с заявлением непосредственно в суд, поскольку ст. 3 УГС исключала возможность рассмотрения гражданских споров иными государственными органами или должностными лицами. Исковое заявление в мировой суд подавалось в письменной форме, однако допускалась и устная форма заявления с обязательной регистрацией в канцелярии суда (ст. 51 УГС).

Статья 64 УГС устанавливала строгие требования к содержанию искового заявления. В частности, истец должен был указать полные и достоверные сведения о себе и об ответчике. Истец был обязан представить доказательства, обосновывающие его требования. Далее в заявлении системно излагались обстоятельства дела и формулировалась цель иска. Суд не имел права присудить истцу больше того, что он заявил в первоначальном иске (ст. 706 УГС).

Подготовкой к устному разбирательству дела являлся обмен процессуальными документами между сторонами. К таким документам согласно ст. 312 УГС относились: исковое заявление, отзыв на иск, возражения и встречные возражения. Ответчик был обязан представить подробный и ясный отзыв на исковое заявление. Решение вопросов о спорных фактах должно было приниматься на основании доводов и доказательств, представленных сторонами, а не на основе собственного усмотрения суда (ст. 367 УГС).

В пореформенной судебной системе институт профессионального представительства интересов сторон – адвокатура – оказал существенное влияние на состоятельность судопроизводства. Участие адвокатов способствовало повышению эффективности и оперативности рассмотрения дел, а также активизации процессуальной деятельности сторон. Однако доступ к квалифицированной юридической помощи ограничивался ее платным характером, что создавало обеспечительные препятствия.

Кульминацией состязательного процесса являлось рассмотрение дела судом. Статья 330 УГС устанавливала порядок проведения словесных прений между истцом и ответчиком. Первоначально истцу предоставлялось право изложить свои требования и представить доводы в их обоснование. После этого ответчик получал возможность опровергнуть аргументы истца и изложить свои возражения и подтверждающие их обстоятельства. Каждая сторона имела право истребовать у другой стороны необходимые документы, что обеспечивало дополнительные возможности для реализации принципа состязательности (ст. 442 УГС). Статья 338 УГС предписывала суду предоставлять сторонам равное количество времени для устных объяснений, что способствовало более полному пониманию существа состязательного процесса.

Судья осуществлял анализ и оценку доказательств, основываясь на собственном убеждении, сформированном в результате всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, без формального обращения к установленным формулам. Это знаменовало отказ от официального подхода к оценке доказательств.

Тем не менее пореформенная судебная система не была лишена недостатков. Отмечались случаи: нарушения обязанности суда разъяснять лицам, участвующим в деле, их права и обязанности; не всегда обеспечивалось ознакомление сторон с аргументами друг друга; имели место случаи ненадлежащего уведомления участников процесса. Перечисленные изъяны усугублялись недостаточной квалификацией судей и судебных чиновников.

2. Мнения научного сообщества

Судебная реформа, безусловно, способствовала возвращению состязательного начала в гражданский процесс России. Несмотря на очевидные преимущества реформирования, среди ученых-юристов второй половины XIX в. сформировались различные взгляды на сущность, значение, необходимость, достоинства и недостатки преобразований. Активные дискуссии развернулись сразу после принятия Судебных уставов. Для анализа и оценки современного состояния состязательности в гражданском процессе Российской Федерации необходимо учитывать весьма разнообразные позиции ведущих специалистов-цивилистов того времени, поскольку они были непосредственными свидетелями, а зачастую и участниками реализации судебной реформы.

Профессор К. И. Малышев, являясь последовательным противником широкого применения следственных методов в гражданском процессе, с энтузиазмом воспринял возвращение к состязательной модели. Его теоретические работы оказали определяющее влияние на формирование концепции гражданского судопроизводства в России [2, с. 353–355].

К. И. Малышев отводил суду главную роль в организации состязательности, однако подчеркивал, что суд не должен по собственной инициативе, без соответствующего обращения истца, приступать к рассмотрению дела. Предметом судебного разбирательства должна была становиться исключительно информация, представленная сторонами. Суду надлежало воздерживаться от самостоятельного розыска и получения доказательств, использования в процессе материалов, не представленных сторонами, а также от принятия во внимание подобных сведений. Таким образом, К. И. Малышев, приверженный принципу состязательности, ограничивал полномочия суда, который, по его мнению, должен был занимать нейтральную позицию. Тем не менее, несмотря на отрицательное отношение к следственному началу, К. И. Малышев полагал, что суд вправе вмешиваться в материальную сторону процесса и прояснять сложные аспекты дела посредством опроса сторон и свидетелей. Судья мог задавать сторонам и свидетелям вопросы, необходимые для выяснения обстоятельств дела (ст. 75, 175, 335 УГС). Судье предоставлялось право предлагать сторонам предоставить дополнительные доказательства, необходимые для разрешения дела, а также требовать проведения экспертизы и даже выезда на место спора [2, с. 362].

Е. А. Нефедьев, другой теоретик гражданского процесса, совмещавший научную деятельность с практической работой в должности судьи Сызранского мирового суда, придерживался иной позиции. Он выступал за привнесение в состязательный процесс элементов следственного начала и повышение активности суда. По его мнению, суду следовало предоставить возможность энергично собирать материалы для установления обстоятельств дела [3, с. 139].

В ходе своих исследований Е. А. Нефедьев выделил пять основных признаков состязательного процесса: 1) суд не может возбуждать дело при отсутствии искового заявления; 2) суд не может совершать процессуальные действия без ходатайства заинтересованного лица; 3) решение суда должно основываться только на доводах, представленных сторонами и установленных в ходе судебного засе-

дания; 4) в основу решения могут быть положены только доказательства, представленные сторонами; 5) суд не может присудить в решении больше, чем требуют стороны [3, с. 153–154].

В то же время автор считал, что не существует универсальных критериев для определения соотношения состязательных и следственных элементов в гражданском процессе, подчеркивая, что это соотношение зависит от множества факторов, таких как: историческая эпоха, направления реформирования, целей и задач судопроизводства, уровня развития судебной системы и т.д.

Другой профессор – А. Х. Гольмстен, видный процессуалист XIX в., – разработал толкование принципов состязательности, актуальных на современном этапе:

1. Гражданское дело возбуждается исключительно по инициативе истца. Это отражает свободу истца в распоряжении правом на судебную защиту, выбор средств состязания, изменение исковых требований и прекращение процесса (принцип диспозитивности).

2. Суд не инициирует гражданское дело без обращения сторон, не принуждает их к совершению процессуальных действий и не осуществляет их по собственной инициативе (принцип активности сторон).

3. Решение суда основывается только на доказательствах, представленных сторонами, за исключением правовых норм, подлежащих применению (принцип оценки доказательств).

4. Суд не может выйти за пределы заявленных сторонами требований, присуждая больше, чем просит истец, хотя вправе присудить меньше или иное, не выходя за рамки исковых требований (принцип предела судебного решения) [4, с. 403–405].

А. Х. Гольмстен отмечал, что во всех стадиях права сторон должны значительно преобладать над официальными обязанностями суда [5, с. 139].

Следующий теоретик Е. В. Васьковский, адвокат и свидетель судебной реформы, в своих трудах наиболее полно представил идеи развития состязательности в гражданском процессе России конца XIX в. Он считал состязательный процесс с элементами следствия идеальной моделью гражданского судопроизводства.

Васьковский изучал основные начала процесса, начиная с собирания доказательств, определяя вид процесса в зависимости от субъекта, осуществляющего эту деятельность. Он выделял три способа сбора доказательств.

При состязательном процессе стороны самостоятельно собирают доказательства, и суд выносит решение, основываясь исключительно на представленных доводах [6, с. 90–91].

При следственном процессе сбор доказательств полностью возложен на суд, вне зависимости от воли сторон.

При смешанном процессе состязательные и следственные начала сочетаются в равной степени.

Е. В. Васьковский, сторонник состязательности, отмечал, что разработчики УГС сохранили элементы следственного начала, позволяя суду по своей инициативе назначать осмотры и экспертизы (ст. 507, 515 УГС) и предлагать сторонам устранять недостатки в доказательствах (ст. 335, 368 УГС), он выделил преимущества состязательного процесса:

1. Стороны лучше осведомлены об обстоятельствах дела, чем суд.
2. Стороны более заинтересованы в расследовании обстоятельств и доказывании своей правоты.
3. Суд проверяет соответствие выводов сторон нормам права, не подменяя их выводы своими.
4. Нежелательно вмешательство суда в частные отношения граждан.
5. Стороны несут ответственность за полноту представляемых сведений.
6. Следственный начало лишает суд нейтральности, превращая его в участника спора.
7. Состязательность обеспечивает разделение труда, побуждая стороны и их представителей к активному поиску и представлению доказательств, подтверждающих их позицию.
8. Состязательный процесс стимулирует самостоятельность, инициативность и активность сторон в защите своих интересов.
9. Следственный тип судопроизводства, напротив, снижает активность сторон, перекладывая ответственность за сбор доказательств на суд и порождая недоверие к судебной деятельности в случае неудачи.

Полезна и целесообразна состязательность, по мнению Е. В. Васьковского, только тогда, когда обе стороны выступают равносильными, примерно одинаково подготовленными сторонами. Здесь могут быть два пути: либо привлечь в обязательном порядке для участия в процессах профессиональных юристов, либо потребовать от судов оказывать содействие участникам при установлении фактических обстоятельств [6].

Профессор Т. М. Яблочков, отмечая перекося в сторону состязательности в пореформенном законодательстве, считал необходимым дополнить состязательный процесс следственными компонентами.

Т. М. Яблочков подчеркивал важность передачи материальной стороны процесса сторонам, при условии четкой организации состязательности. Он отстаивал идею материальной истины в гражданском процессе, выступая против ее отрицания в состязательном процессе, и полагал, что поиск материальной истины ведет к правильному решению, недопустимо ограничиваться формальной правдой [7, с. 294]. Он допускал активность суда в качестве средства помощи сторонам при их профессиональной слабости.

Профессор И. Е. Энгельман, исследователь истории состязательности с древних времен в России, приветствовал устранение канцелярии из судебного процесса заявлял, что «Благодаря справкам дела могли тянуться до бесконечности; они служили средством к усилению замедленности и произвола, проявляющегося во всем...» [8, с. 51].

Он сформулировал семь правил состязательного начала в духе римского частного права:

1. Суд рассматривает дело только по требованию истца (нет истца – нет суда).
2. Стороны равны между собой и перед судом, соперничая в процессе (да выслушают и противную сторону).
3. Судья не собирает доказательства и не привлекает свидетелей, а наблюдает за спором (судья да не ведет дело, по служебной необходимости).

4. Судья использует только материалы, представленные сторонами (чего нет в деле, нет на свете).

5. Суд ограничен требованиями истца и ответчика при принятии решения ответчика (суд не должен выходить за пределы требования сторон).

6. Суд применяет законы независимо от ссылки на них сторон (законы знает суд).

7. Решение суда должно основываться на доказательствах, а не на правилах совести (решение должно быть принято по приведенным и законным обстоятельствам, а не по убеждениям совестим) [8, с. 194–199].

Заключение

Подводя итоги, стоит отметить, что проблемы состязательности в гражданском процессе, которые разрабатывались дореволюционными авторами, и сегодня являются сферой научных дискуссий у современных юристов, которые обосновывая свои позиции, нередко обращаются к теоретическому наследию конца XIX в.

На сегодняшний день, безусловно, злободневны мнения профессиональных специалистов на роль суда и положение сторон в состязательном процессе. Ценным является дореволюционный опыт, который рекомендовал позволять активность суду в том случае, если возникает необходимость оказать помощь сторонам в ситуации их неподготовленности. В других условиях суд должен быть в пассивном положении.

Достоин внимания и указания теоретиков на то, что построенное на базе состязательности гражданского судопроизводства невозможно на основе применения «чистой» состязательности процесса.

На наш взгляд, является важной мысль ученых о возможности дополнения состязательного начала элементами следствия. При таких условиях состязательность выполнит свою цель – принять справедливое решение путем выявления в деле материальной истины.

Пристатейный библиографический список

1. Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1 : Устав гражданского судопроизводства. СПб. : Тип. II отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1866.

2. *Малышев К. И.* Курс гражданского судопроизводства. Т. 1. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1874.

3. *Нефедьев Е. А.* Учебник русского гражданского судопроизводства. М. : Тип. Имп. Моск. ун-та, 1900.

4. *Гольмстен А. Х.* Состязательное начало гражданского процесса в теории, русском законодательстве, преимущественно новейшем / *Гольмстен А. Х.* Юридические исследования и статьи. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1894.

5. *Гольмстен А. Х.* Учебник русского гражданского судопроизводства. 5-е изд., испр. и доп. СПб. : Тип. М. Меркушева, 1913.

6. *Васьковский Е. В.* Учебник гражданского процесса / под ред., с предисл. В. А. Томсинова. М. : Зерцало, 2003.

7. Яблочков Т. М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль : Книгоиздательство И. К. Гассанова, 1910.

8. Энгельман И. Е. Курс русского гражданского судопроизводства. 3-е изд., испр. и доп. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912.

References

1. Judicial Statutes of November 20, 1864, with an Explanation of the Reasoning on Which They Are Based. Part 1: Statute of Civil Procedure. St. Petersburg: Printing House of the Second Department of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1866. (In Russ.)

2. *Malyshev K. I.* Course of Civil Procedure. Vol. 1. St. Petersburg: M. Merkushev's Printing House, 1874. (In Russ.)

3. *Nefediev E. A.* Textbook of Russian Civil Procedure. Moscow: Imperial Moscow University Printing House, 1900. (In Russ.)

4. *Golmsten A. Kh.* The Adversarial Principle of Civil Procedure in Theory and Russian Legislation, Especially the Latest. In *Golmsten A. Kh.* Legal Research and Articles. St. Petersburg: M. M. Stasiulevich's Printing House, 1894. (In Russ.)

5. *Golmsten A. Kh.* Textbook of Russian Civil Procedure. 5th ed. St. Petersburg: M. Merkushev's Printing House, 1913. (In Russ.)

6. *Vaskovskii E. V.; Tomsinov V. A. (ed.).* Textbook of Civil Procedure. Moscow: Zertsalo, 2003. (In Russ.)

7. *Iablochkov T. M.* Textbook of Russian Civil Procedure. Yaroslavl: I. K. Gassanov's Book Publishing House, 1910. (In Russ.)

8. *Engelman I. E.* Course of Russian Civil Procedure. 3rd ed. Yuryev: K. Mattisen's Printing House, 1912. (In Russ.)

Информация об авторе:

Е. В. Корнилова – соискатель.

Information about the author:

E. V. Kornilova – PhD Student.

Статья поступила в редакцию 21.09.2025; одобрена после рецензирования 19.02.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 21.09.2025; approved after reviewing 19.02.2026; accepted for publication 20.03.2026.

Научная статья

УДК 340.12

<https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-237-244>

ВЫДАЮЩИЙСЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ ПРАВОСОЗНАНИЯ, ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЮРИСТОВ: ПАМЯТИ ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА НИКОЛАЯ ЯКОВЛЕВИЧА СОКОЛОВА

Елена Александровна Певцова¹

Алексей Александрович Федорченко²

Владислав Юрьевич Панченко^{3,4}

¹ Российский государственный университет народного хозяйства им. В. И. Вернадского, 143900, Московская область, г. Балашиха, ш. Энтузиастов, д. 50

^{2,3} Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), 117638, Россия, г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

⁴ Сибирский федеральный университет, 660041, г. Красноярск, Россия, пр. Свободный, д. 79

¹ mail@rgunh.ru

² fedorchenko.aleshka@mail.ru

^{3,4} panchenkovlad@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена памяти выдающегося российского ученого-юриста, доктора юридических наук, профессора Николая Яковлевича Соколова (1938–2025), являвшегося руководителем Всероссийского государственного университета юстиции с 1976 по 1980 г. На основе анализа его научных трудов и биографических данных раскрывается многогранный вклад ученого в развитие теории государства и права. Особое внимание уделяется центральным направлениям его научной деятельности: исследованию профессионального правосознания и профессиональной культуры юристов, проблемам правового воспитания, а также новаторскому ис-

пользованию социологических методов для изучения различных сторон жизни юридического сообщества. Показана роль Н. Я. Соколова как организатора науки и образования. Авторы приходят к выводу, что научное наследие Н. Я. Соколова, его идеи о сущности правосознания, правовой культуре как мере освоения правовых ценностей и типологии юристов сохраняют высокую актуальность и служат фундаментом для дальнейших исследований.

Ключевые слова: Н. Я. Соколов; правосознание; правовая культура; профессиональная культура юристов; профессиональная деятельность юристов; правовое воспитание; социология права; теория государства и права.

Для цитирования: Певцова Е. А., Федорченко А. А., Панченко В. Ю. Выдающийся исследователь правосознания, правовой культуры и профессиональной деятельности юристов: памяти доктора юридических наук, профессора Николая Яковлевича Соколова // Вестник Российской правовой академии. 2026. № 2. С. 237–244. <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-237-244>

Research Article

OUTSTANDING RESEARCHER OF LEGAL CONSCIOUSNESS, LEGAL CULTURE AND PROFESSIONAL ACTIVITY OF LAWYERS: IN MEMORY OF DOCTOR OF LAW, PROFESSOR NIKOLAI YAKOVLEVICH SOKOLOV

Elena A. Pevtsova¹

Alexey A. Fedorchenko²

Vladislav Yu. Panchenko^{3,4}

¹ Vernadsky Russian State University of National Economy, 50 Entuziastov Hwy., Balashikha, 143900, Russia

^{2,3} All-Russian State University of Justice, 2, Bldg. 1 Azovskaia St., Moscow, 117638, Russia

⁴ Siberian Federal University, 79 Svobodnyi Ave., Krasnoyarsk, 660041, Russia

¹ mail@rgunh.ru

² fedorchenko.aleshka@mail.ru

^{3,4} panchenkovlad@mail.ru

Abstract

The article is dedicated to the memory of an outstanding Russian legal scholar, Doctor of Law, Professor Nikolai Yakovlevich Sokolov (1938–2025), who was the head of All-Russian State University of Justice from 1976 to 1980. Based on the analysis of his scientific works and biographical data, the multifaceted contribution of the scientist to the development of the theory of state and law is revealed. Particular attention is paid to the central areas of his scientific activity: the study of professional legal consciousness and professional culture of lawyers, problems of legal education, as well as the innovative use of sociological methods to study various aspects of the life of the legal community. The role of N. Ya. Sokolov as an organizer of science and education, who trained a galaxy of students, is shown. The authors conclude that the scientific heritage of N. Ya. Sokolov, his ideas about the essence of legal consciousness, legal culture as a measure of mastering legal values, and the typology of lawyers remain highly relevant and serve as a foundation for further research.

Keywords: N. Ya. Sokolov; legal consciousness; legal culture; professional culture of lawyers; professional activity of lawyers; legal education; sociology of law; theory of state and law.

For citation: Pevtsova E. A., Fedorchenko A. A., Panchenko V. Yu. Outstanding Researcher of Legal Consciousness, Legal Culture and Professional Activity of Lawyers: In Memory of Doctor of Law, Professor Nikolai Yakovlevich Sokolov. *Herald of the Russian Law Academy*, 2026, no. 2, pp. 237–244. (In Russ.) <https://doi.org/10.33874/2072-9936-2026-0-2-237-244>

Введение

1 октября 2025 г. ушел из жизни человек, чье имя стало символом целой эпохи в развитии отечественной теории государства и права, – доктор юридических наук, профессор Николай Яковлевич Соколов. Его научная карьера, начавшаяся в 1960-е гг., охватила более полувека и пришлась на сложные периоды советской и постсоветской истории. В эпоху социальных трансформаций, когда многие ученые оставляли науку, Н. Я. Соколов остался верен своему призванию, сумев соединить глубокую теоретическую рефлексию с масштабными эмпирическими исследованиями. Вопросы правового воспитания, формирования правосознания и правовой культуры, которые сегодня находятся в приоритетном дискурсе государственных задач, были главным делом его жизни. Кратко осветить основные вехи жизненного пути и научного творчества Н. Я. Соколова, показать его вклад в изучение профессионального правосознания и правовой культуры, значение его наследия для современной юридической науки предприняли его ученики и последователи в настоящей статье.

Основная часть

Николай Яковлевич Соколов родился 19 декабря 1938 г. на станции Урсатьевской Ташкентской железной дороги. После окончания с отличием юридического

факультета Ташкентского государственного университета работал в правоохранительных органах, что дало ему бесценный практический опыт. Стремление к научному осмыслению правовой действительности привело его в аспирантуру Института государства и права АН СССР. Под руководством профессора М. П. Карева в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Формы участия народных масс в совершенствовании социалистического законодательства», а в 1988 г. – докторскую диссертацию «Профессиональное сознание юристов: структура, функции и развитие», ставшую серьезным фундаментом для его дальнейших научных изысканий [1].

Научная деятельность Н. Я. Соколова всегда была тесно связана с практикой и организацией юридического образования. Работа в ЦК ВЛКСМ, Министерстве юстиции СССР, а с 1976 г. – на посту директора Всесоюзного института усовершенствования работников юстиции (ВИУРЮ) позволила ему реализовать свои идеи по повышению квалификации юристов. Именно здесь Николай Яковлевич проявил себя как уникальный руководитель и ученый, осуществлявший деятельность заместителем руководителя отдела правовой пропаганды и правового воспитания Министерства юстиции СССР, занимавшимся в то время разработкой программ правового просвещения и правовой культуры советского общества. Особое внимание Николай Яковлевич как руководитель уделял материально-техническому развитию института и образовательного процесса, а также подготовке новых монографий, учебных пособий и программ, отвечающих духу времени. Именно во время руководства Николая Яковлевича Соколова ВИУРЮ переехал в новое здание на Азовской улице. С 1997 г. и до конца своих дней профессор Н. Я. Соколов преподавал в Московской государственной юридической академии (МГЮА, ныне Университет им. О. Е. Кутафина), передавая знания и опыт новым поколениям правоведов.

Николай Яковлевич Соколов был сыном своего времени, своей эпохи периода строительства развитого социализма и социалистической правовой системы. Он застал и эпоху распада Советского Союза, 1990-е гг. новейшей истории России, когда наука находилась в состоянии вымирания и уничтожения, многие ученые ушли из науки, кто-то – в бизнесмены, кто-то – в политику, а кто-то остался верен профессии и научно-педагогическому долгу. Среди тех, кто остался верен науке и университетскому образованию был Н. Я. Соколов, который, несмотря на сложные времена, реализуясь и как юрист-практик, остался в научно-педагогической деятельности до конца своей жизни.

В списке публикаций ученого более 150 значимых научных работ. Среди них и те, которые вышли в прошлом столетии и получили большую признательность в научной среде: «Гуманизм советского права» (М., 1968), «Организация правовой пропаганды» (М., 1974); «Профессиональное сознание юристов» (М., 1988). В последние годы ученым написано немало книг, среди которых: «Правовое просвещение в России: состояние и проблемы» (М., 2013), «Профессиональная культура юристов: понятие, сущность, содержание» (М., 2014), «Профессиональная культура юристов и законность» (М., 2015), «Правовое воспитание в современном российском обществе» (М., 2015), «Официальное опубликование нормативных правовых актов» (М., 2018), «Теория государства и права» (М., 2023) и многие другие.

Изучение научного наследия Н. Я. Соколова позволяет заключить, что благодаря Николаю Яковлевичу в науке актуальным стало новое научное направление и исследование проблем правовой культуры и правосознания общества, в том числе и юридического сообщества как самостоятельной профессиональной корпорации. В исследованиях Николая Яковлевича это направление приобрело нетипичное для юриспруденции социологическое измерение [2], что во многом обновило представления о потребностях общества в юридических кадрах, правовой культуре и особенностях правосознания самих юристов. Последние разработки данной проблемы характеризовались выявлением морально-нравственного и духовно-мировоззренческого портрета юриста. Понимание современного общества и его правовой системы невозможно без представления о том, кто непосредственно реализует право и защищает основы правопорядка. Юристы во многом являются слепком всего общества и все разнообразие типов личности, существующих в обществе, также соответствует разнообразию типов юристов с точки зрения их психо-поведенческого портрета личности. Поэтому юристы могут быть как борцами за справедливость, так и приспособленцами и коррупционерами как чиновники или простые граждане. Исследования Николая Яковлевича касались типологии самих юристов как самостоятельной социальной группы, отличающейся специфическими профессиональными и нравственными качествами культуры, образования и мировоззрения. Личность юриста – это человек долга и справедливости и честности. Формирование правового государства и демократии обусловлено развитием не только права, но и правовой культуры граждан, юридического сообщества как носителей правовой традиции, культуры и цивилизации.

Размах научных взглядов Николая Яковлевича был действительно весьма широкий и глубокий, от проблем правосознания общества до проблем правовой культуры, правотворчества и правовой традиции.

Н. Я. Соколов одним из первых в отечественной науке с позиций общей теории государства и права раскрыл понятие, сущность и структуру профессионального правосознания юристов. Позднее его интерес сместился к более широкому понятию профессиональной правовой культуры. Н. Я. Соколов в своих работах обосновывал необходимость обеспечения тесной взаимозависимости демократических преобразований с систематической и целенаправленной работой по правовому воспитанию граждан, формированию их правовой культуры; отмечал важность разработки и реализации единой комплексной общегосударственной программы правового воспитания населения и правовой подготовки должностных лиц. Действительно, стабильность и устойчивость развития российского общества во многом зависит от «воспитания уважения к праву и закону», разработки государственной программы правового воспитания. Снижение уровня правосознания негативно влияет на правотворческий и правоприменительный процессы, что заметно сказывается на количестве конфликтов в сфере права. Впервые в отечественной юридической литературе вопросы профессионально-юридического сознания Н. Я. Соколов рассмотрел с позиций общей теории государства и права, что имеет важное методологическое значение. Он сформулировал позицию, в соответствии с которой под профессиональным правосознанием понимается пра-

вовое сознание, носителем которого являются лица, профессионально занимающиеся юридической деятельностью, т.е. юристы.

Исследуя проблематику правового воспитания, правовой культуры общества и законности Н. Я. Соколов обосновывал важность разработки единой комплексной общегосударственной программы правового воспитания населения, отмечая, что снижение уровня правосознания негативно влияет на правотворческий и правоприменительный процессы.

Вклад Н. Я. Соколова в методологию юридической науки трудно переоценить. Он привнес в юриспруденцию социологическое измерение, что обновило представления о потребностях общества в юридических кадрах. В работе «Мотивы профессионального поведения и деятельности юристов» на основе опроса юристов были выявлены ведущие мотивы их деятельности. Отрадно, что первое место заняло профессиональное чувство ответственности (58,5%), подтвердив тезис ученого о том, что социальная ответственность – важнейший признак юридической профессии [3, с. 19].

Особую ценность представляет использование Н. Я. Соколовым (совместно с В. А. Леванским) метода структурной таксономии – одного из методов теории распознавания образов. Это позволило не просто оценить значимость отдельных мотивов, но и построить модели их взаимосвязей в коллективном сознании юристов. На основе анализа мотивов были выделены таксоны позитивной, негативной и нейтральной мотивации, что дало возможность глубоко проникнуть в сущность регулирующей функции профессионального правосознания [4].

Исследуя понятие правовой культуры, Н. Я. Соколов предложил оригинальное решение проблемы множественности ее определений. В статье «О понятии правовой культуры» (2004) он обосновал понимание правовой культуры как меры освоения правовых ценностей, накопленных обществом, и их использования различными субъектами в правовой сфере [5]. Эта философская категория «меры» позволила органично связать правовую культуру общества, социальных групп и личности, отграничить ее от правосознания, включив в нее не только уровень знаний, но и социально-активное, творческое поведение. Ученый последовательно выступал против отождествления правовой культуры с правовой системой или правовым режимом, подчеркивая ее ценностно-деятельностную природу.

На основе многолетних наблюдений Н. Я. Соколов разработал уникальную типологию юристов, выделив такие типы, как юристы-формалисты, юристы-прагматики, юристы-искатели справедливости, юристы-правозащитники и др. Эта типология, отражающая психо-поведенческий портрет личности юриста, имеет не только теоретическое, но и большое практическое значение для профессионального отбора и организации юридической деятельности.

На протяжении многих лет Н. Я. Соколов, являясь членом диссертационных советов в МГУ им. М. В. Ломоносова и МГЮА им. О. Е. Кутафина, воспитал целую плеяду учеников, которые продолжают развивать его научные идеи. Коллеги и ученики отмечали его редкую способность сочетать молодость души и мудрость слова, требовательность к себе и окружающим, честность и преданность справедливости. Его лекции, проникнутые глубоким знанием предмета и результатами собственных

исследований, всегда вызывали живой интерес у студенческой аудитории. Он умел вдохновлять молодежь, которая на протяжении многих лет его педагогической деятельности рукоплескала на лекциях и с нетерпением ожидала новых встреч.

Заключение

Уход из жизни Николая Яковлевича Соколова – невосполнимая утрата для юридической науки. Он оставил после себя богатейшее научное наследие, в котором органично соединились фундаментальная теория, результаты конкретных социологических исследований и практические рекомендации. Его идеи о сущности профессионального правосознания, о правовой культуре как мере освоения правовых ценностей, о необходимости системного правового воспитания граждан и сегодня звучат с особой актуальностью. Проведенные им социологические опросы юристов в середине 60-х гг. XX в. и в первой четверти XXI в. представляют собой уникальный материал для изучения эволюции юридического сообщества. Память о настоящем Учене, научном лидере, профессоре Николае Яковлевиче Соколове сохранится в сердцах его учеников, коллег и всех, кому дорога отечественная юридическая наука, а его труды еще долго будут служить фундаментом для новых исследований.

Пристатейный библиографический список

1. Соколов Н. Я. Профессиональное сознание юристов / отв. ред. Е. А. Лукашева. М. : Наука, 1988.
2. Соколов Н. Я. Профессиональная культура юристов (по итогам социологического исследования) : научно-практическое пособие. М. : ГОУ ВПО РПА Минюста России, 2007.
3. Соколов Н. Я. Мотивы профессионального поведения и деятельности юристов // Государство и право. 2008. № 11.
4. Леванский В. А., Соколов Н. Я. Опыт конкретно-социологического исследования и моделирования профессиональной культуры юристов // Lex russica. 2006. № 2.
5. Соколов Н. Я. О понятии правовой культуры // Lex russica. 2004. Т. 63. № 2.

References

1. Sokolov N. Ia.; Lukasheva E. A. (ed.). Professional Consciousness of Lawyers. Moscow: Nauka, 1988. (In Russ.)
2. Sokolov N. Ia. Professional Culture of Lawyers (Based on the Results of a Sociological Study). Moscow: Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2007. (In Russ.)
3. Sokolov N. Ia. Motives of Professional Behavior and Activity of Lawyers. *State and Law*, 2008, no. 11. (In Russ.)
4. Levanskii V. A., Sokolov N. Ia. Experience of Concrete Sociological Research and Modeling of Professional Culture of Lawyers. *Lex russica*, 2006, no. 2. (In Russ.)

5. Sokolov N. Ia. On the Concept of Legal Culture. *Lex russica*, 2004, vol. 63, no. 2. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Е. А. Певцова – член-корреспондент Российской академии образования, доктор юридических наук, доктор педагогических наук, профессор.

А. А. Федорченко – кандидат юридических наук.

В. Ю. Панченко – доктор юридических наук.

Information about authors:

E. A. Pevtsova – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Law, Doctor of Pedagogy, Professor.

A. A. Fedorchenko – PhD in Law.

V. Yu. Panchenko – Doctor of Law.

Статья поступила в редакцию 10.03.2026; одобрена после рецензирования 19.03.2026; принята к публикации 20.03.2026.

The article was submitted to the editorial office 10.03.2026; approved after reviewing 19.03.2026; accepted for publication 20.03.2026. To odio corperat, quisit wis accum

ТРЕБОВАНИЯ, ПРЕДЪЯВЛЯЕМЫЕ К РУКОПИСЯМ, НАПРАВЛЯЕМЫМ В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ»

Рукопись статьи должна содержать обоснование актуальности и научной новизны, апелляцию к оппонентам и наличие дискуссии, самостоятельные выводы автора, отражающие основные результаты проведенного исследования.

Стиль статьи должен соответствовать требованиям, предъявляемым к научным работам, не являться публицистическим. Автору следует избегать использования цитат из популярных журналов и газет, ссылок на высказывания по телевидению. Ссылки на интернет-источники должны соответствовать ГОСТ.

Рукопись статьи не должна содержать выдержки из диссертаций, монографий, учебной литературы, иных научных и учебно-методических работ. Не принимаются материалы, опубликованные ранее в других изданиях, в том числе самим автором рукописи. В случае направления рукописи статьи одновременно в редакции нескольких изданий автор обязан известить об этом ответственного секретаря журнала «Вестник РПА».

Статьи аспирантов в рубрику «Труды молодых ученых» принимаются только при наличии положительной рецензии научного руководителя, оформленной должным образом и заверенной в вузе.

Тексты статей принимаются исключительно в случае, если они соответствуют следующим техническим требованиям:

- Объем – не менее 10 страниц формата А4;
- шрифт – Times New Roman, кегль 14;
- междустрочный интервал – 1,5;
- поля – по 2 см со всех сторон;
- абзацный отступ – 1,25 см;
- все аббревиатуры и сокращения расшифрованы при первом их употреблении в тексте;
- ссылки затекстовые в виде пристатейного библиографического списка нумерованного (по порядку использования в тексте ссылок на источник (не по алфавиту)), оформленные в квадратных скобках с указанием номера издания и страницы (если это необходимо по смыслу текста) (например, [1, с. 5] или [2]);
- в рукописи допускается размещение рисунков и таблиц. Рисунки и таблицы выполняются на отдельных листах. Электронные версии рисунков и фотографий подготавливаются в редакторах Photoshop (*.tif, *.jpg, *.psd, разрешение 600 dpi) или InDesign – отдельными файлами на одну иллюстрацию с приложением их распечаток. Электронная версия текста, таблиц и формул дается в формате RTF.

Автор в обязательном порядке должен представить на русском и английском языках следующие сведения:

- фамилию, имя (полностью), отчество (полностью), ученую степень, ученое звание, почетное звание, должность (полностью, без сокращений и аббревиатур), основное место работы (учебы), e-mail адрес (для связи с научной общественностью, который может быть размещен в открытом доступе), город, контактный телефон;
- название статьи;
- аннотацию статьи;
- ключевые слова статьи;
- пристатейный библиографический список, составленный согласно действующим национальным и международным стандартам.

Объем аннотации – от 250 до 500 печатных знаков. Аннотация должна содержать:

- актуальность,
- цель работы,
- методологию проведенного исследования,
- основное содержание и новизну статьи,
- самостоятельные выводы автора.

Аннотация и ключевые слова должны соответствовать теме статьи и ее содержанию.

Редакционная коллегия журнала осуществляет проверку текста статьи с помощью системы «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 60%. Остальные 40% текста могут составлять надлежащим образом оформленные цитаты из литературных и иных источников, выдержки из законодательства, а также научные клише, стандартно используемые в публикациях подобного рода.

Материалы, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

В случае получения от рецензента отрицательной по содержанию рецензии статьи снимаются с публикации.

Окончательное решение о возможности публикации статьи в журнале принимает Редакционный совет.

Рукописи и направленные с ними иные материалы авторам не возвращаются.

ВЕСТНИК РОССИЙСКОЙ ПРАВОВОЙ АКАДЕМИИ

Научно-практический журнал
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

№ 2 / 2026

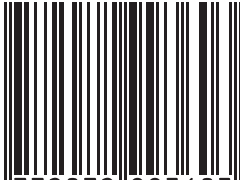
Выпускающий редактор: *Е.В. Кирсанова*
Дизайн обложки: *Ю.С. Соколова, А.А. Нехай*

Подписано к печати 09.06.2026. Формат 70х100 ¹/₁₆. Печ. л. 20,15.
Бумага офсетная, шрифт Myriad Pro.

Адрес редакции:
117638, ул. Азовская, д. 2, корп. 1
Тел.: +7 (499) 963-01-01 доб. 21080.
E-mail: vestnik-rpa@mail.ru
www.journal.rpa-mu.ru

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, д. 42,
корп. 5, эт. 1, пом. I, ком. 6.3-23Н

ISSN 2072-9936

9 772072 993603

